

В. ИРВИНГ

**ЖИЗНЬ
МАГОМЕТА**

**Москва
Амрита-Русь
2004**

ББК 86 38

И78

В. Ирвинг.

И78 ЖИЗНЬ МАГОМЕТА. Дополнение А.И. Кузьмина.

Сост. Г.Г. Горбунова. – М.: Амрита-Русь, 2004. – 288 с.

Ислам – одна из трех мировых религий. Это огромный мир со своими законами, моралью, эстетическими и нравственными нормами. Сотни миллионов людей поклоняются Аллаху, чтут его пророка Мухаммада, живут по законам ислама. Однако для многих жизнь основателя этой религии – тайна за семью печатями. Американский писатель В. Ирвинг (1783–1859) написал увлекательную книгу «Жизнь Магомета». В ней использован громадный фактический материал, она глубока по мысли, изящна по форме, однако забыта, ведь автор жил так давно! Предлагая эту книгу читателю, издатели хотели открыть дверь в интересный, полный драматических событий мир ислама и рассказать об одном из великих подвижников. Небольшое дополнение доктора филологических наук А.И. Кузьмина сообщает некоторые сведения к тексту В. Ирвинга.

© Г.Г. Горбунова, составитель, 1991

© А.И. Кузьмин, дополнение, 1991

© Амрита-Русь, дизайн, оформление, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	6
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	23
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	27
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	33
ГЛАВА ШЕСТАЯ	37
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	44
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	50
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	59
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	66
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	74
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	82
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.....	93
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	103
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	109
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.....	112
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.....	117
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	125
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	129
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.....	133
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	139
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	143
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.....	148

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	156
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	159
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	166
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	169
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	171
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	175
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ	178
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ	190
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ	199
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	206
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	213
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ	217
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ	219
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	226
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	229
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	239

ПРИЛОЖЕНИЕ	251
Об исламе	251
Благочестивые дела	264
ДОПОЛНЕНИЕ	272

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагая читателям историю жизни Магомета, я считаю нужным предпослать небольшое объяснение ввиду того, что никаких новых фактов я не мог прибавить к уже известным. Много лет тому назад, во время моего пребывания в Мадриде, я предполагал составить ряд очерков для характеристики времени господства арабов в Испании и хотел предпослать им жизнь основателя ислама и первого виновника завоеваний, сделанных арабами. Многие частности я заимствовал из испанских источников и из перевода арабского историка Абульфеды, сделанного Ганиером, копию с которого я нашел в библиотеке иезуитов в монастыре св. Исидора в Мадриде.

Во время моего последнего пребывания в Испании я воспользовался утомительной скукой довольно продолжительного недомогания, чтобы просмотреть рукописи, пользуясь при этом разъяснениями, сделанными за последнее время различными писателями, и в особенности умным и ученым библиотекарем Гейдельбергского университета Густавом Вейлем, тщательным исследованием которого я очень многим обязан*.

Таково происхождение труда, предлагаемого теперь вниманию публики и не имеющего никакой претензии на новизну сообщаемых фактов или на глубину изысканий. Он все еще носит на себе отпечаток сочинения, предназначенного для Семейной библиотеки, причем я больше всего имел в виду передать в легкой, понятной форме факты, относящиеся к жизни Магомета, и те легенды и предания, которые встречаются постоянно в восточной литературе; в то же время я старался сообщить сущность веры Магомета, насколько она может заинтересовать обычного читателя. При таких обстоятельствах я счел излишним испещрять страницы ссылками и цитатами и старался не отступать от обычной номенклатуры.

В. И. Сансейд, 1849 г.

* Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre. Stuttgart.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предварительные сведения об Аравии и арабах.

В течение длинного ряда лет, начиная с самой ранней исторической эпохи и вплоть до VII столетия Христианской эры, обширный полуостров, окруженный Красным морем, рекой Евфрат, Персидским заливом и Индийским океаном и известный под именем Аравия, оставался в прежнем неизменном виде, и события, глубоко потрясавшие остальную Азию, Европу и Африку, почти не коснулись его. В то время как царства и империи возникали и погибали, как древние династии исчезали с лица земли, как границы и населения стран изменялись, а их обитатели истреблялись или уводились в плен, — Аравия, невзирая на то, что пограничные ее области переживали некоторые перемены, сохранила в глубине своих пустынь свой первоначальный характер и свою независимость, а населявшие их кочевые племена никогда не склоняли своей главы под игом рабства.

Арабы относят предание о своей стране к самой отдаленной древности. По их словам, она заселена была вскоре после потопа потомством Сима, сына Ноя, постепенно разбившимся на несколько племен, из которых наиболее замечательными были адиты и тамудиты. Все эти первоначальные племена, по сказанию, или стерты были с лица земли в наказание за их беззакония, или же исчезли при последующих поколениях, так что относительно их остались только смутные предания и несколько страниц в Коране. О них иногда упоминается в истории Востока как о «древних первобытных арабах» или как об «исчезнувших племенах».

Уцелевшее население полуострова, по мнению тех же авторитетных источников, произошло от Катана или Йоокатана, потомка Сима в четвертом колене. Его потомство распространилось по южной части полуострова и вдоль

Красного моря. Яраб, один из его сыновей, основал государство Йемен, и вся территория получила название в честь его; от Яраба аравитяне производят название как себя, так и своей страны. Другой его сын, Джюргам, основал царство Хеджена, где его потомки царили в течение нескольких поколений. Это тот самый народ, который оказал гостеприимство Агари и Измаилу, изгнанным из дома патриархом Авраамом. Впоследствии Измаил женился на дочери Водада, владетельного князя из рода Джюргамы, и, таким образом, чужеземец и еврей привился к первоначальному арабскому родословному дереву. Это доказывает мощную силу этого дерева. Жена Измаила принесла ему двенадцать сыновей, приобретших господство над страной, и их обильное потомство, разделившись на двенадцать колен, изгнало первоначальное потомство Иокатана.

Такие сведения о своем происхождении сообщают арабы, населяющие полуостров*. Христианские же писатели приводят их в доказательство исполнения завета между Богом и Авраамом. Согласно Священному Писанию, «сказал Авраам Богу: о, хотя бы Измаил был жив пред лицом Твоим!» Бог же сказал: «И о Измаиле Я услышал тебя; вот, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ» (Быт. 17:18, 20). Далее в Библии упоминается об этих двенадцати князьях и о том, что они со своими племенами занимали страну «от Хавилы до Сура, что пред Египтом, как идешь к Ассирии» (Быт. 25:18), – область,

* Помимо арабов, населявших полуостров, были и другие, называемые кушитами, они происходили от Куша, сына Хама. Они заселяли берега Евфрата и Персидского залива. Именем Куш часто в Священном Писании называются арабы вообще, равно как и их страна. Вероятно, к арабам этого племени принадлежат те, которые бродят и теперь по пустынным областям древней Ассирии и в последнее время привлекались для раскопок развалин Ниневии. Их иногда называют также сирийскими арабами. В нашей книге мы будем говорить только об арабах, населяющих полуостров, или о настоящих арабах.

отождествляемую библейскими географами с частью Аравии. Описание их согласуется с тем, что мы видим у современных арабов: некоторые жили в городах и укреплениях, другие – в палатках или поселках в пустыне. Наваиоф и Кидар, старшие сыны Измаила, чаще всего упоминаются как отличавшиеся богатством стад, табунов и тонкостью руна овец. От Наваиофа произошли наватей (набатей, набатейцы), населившие каменистую Аравию, а именем Кидара в Библии называется иногда весь арабский народ. «Горе мне, – говорит псалмопевец, – что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских» (Пс. 119:5). Наваиоф и Кидар были, по-видимому, родоначальниками кочующих арабов, этих пастушеских племен, «свободных сынов пустыни», «народа мирного», как говорит пророк Иеремия, живущего беспечно: «ни дверей, ни запоров нет у него, живут по одиночке» (49:31).

Строгое различие возникло в самые ранние времена между арабами, «жившими в городах и укреплениях» и «жившими в палатках». Некоторые из числа первых занимали плодородные ущелья или долины, кое-где разбросанные среди гор, где эти города и укрепления окружены были виноградниками и плодовыми садами, пальмовыми рощами, хлебными полями и плодоносными пастбищами. Они вели оседлый образ жизни и занимались обработкой земли и скотоводством.

Другие же из числа их занимались торговлей и имели гавани и города вдоль Красного моря, южного берега полуострова и Персидского залива и вели заграничную торговлю на кораблях и караванах. Таковыми в особенности были арабы, населявшие Йемен, или Счастливую Аравию, эту страну пряностей, благовоний и ладана, которую поэты называли Сава (Савея, Саба, Сабей), а Священное Писание – Шеба (Шева). Они были из числа самых деятельных торговых мореплавателей восточных морей. Их корабли доставляли бальзамы с противоположного варварийского берега, золото, пряности и другие богатые и роскошные продукты из Индии и из Тропической Африки. Все эти товары

вместе с продуктами их собственной страны перевозились караванами через пустыни к полуарабским городам – Аммон, Моав, Едом или Идумея, к финикийским гаваням Средиземного моря и отсюда распространялись по странам Запада.

Верблюды назывались «кораблем пустыни», а караван можно было бы назвать ее флотом. Караваны Йемена обыкновенно снаряжались, охранялись и велись кочующими арабами, обитателями палаток, которых в силу этого можно было бы назвать пловцами пустынь. Они доставляли массу нужных верблюдов и восполняли груз тонкою шерстью своих бесчисленных стад. Из книг пророческих видно, какое важное значение в библейскую эпоху имел торговый путь, соединявший южные страны – Индию, Эфиопию и Счастливую Аравию с древней Сирией.

Иезекииль, оплакивая Тир, говорит: «Аравия и все князья Кидарские производили мену с тобою: ягнят, и баранов, и козлов променивали тебе. Купцы из Савы и Раемы торговали с тобою всякими лучшими благовониями и всякими дорогими камнями, и золотом платили за товары твои. Харан, и Хане, Еден*, купцы савейские, Ассур и Хилмад торговали с тобою» (Иез. 27:21–23). А Исаия, обращаясь к Иерусалиму, говорит: «Множество верблюдов покрывает тебя – дромадеры из Мадиама и Ефы; все они из Савы придут, принесут золото и ладан... Все овцы Кидарские будут собраны к тебе; овны Наваиофские послужат тебе»... (Ис. 60:6–7).

Арабы-земледельцы и ремесленники, обитатели городов и поселков, никогда, однако, не считались представителями истинного типа этого народа. Нравы их смягчились благодаря оседлым и мирным занятиям, и они лишились многих типичных черт вследствие сношений своих с чужестранцами. Кроме того, Йемен, как более доступный сравнительно с остальными частями Аравии, представлял больше приманок для грабителей и терпел неоднократные нападения в захваты.

Другие арабы, кочующие сыны пустынь, обитатели палаток, были гораздо более многочисленны, и в них национальный

* Харан, Хане и Еден – порты Индийского моря.

характер сильнее сохранился во всей первобытной мощи и свежести. Кочевники по своим привычкам, пастухи по занятию, они по опыту и преданию знакомы были со всеми тайными сокровищами пустынь и, ведя бродячую жизнь, переходили с места на место в поисках тех колодцев и источников, которые служили прибежищами для их предков времен патриархов; они разбивали палатки всюду, где находили финиковые деревья, служившие им тенью, и пастбища для своих стад и табунов, и перекочевывали дальше, как только истощались временные средства продовольствия.

Эти кочующие арабы разделялись и подразделялись на бесчисленные мелкие роды и семьи, имевшие каждый своего шейха или эмира, нечто вроде древнего патриарха, который у своей палатки втыкал копье как знак своей власти. Его власть, хотя и сохранявшаяся в течение многих лет в том же семействе, была не строго наследственной, но зависела от доброй воли рода. Его могли сменить и назначить на его место другого человека из другой семьи. Его власть была тоже ограничена и зависима от личных его достоинств и от доверия, питаемого к нему. Власть его заключалась в том, что он мог вести переговоры о войне и мире, предводительствовать своим племенем в войне против неприятеля, выбирать место для лагеря и принимать знаменитых чужестранцев. Но и в отношении этих и подобных прав он находился под контролем общественного мнения и желаний своего народа*.

* «Летом, — пишет Буркхардт, — кочующие арабы редко остаются более трех или четырех дней на одном и том же месте; как только их скот уничтожит всю траву местечка, снабженного водой, племя пускается дальше в поисках пастбища, а когда отстает снова там трава, она служит другому отряду. Лагери различаются количеством палаток: их бывает от шести до восьми сот; когда палаток немного, они размещаются кругом, но при более значительном количестве они располагаются по прямой линии или рядами отдельных палаток, по три и по четыре, одна за другой, преимущественно вдоль речонки. Зимой, когда нет недостатка в воде и в пастбищах, все племя рассеивается по пустыне партиями

На какое множество мелких групп ни распадалось бы племя, родственные узы тщательно оберегались в памяти всех семей. Все шейхи одного племени признавали общего главу, называемого шейхом над шейхами, который – безразлично, обитал ли он в замке, выбитом в скалах, или в палатке среди стад и табунов, – мог всегда собрать под своим знаменем все рассеянные ветви племени, признававшие общую власть.

Многочисленность этих кочующих племен, каждое со своим маленьким князьком и скудной территорией, но без

в три или четыре палатки на расстоянии получасовой езды от одной партии до другой. Палатка шейха всегда ставится с того края поселка, с которого можно ожидать появления врагов или гостей. Предъявить отпор первым и принять вторых составляет главную обязанность шейха. Каждый отец семейства втыкает копьё в землю рядом со своей палаткой и привязывает лошадь спереди. Тут отдыхают и его верблюды по ночам. (*Burckhardt. Notes on Bedouins. V. I. P. 33*).

А вот описание ассирийских арабов, хотя в значительной степени это применимо и ко всем арабам вообще:

«Трудно описать картину значительного племени во время его перекочевки к новым пастбищам. Мы вскоре очутились среди обширных стад овец и верблюдов. На всем пространстве, какое мы могли окинуть взором, и справа, и слева, и впереди нас виднелись всё те же движущиеся стада. Длинные ряды ослов и быков, навьюченных черными палатками, огромными котлами и пестрыми коврами; пожилые женщины и мужчины, неспособные идти, привязаны были сверху домашнего скарба; худенькие головки детей торчали из узких отверстий мешков, приделанных к седлам; они колыхались на спинах животных и уравнивались козлятами или ягнятами, привязанными с противоположной стороны; молодые девушки в узких арабских рубашках, скорей обрисовывавших, чем скрывавших их грациозные формы; женщины с детьми на плечах; мальчики, погонявшие стада ягнят; всадники, вооруженные длинными пиками, мчавшиеся по равнине на своих быстроногих кобылицах или погоняющие своих верблюдов короткими серпообразными палками, держа своих породистых коней на поводу, и, наконец, прыгающие жеребята – такова была пестрая толпа, сквозь которую нам пришлось проби-
вать себе дорогу». (*Layard's Nineveh, I. 4*).

общего главы, вызывала частые столкновения. К тому же месть признавалась у них почти религиозным принципом. Ответить за убийство родственника считалось обязанностью семьи, и нередко в это дело вовлекалась часть всего племени; иногда даже долг кровной мести оставался не исполненным в течение целых поколений и вызывал смертельную вражду.

Необходимость быть вечно настороже, чтобы защищать свои стада и табуны, заставляла араба приучаться с раннего детства к оружию. Никто не умел лучше его употреблять лук, копьё и палаш, равно как и управлять конем. Но он оставался преимущественно разбойником, и, хотя иногда служил купцам, доставляя им верблюдов, проводников и погонщиков для перевозки товаров, тем не менее он более всего склонен был брать выкупы с караванов или, не стесняясь, грабить их во время утомительного шествия по пустыне. Все это он признавал законным применением своего оружия, считая корыстолюбивых сынов торговли за людей более низкой расы, приниженной жаждой и привычкой к наживе. Таковы были арабы пустыни, обитатели палаток, на которых сбылось пророчество относительно их предка Измаила: «Он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него...» (Быт. 16:12).

Природа как бы создала араба для этой участи. Он был легкий и худ, но мускулист и деятелен, способен переносить значительную усталость и трудные переходы. Он был умерен и даже воздержан, требуя мало пищи, и притом самой простой. Его ум, как и его тело, был легкий и подвижен. Он преимущественно обладал интеллектуальными свойствами семитской расы, тонкой проницательностью, остроумием, быстротой соображения и блестящим воображением. Он воспринимал все очень быстро и горячо, но у него часто менялось настроение; гордый и смелый дух сказывался в его смуглом лице и светился в его темных блестящих глазах. Можно было быстро увлечь его красноречием и очаровать прелестью поэзии. Говоря на языке очень богатом, слова которого сравнивались с жемчужинами и цветами, он

был оратором по природе; но он восторгался больше пословицами и остроумными изречениями, чем последовательной логической речью, и был склонен выражать свои мысли в восточном духе – нравоучительными баснями и притчами.

Неутомимый воин и грабитель, он был великодушен и гостеприимен. Раздавать подарки доставляло ему наслаждение. Дверь всегда была настежь открыта для путника, с которым он охотно делился последним куском; и его самый смертельный враг, переломив с ним хлеб, мог в полной безопасности отдыхать под кровом его палатки, считавшейся ненарушимой святыней.

Свои религиозные взгляды арабы в ту эпоху, которую они называют «днями неведения», заимствовали большей частью от сабеев и магов, религии которых преимущественно господствовали в то время на Востоке. Но больше они склонялись к сабеизму, относя начало его к Саби, сыну Сифа, который, по их мнению, вместе с отцом и его братом Энохом был схоронен в пирамидах. Другие же производят это название от еврейского слова «саба», или звезда, что указывает на то, что это была вера ассирийских пастухов, которые пасли свои стада на равнинах, расстилавшихся под безоблачными небесами, следили по ночам за движением звезд и составляли различные догадки о добром и злом влиянии их на человеческие дела; смутные их догадки халдейские философы и жрецы возводили затем в систему, считавшуюся даже более древней, чем религия египтян.

Другие приписывали эту религию еще более высокому авторитету и утверждали, что эта религия существовала до потопа. По их мнению, она пережила потоп и поддерживалась патриархами. Эту религию будто бы исповедовали Авраам и его потомки, дети Израиля, и она освящена и подтверждена была на скрижалях законов, врученных Моисею среди грома и молний на Синайской горе.

В первоначальном виде религия сабеев была чиста и духовна; заключая в себе веру в единого Бога, она учила о возмездии за добро и зло в будущей жизни и о необходимости

добродетельной и святой жизни для приобретения счастливого посмертия. Так велико было благоговение сабеев к Верховному Существу, что они никогда не произносили Его имени, никогда не дерзали приблизиться к Нему иначе, как через ангелов. Последние, по мнению сабеев, населяли и оживляли небесные светила подобно тому, как в человеческом теле обитает душа, наполняющая его жизнью. Ангелы эти обитали в религиозных небесных сферах, чтоб наблюдать над Вселенной и управлять ею по воле Верховного Владыки. Обращаясь к звездам и другим небесным светилам, сабеи не поклонялись им как божествам, но старались только умиловать обитających на них ангелов как посредников между Богом и людьми, обращаясь через эти созданные светила к Богу, великому их Творцу.

Постепенно религия эта лишалась своей первоначальной простоты и чистоты и затемнялась таинствами, погрязая в идолопоклонстве. Сабеи, вместо того чтобы считать небесные светила за жилища посредников, поклонялись им как божествам; воздвигали грубые изображения их в священных рощах и в глубине лесов и, наконец, ставили их в своих храмах, воздавая им божеские почести. Религия сабеев претерпела разные перемены и видоизменения в различных странах, где была распространена. Долго обвиняли Египет в том, что он довел ее до самого унижительного искажения; изваяния, иероглифы и раскрашенные гробницы этой таинственной страны принимались за доказательства поклонения не только небесным силам, но и низшим животным и даже неодушевленным предметам.

Новейшие исследования и изыскания постепенно, однако, выясняют неосновательность этих обвинений против наиболее умственно развитой нации древности; и по мере того как приподнимается покров с могил Египта, все более выясняется, что все эти мнимые предметы поклонения были просто символами различных свойств Верховного Существа, имя Которого было так священо, что смертные не дерзали произносить его. У арабов же вера сабеев смешалась с дикими предрассудками и с грубым идолопоклонством.

Каждое племя поклонялось своей отдельной звезде или планете и имело своего особенного идола. Детоубийство примешалось к их религиозным обрядам, в силу чего они стали ужасны и отвратительны. У кочующих племен рождение дочери считалось несчастьем; женщина не могла быть особенно полезна при кочующей и разбойничьей жизни, но могла навлечь бесчестье на семью, попав в плен или ведя развратную жизнь. Таким образом, поводы, вытекавшие из естественного строя жизни, примешивались к религиозным чувствам арабов и побуждали их приносить детей женского пола в жертву идолам или же зарывать их живыми.

Другая секта, магов, или гебров (огнепоклонников), тоже господствовала, как мы выше упомянули, на Востоке; она возникла в Персии, где несколько времени спустя ее учение было изложено письменно великим пророком и учителем Зороастром в книге «Зенд-Авеста». Это верование, как и вера сабеев, было вначале просто, часто и духовно, признавая единого верховного и вечного Бога, Которым и через Которого существует весь мир. Он своим творческим словом породил два действующих начала: Ормузда – начало, или ангела света и добра и Аримана – начало, или ангела мрака и зла; оба эти начала образовали Вселенную из соединения противоположных своих свойств и ведут вечную борьбу, управляя делами мира. Отсюда перевес то добра, то зла, смотря по тому, побеждает ли ангел света или ангел мрака; эта борьба будет продолжаться до конца мира, когда настанет всеобщее воскресение и день суда; ангел мрака и его последователи будут изгнаны в обитель ужасной тьмы, а их противники войдут в блаженное царство вечного света.

Первоначальные обряды этой религии были очень просты. У магов не было ни храмов, ни алтарей, ни религиозных символов; они обращались со своими молитвами и гимнами непосредственно к Богу или к солнцу, считая его обителью божества. Они чтили это светило как жилище Бога и как источник света и тепла, из которых состоят все остальные светила, и возжигали огни на вершинах гор, чтобы

не угасал свет, когда заходило солнце. Зороастр первый устроил храмы, где священный огонь, будто бы нисшедший с неба, поддерживался всегда жрецами, охранявшими его день и ночь.

Со временем и в этой секте, как и у сабеев, символ затемнил понимание божественного принципа, и последователи ее стали поклоняться свету и огню как реальным божествам и страшиться мрака как сатаны или дьявола. В своем фанатическом рвении маги готовы были хватать неверующих и бросать их в пламя для умилоствления огненного божества.

В Книге Премудрости Соломона следующие прекрасные слова относятся к приверженцам этих двух сект: «Подлинно суетны по природе все люди, у которых не было ведения о Боге, которые из видимых совершенств не могли познать Сущего и, взирая на дела, не познали Виновника, а почитали за богов, правящих миром, или огонь, или ветер, или движущийся воздух, или звездный круг, или бурную воду, или небесные светила».

Из этих двух религий сабейская, как мы уже заметили, более господствовала среди арабов, но в значительно искаженном виде, смешанная у различных племен с разного рода злоупотреблениями. Религии магов придерживались преимущественно племена, которые, живя близ границ, имели частое общение с Персией, тогда как другие племена разделяли предрассудки и идолопоклонство того народа, по соседству с которым они обитали.

Иудейская вера рано проникла в Аравию, но в очень неопределенном и несовершенном виде; и однако ж многие из ее обрядов, церемоний и причудливых традиций прижились в этой стране. Впоследствии, когда Палестина была опустошена римлянами, а Иерусалим взят и разрушен, многие евреи искали убежища в Аравии, поселились среди ее коренных жителей, образовали собственные общины, приобрели плодородные участки, построили замки и крепости и достигли значительной власти и влияния.

Христианская религия тоже имела последователей среди арабов. Апостол Павел в своем Послании к галатам говорит,

что он, вскоре после того как призван был проповедовать среди язычников, «пошел в Аравию». Распри, возникшие в восточной церкви в первой половине III столетия, образовали различные секты, из которых каждая, достигнув господства, преследовала остальные, ссылая ее членов в отдаленные земли Востока, и таким образом распри эти содействовали распространению христианства среди некоторых главных арабских племен.

Вышеприведенные обстоятельства, физические и нравственные, могут дать нам некоторое понятие о причинах, в силу которых арабы несколько столетий не претерпевали никаких резких переворотов. Их особенное положение и обширные пустыни служили им защитой от завоеваний врагами, а их внутренние раздоры и недостаток общих уз, политических или религиозных, были причиной того, что они не представляли опасности как завоеватели. Они являлись обширным сборищем отдельных частей, полных личной мощи, но нуждавшихся в общей связующей их силе. Хотя кочевая жизнь делала их отважными и деятельными, хотя большинство их было воинственно с детства, но их оружие было направлено друг против друга, и исключение составляли только некоторые пограничные племена, игравшие роль наемных войск во внешних войнах. Поэтому в то время как другие кочевые племена Центральной Азии, обладавшие небольшой воинственностью, уже в течение столетий успешно делали набеги и завоевывали цивилизованный мир, этот воинственный народ, не сознавая своей силы, оставался разъединенным и безопасным в глубине своих родных пустынь.

Настало наконец время, когда эти враждующие племена объединились одной верой и воодушевились одной общей задачей; явился мощный пророк, сплотивший эти разрозненные части, вдохновивший их одной смелой и восторженной идеей и двинувший этих титанов пустыни потрять и пересоздавать земные царства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рождение и семья Магомета. Его детство и отрочество.

Магомет, великий основатель ислама, родился в Мекке в 570 году по Р. Х. Он происходил из воинственного и значительного племени курайш, в котором существовали две ветви, происходившие от двух братьев – Хашима и Абд Шима. Хашим, прадед Магомета, был великим благодетелем Мекки. Город этот построен в бесплодной и каменистой местности и часто в прежнее время терпел нужду от недостатка в съестных припасах. В начале VI столетия Хашим установил ежегодно отправлять два каравана: один, зимой, в Южную Аравию и Йемен, другой, летом, в Сирию. Благодаря этому в Мекку обильно доставлялись всякие продукты и разнообразные товары; город превратился в торговый центр, и племя курайш, принимавшее живое участие в этих экспедициях, стало богато и могущественно. Хашим в это время был охранителем Каабы – объекта великого почитания арабов, стекавшихся на поклонение ему. Охранение этого камня вверялось только самым почетным родам и семьям, подобно тому как в прежнее время Иерусалимский храм находился исключительно на попечении левитов. Охранение Каабы соединено было с гражданскими должностями и с привилегией управлять священным городом.

По смерти Хашима его сын Абд аль-Мутталиб унаследовал его почетные должности и его патриотические чувства. Он освободил священный город от нападавших на него войск и слонов, посланных христианскими князьями Абисинии, во власти которых находился в то время Йемен. Эти выдающиеся заслуги отца и сына упрочили должность охранителя Каабы за родом Хашима, к великому неудовольствию потомков Абд Шима, питавших глубокую к нему зависть.

Абд аль-Мутталиб имел несколько сыновей и дочерей. Из числа его сыновей история упоминает: Абу Талиба, Абу Лахаба, Аббаса Гамзу и Абдаллаха. Последний был младшим и возлюбленным сыном. Он женился на Амине, девушке из отдаленной ветви того же знаменитого рода курайшитов. Абдаллах так отличался красотой и качествами, пленяющими женщин, что, если верить мусульманским преданиям, в ночь его свадьбы с Аминой двести девушек из племени курайш умерли от разрыва сердца.

Магомет был единственным плодом этого брака, так мрачно озаменованного. Его рождение, по тем же преданиям, сопровождалось явлениями, указывавшими на то, что это был необыкновенный ребенок. Его мать не испытала никаких болей во время родов. В момент его появления на свет небеса всей окрестной территории озарились необыкновенным блеском, и новорожденный младенец, подняв глаза к небу, воскликнул: «Велик Бог! Нет Бога, кроме Бога, и я Его пророк».

Небо и земля, как утверждает предание, всколыхались при его рождении. Озеро Сава вернулось к своим тайным источникам, и дно его оказалось сухим, в то время как река Тигр, выйдя из берегов, затопила все окрестные страны. Дворец персидского царя Хосрова был потрясен до самого основания, и многие из башен рухнули на землю. В эту тревожную ночь кади, или судья, Персии увидел во сне дикого, яростного верблюда, укрощенного арабским всадником. Он утром рассказал свой сон персидскому царю и объяснил его тем, что со стороны Аравии грозит Персии великая опасность.

В ту же знаменательную ночь, по словам тех же преданий, священный огонь Зороастра, поддерживаемый магами непрерывно в течение тысячи лет, внезапно потух и идылы всего мира упали на землю. Демоны, или злые джинны, скрывавшиеся в звездах и знаках зодиака и имевшие злое влияние на детей, были свергнуты чистыми ангелами и вместе со своим главным вождем Иблисом, или Люцифером, погибли в бездне морской.

Родственники новорожденного ребенка были поражены удивлением и ужасом. Брат его матери, астролог, по гороскопу Магомета предсказал, что он достигнет обширной власти, будет основателем царства и даст людям новую религию. Его дед Абд аль-Мутталиб на седьмой день после рождения Магомета задал пир всем главным курайшитами и представил им младенца как зарю зарождающейся славы их племени, и назвал его Магометом, или, вернее, Мухаммадом, в указание на его будущее призвание.

Таковы фантастические рассказы мусульманских писателей относительно рождения Магомета; о его детстве мы имеем только такие же басни. Едва прошло два месяца после его рождения, как умер его отец, оставив ему в наследство пять верблюдов, несколько овец и рабыню родом из Абиссинии, по имени Баракат. Мать его – Амина – вначале кормила его своим молоком, но горе и заботы иссушили ее грудь, и так как воздух Мекки был нездоров для детей, то она приискала ему кормилицу из числа женщин соседних племен бедуинов. Последние приходили обыкновенно в Мекку два раза в год, весной и осенью, чтобы брать на воспитание детей горожан; но они преимущественно выбирали детей богатых людей, рассчитывая на обильное вознаграждение, и с презрением отворачивались от бедняков. Наконец, одна женщина, по имени Халема, жена саадитского пастуха, сжалилась над беспомощным ребенком и взяла его к себе; жила она в одной из пастушеских долин, раскинутых среди гор*.

Много различных чудес рассказывала Халема о своем питомце. По дороге из Мекки мул, на котором он ехал, получил вдруг дар слова и громко провозгласил, что ребенок, покоящийся на его спине, будет величайшим пророком, главою небесных посланников, любимцем Всемогущего.

* Бану-Саад (или дети Саада – саадиты) относят свое начало к самой отдаленной древности и вместе с арабским племенем катан являются последними представителями первобытных арабских племен. Их долина находится в горах, тянущихся на юг от Таифа. (*Burckhardt. Notes on the Bedouins. V. 2. P. 47*).

Овцы, мимо которых они проезжали, кланялись ему; и когда младенец лежал в своей колыбели и глядел на луну, она из благоговения останавливалась на небе.

Арабские писатели утверждают, что небесное благословение вознаградило Халему за ее великодушие. Пока ребенок оставался под ее кровлей, все кругом нее процветало. Источники и колодцы никогда не высыхали, пастбища вечно зеленели; стада и табуны умножались; дивное плодородие царило на полях, а мир – в ее жилище.

Арабские легенды продолжают далее повествовать о сверхъестественных силах, телесных и духовных, которые этот дивный ребенок проявлял с самых ранних лет. В три месяца он мог уже стоять один, в семь – бегать, а в десять месяцев он мог участвовать вместе с остальными детьми в состязаниях, натягивать лук и метать стрелы. В восемь месяцев он так говорил, что его можно было понять; а в девять он мог свободно разговаривать, проявляя мудрость, удивлявшую всех слушавших его.

Когда ему минуло три года, он однажды играл в поле со своим молочным братом Мафудом; и вот перед ним предстали два ангела в блестящих одеждах. Они нежно положили Магомета на землю, и один из ангелов, Гавриил, раскрыл его грудь, не причиняя ему ни малейшей боли, вынул его сердце, очистил его от всяких скверн, выжав из него те черные и горькие капли первородного греха, которые мы наследуем от нашего прародителя Адама и которые, таясь в сердце даже лучших из его потомков, наталкивают их на преступления. Вполне очистив сердце, Гавриил наполнил его верой, знанием и пророческим ясновидением и снова вложил в грудь ребенка. Тогда, по уверению тех же писателей, от него стал изливаться таинственный свет, который, начиная с Адама, сиял во всем священном ряде пророков, вплоть до Исаака и Измаила, но который затем погас у их потомков, чтоб снова с еще более лучезарным блеском засиять от лица Магомета.

От этого сверхъестественного посещения, прибавляют арабы, осталась у ребенка печать пророчества между плечами,

служившая всю жизнь символом и доказательством его божественного посланничества, хотя неверующим это казалось родимым пятном величиной с куриное яйцо.

Когда Халема и ее муж узнали об этом чудесном посещении ангелов, они уstraшились, опасаясь, чтоб не случилось какого-нибудь несчастья с ребенком, предполагая, что эти сверхъестественные посетители были из числа злых духов, или джиннов, посещающих уединенные пустыни, причиняя различные несчастья детям. Поэтому кормилица отнесла его обратно в Мекку и передала его в руки Амины.

Он оставался с нею до шести лет, когда она повезла его с собою в Медину, чтобы навестить родственников из племени Адии, но на обратном пути она умерла и была похоронена в Абве, деревне, расположенной между Мединой и Меккой. Ее могила, как мы увидим дальше, стала для Магомета предметом набожных посещений и нежных воспоминаний в последующие годы его жизни.

Верная раба-абиссинка Баракат заменила теперь мать ребенку-сироте и отвела его к деду Абд аль-Мутталибу, у которого он оставался два года и где он встретил нежную заботу и ласку. Абд аль-Мутталиб был в очень преклонных годах, переступив за пределы срока человеческой жизни. Чувствуя приближение смерти, он призвал к себе старшего своего сына Абу Талиба и поручил Магомета его особенному попечению. Добрый Абу Талиб прижал племянника к своему сердцу и впоследствии всегда по-родственному относился к нему. По смерти отца Абу Талиб унаследовал обязанность охранителя Каабы, и Магомет несколько лет жил в обстановке, где все обряды и церемонии священного дома строго соблюдались. Здесь мы считаем нужным несколько подробнее ознакомить читателей с происхождением Каабы, равно как и с обрядами, преданиями и поверьями, связанными с нею, так как все это имеет очень близкое отношение к исламу и к истории его основателя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Предание о Мекке и Каабе.

Когда Адам и Ева были изгнаны из рая, то, по арабским преданиям, они очутились на различных частях земного шара: Адам – на горе острова Серендиба, или Цейлона, а Ева – в Аравии, на берегу Красного моря, там, где в настоящее время находится порт Джидда. Двести лет блуждали они отдельно и одиноко по земле, пока, наконец, ввиду их раскаяния и горя им позволено было сойтись снова на горе Арафат близ Мекки. Преисполненный горя и раскаяния Адам, по словам предания, вознес руки и глаза к небу и умолял Бога о милосердии, прося у Него даровать ему алтарь, подобный тому, которому он поклонялся в раю и вокруг которого витали ангелы, воспевая хвалу Богу.

Мольба Адама была услышана. Храм, или алтарь, из лучезарных облаков был спущен ангелами на землю, как раз под тем самым местом, где находятся его первообраз в небесном раю. К этому нисшедшему с неба ковчегу Адам обращался с тех пор во время молитвы и ежедневно обходил его семь раз, как бы подражая тому, что делали ангелы, прославляя Бога.

По смерти Адама, согласно тем же преданиям, облачный ковчег исчез или взят был обратно на небо; но другой, сходный по форме, на том же месте был воздвигнут из камня и глины Сифом, сыном Адама. Но и этот алтарь смыт был потопом. Спустя много лет после того, во времена патриархов, когда Агарь и ее сын Измаил умирали в пустыне от жажды, ангел указал им источник или колодец, полный воды, вблизи того места, где прежде находился алтарь. Это был источник Земзем, почитаемый потомством Измаила как священный по настоящее время. Вскоре после того два

человека из племени великанов-амалекитян, отыскивая верблюда, убежавшего из их лагеря, нашли этот источник и, утолив свою жажду, привели к этому месту своих товарищей. Здесь они основали город Мекку, приняв Измаила и его мать под свое покровительство. Они вскоре изгнаны были обитателями этой страны, у которых остался Измаил. Когда он возмужал, то женился на дочери владетельного князя и имел от нее многочисленное потомство, считающееся предками арабского народа. В течение этого времени он, по Божьему повелению, предпринял попытку восстановить Каабу на том самом месте, где находился заоблачный алтарь. В этом набожном деле ему помогал отец его Авраам. Необыкновенный камень служил Аврааму подмостками, поднимавшимися и опускавшимися вместе с ним по мере того, как он выводил стены священного здания. Камень и теперь остается там как бесценная святыня, и отпечаток ноги патриарха ясно видят на нем все правоверные.

В то время как Авраам и Измаил были заняты постройкой здания, архангел Гавриил принес им камень, относительно которого древние сказания несколько расходятся: по одним, это был один из драгоценных камней рая, упавших на землю вместе с Адамом; в иле потопа он был впоследствии отыскан архангелом Гавриилом; по более общепринятому сказанию, этот камень был вначале ангелом-хранителем, приставленным к Адаму в раю, но который превращен был в камень и при падении Адама низвергнут вместе с ним в наказание за то, что не был достаточно бдителен. Этот камень Авраам и Измаил приняли с подобающим благоговением и вделали его в угол внешней стены Каабы, где он остается и в настоящее время, причем все правоверные целуют его каждый раз, как обходят вокруг храма. Когда в первый раз камень этот был вделан в стену, он был блестящ и бел, как гиацинт, но постепенно почернел от поцелуев грешных уст смертных людей. При воскрешении он снова примет вид ангела и станет свидетелем пред Богом в защиту тех, которые вполне выполнили все обряды посещения святых мест.

Таковы арабские предания, в силу которых Кааба и источник Земзем являются предметами особенного почитания с самых древнейших времен у всех восточных народов, а в особенности у потомков Измаила. Мекка, вмещающая эти священные предметы в своих стенах, была священным городом за много лет до возникновения магометанства и центром, куда стекались богомольцы со всех частей Аравии. Так глубоко и так всеобще было уважение к исполнению этих обрядностей, что ежегодно четыре месяца посвящены были путешествию на поклонение Каабе, и никакое насилие, а тем более никакая война за это время не дозволялись. Враждовавшие племена складывали свое оружие, снимали наконечники с пик и в полной безопасности следовали по самым опасным пустыням и в одеждах богомольцев толпами входили во врата Мекки. Тут они в подражание ангелам семь раз обходили вокруг Каабы, прикасались и целовали таинственный «черный камень», пили и делали возлияние при источнике Земзем в память их предка Измаила и, исполнив все остальные обряды пилигримов, безопасно возвращались домой, чтобы снова взяться за оружие и вести войны.

В числе религиозных обязанностей арабов в те «дни неведения», то есть до возвещения мусульманского учения, пост и молитва играли первенствующую роль. У арабов в течение года существовало три главных поста: один продолжался семь, другой – девять и третий – тридцать дней. Они молились ежедневно по три раза: при восходе солнца, в полдень и при закате, обращаясь лицом по направлению к Каабе, служившей для них киблой, или местом поклонения. У них существовало много религиозных преданий, некоторые издавна перешли к ним от евреев; и они, как говорят, питали свои религиозные чувства чтением псалмов и другой книги, приписываемой Сифу и наполненной нравственными поучениями.

Церемонии и обряды, совершавшиеся в священном здании, могли с раннего детства наложить свой отпечаток на Магомета, воспитанного в доме охранителя Каабы, и направить

его на размышления о религиозных вопросах, которые и поглотили его всецело. Хотя мусульманские биографы его и утверждают, что великая будущность его была ясно предсказана еще в детстве знамениями и чудесами, но, по-видимому, воспитание его велось так же нерадиво, как и воспитание остальных арабских детей, и мы знаем, что он не научился ни читать, ни писать. Впрочем, это был ребенок очень даровитый, наблюдательный и размышлявший обо всем, что видел, одаренный пылким воображением, отважный и общительный. Ежегодный наплыв пилигримов из отдаленных стран превращал Мекку в центр всех летучих сведений, которые мальчик, по-видимому, жадно воспринимал и сохранял в своей богатой памяти; по мере же того как он подрастал, перед ним все сильнее раскрывалась более широкая сфера для наблюдений.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первое путешествие Магомета в Сирию с караваном.

Магомету минуло двенадцать лет, но, как мы видели, он был развит не по летам. В нем уже пробудилась жажда знания, вызванная общением с пилигримами из разных частей Аравии. Его дядя Абу Талиб наряду с священническим саном охранителя Каабы был и купцом и как один из наиболее предприимчивых торговцев из племени курайш вел заведенные предком его, Хашимом, обширные дела с караванами, торговавшими с Сирией и Йеменом. Приход и отход караванов, стекавшихся у ворот Мекки, производили приятное уличное оживление и действовали возбуждающим образом на такого юношу, как Магомет, перенося его воображение в далекие края. Он не мог более подавлять возникшего жгучего любопытства. И однажды, когда дядя его собирался отправиться с караваном в Сирию и уже садился на верблюда, он неотвязчиво стал просить позволения сопровождать его: «На чье же попечение ты оставишь меня, дядя, когда уедешь?» – сказал он.

Просьба эта тронула нежное сердце Абу Талиба. Он решил, что юноша уже достаточно взрослый, чтобы выступить на деятельную арену арабской жизни, и может оказать значительные услуги каравану; поэтому он охотно уважил его просьбу и взял с собою в Сирию.

Путь пролегал по странам, богатым баснями и преданиями, которые с увлечением рассказывают арабы при вечерней остановке караванов. Беспредельное одиночество в пустыне, в которой этот кочующий народ проводит большую часть своей жизни, способствует развитию суеверных фантазий; за то же арабы населили ее добрыми и злыми джиннами, разукрасили баснословными сказаниями о чудесных событиях, случившихся будто бы в старинные годы.

Во время таких вечерних остановок каравана молодой ум Магомета, без сомнения, воспринял многие суеверия пустыни, которые даже и впоследствии сохранялись в его памяти и имели могущественное влияние на его воображение. Мы отметим здесь два предания, которые он должен был слышать тогда и повествование о которых мы находим в Коране. Одно из них относится к гористой области Хиджаз. Тут, когда караван проходил по безмолвным, пустынным долинам, по склонам гор виднелись пещеры, некогда населенные бану-Тамудами, или детьми Тамуда (тамудитами), одного из вымерших племен Аравии. Вот предание, существовавшее о них.

Это было надменное племя великанов, жившее до времен праотца Авраама. Когда они впали в идолопоклонство, Бог послал пророка по имени Салех, чтобы вернуть их на истинный путь. Они отказались, однако, повиноваться ему, пока он не докажет им божественности своего посланничества, заставив верблюдицу, носящую во чреве детеныша, появиться из недр горы. Салех стал молиться об этом, и тут гора расступилась и из нее вышла самка верблюда, которая произвела на свет детеныша. Некоторые из тамудитов убедились этим чудом и отпали от идолопоклонства, большинство же продолжало пребывать в неверии. Салех оставил им верблюда как знамение того, что небесная кара постигнет их, если они причинят какое-нибудь зло животному. В продолжение некоторого времени самке дозволялось мирно пастись, уходя утром и возвращаясь вечером. Правда, если она наклоняла голову, чтобы напиться из ключа или источника, то не выпрямлялась, пока не выпивала всё до последней капли, но, возвращаясь, доставляла такое количество молока, что его было достаточно для удовлетворения потребностей всего племени. Но на пастбище она пугала других верблюдов, из за нее начали оскорблять тамудитов, так что они, наконец, убили ее. Вслед за тем страшный голос и сильнейшие раскаты грома раздались с небес, а на следующее утро все виновники найдены были лежащими навзничь и мертвыми. Таким образом, целое племя было сметено с лица земли, а страна их осталась навсегда под проклятием неба.

История эта произвела такое сильное впечатление на Магомета, что и впоследствии он не разрешал своему народу располагаться станом вблизи этого места, но торопил всех проходить мимо, считая его проклятым.

Другое предание, услышанное Магометом во время этого путешествия, относилось к городу Эль-Ула, расположенному недалеко от Красного моря.

Место это, как говорят, было населено в древние времена еврейским племенем, которое впало в идолопоклонство и оскорбило святость субботнего дня тем, что занималось в этот день рыболовством; за это старые люди были превращены в свиней, а молодежь — в обезьян.

Мы отметили эти два предания преимущественно потому, что Магомет приводит и то и другое, доказывая, что Бог карает за грех идолопоклонства. Из этого видно, какой интерес возбуждал уже и в то время этот важный вопрос в уме юноши.

Мусульманские писатели, по своему обыкновению, рассказывают о чудесных явлениях, сопровождавших молодого Магомета во все время его путешествия, как о явном доказательстве постоянного покровительства неба. Однажды, когда он проходил по раскаленной песчаной пустыне, ангел незримо носился над ним, осеняя его своими крылами, — чудо, очевидно, основанное не на свидетельстве очевидца; в другой раз его защищало облако, висевшее над его головой во все время полуденного зноя. Был и такой случай: однажды, когда он хотел укрыться под тенью сухого дерева, дерево это тотчас же покрылось листьями и цветами.

Пройдя вдоль окраины древних владений моавитян и аммонитян, часто упоминаемых в Священном Писании, караван прибыл в Босру (или Бостру), лежавшую за Иорданом, в стране, смежной с Сирией и населенной племенем манасехов. Во времена библейские это был город левитов, но теперь он был населен христианами-несторианами и служил торговым центром, куда ежегодно стекались караваны; сюда-то и прибыли наши путешест-

венники для стоянки и расположились станом недалеко от несторианского монастыря.

Абу Талиб и племянник его были радушно приняты братством этих монахов. Один из них, называемый одними Сергием, а другими – Бахарой*, при разговоре с Магометом был поражен его развитием не по летам и заинтересовался его жаждой знания, которая, по-видимому, сосредоточивалась преимущественно на вопросах религиозных. Они часто разговаривали друг с другом об этих предметах, и во время беседы все усилия монаха были направлены главным образом против идолопоклонства, в духе которого до сих пор воспитывался молодой Магомет, потому что несториане ревностно осуждали не только почитание икон, но и простое употребление их, причем шепетильность их в этом отношении доходила до того, что запрещение всяких видимых знаков поклонения распространялось отчасти даже на крест – эту общую эмблему христианства.

Многие утверждают, что благодаря этим разговорам с монахом Магомет познакомился с принципами и преданиями христианской веры, знание которых он обнаружил впоследствии; вероятнее всего, что он продолжал общение с этим монахом и при последующих поездках в Сирию.

Мусульманские писатели говорят, что интерес к молодому иностранцу возрос у монаха потому, что он случайно увидал между его плечами печать пророчества. Когда Абу Талиб возвращался в Мекку, монах будто бы советовал ему зорко следить за тем, чтобы его племянник не попался в руки евреев, предвидя проницательным взором пророка те неприятности и противодействия, которые Магомету предстояло встретить со стороны этого народа.

Не нужно, конечно, было никаких чудесных знаков, чтобы сектанта-монаха, стремившегося найти себе последователей, заинтересовать умным и любознательным юношей, племянником охранителя Каабы, который мог перенести в

* Некоторые утверждают, что два этих имени принадлежат двум различным монахам, разговаривавшим с Магометом.

Мекку семена христианского учения, заброшенные в его впечатлительную душу; понятно, что монах, рассчитывая обратить в свою веру, страстно желал предохранить от увлечения еврейской верой юношу с не установившимися еще религиозными убеждениями.

Магомет вернулся в Мекку; воображение его переполнено было странными рассказами и преданиями, слышанными в пустыне; в уме его глубоко запечатлелось учение, сообщенное ему в несторианском монастыре. Он и в дальнейшем, по-видимому, был полон таинственного благоговения к Сирии, вероятно, вследствие религиозных впечатлений, полученных там. То была страна, куда из Халдеи пришел некогда патриарх Авраам, принеся с собою первоначальное верование в единого истинного Бога. Впоследствии Магомет часто произносил следующие слова: «Бог, воистину, всегда в Сирии поддерживал блюстителей Своего слова; числом их было сорок; если умирал один, на место его посылался другой, и благодаря им благословение распространялось на всю страну». И еще: «Да возрадуется народ сирийский, потому что ангелы, по благодати Бога, осеняют его своими крылами»^{*}.

Примечание. Отец Авраама, Азер или Зераль, как он назван в Библии, был скульптор и идолопоклонник. О том, как Авраам отвратился от идолопоклонства, в которое впал род человеческий после потопа, рассказывается в шестой главе Корана:

И Авраам сказал своему отцу Азеру: «Воистину, ты и твой народ заблуждаетесь, принимая за богов изображения, высеченные из камня».

Тут свод небесный раскрылся перед Авраамом, дабы он мог видеть, как управляется мир.

Когда наступила ночь и мрак застлал землю, он увидел блестящую звезду, загоравшуюся на небе, и обратился к своим людям, поклонявшимся звездам: «Так вы утверждаете, что это Бог?»

^{*} Мишкат-ун-Мозабил, т. п. с. 812.

Но звезда скрылась, и Авраам сказал: «Я не верю в заходящих богов».

Тогда он увидел восходящий месяц и воскликнул: «Это, несомненно, Бог!»

Но и месяц точно так же скрылся, и Авраам смутился и стал молиться Богу, говоря: «Направь меня, дабы я не стал таким же, как этот заблуждающийся народ».

Увидя затем восходящее солнце, он воскликнул: «Вот это светило величественнее всех; несомненно, это – Бог!»

Но и солнце также зашло. Тогда Авраам сказал: «О народ мой, я не верю в те вещи, которые вы называете богами. Воистину, я обращаю лицо мое к Нему, Создателю, сотворившему небо и землю».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Торговые занятия Магомета. Его женитьба на Хадидже.

Магомет окончательно погрузился теперь в деятельную жизнь, сопровождая своих дядей во время их разнообразных путешествий. Когда ему было около шестнадцати лет, он вместе с дядей своим, Зобиром, отправился с караваном в Йемен; затем он исполнял обязанности оруженосца у того же дяди, предводительствовавшего курайшитами, помогавшими кенатитам в их борьбе с племенем хавазан.

Это, говорят, было первое участие Магомета в войне, хотя все участие состояло только в том, что он снабжал дядю своими стрелами во время сражения и прикрывал его от неприятельских ударов. Войну эту арабские писатели называют позорным именем «ал-фоджар», или «нечестивой войной», потому что она велась в священные месяцы, посвященные богомолью. Когда Магомет возмужал, различные лица пользовались его услугами как торгового агента при отправках караванов в Сирию, Йемен и другие места. Все это способствовало расширению сферы его наблюдений и обогащало его знанием различных человеческих характеров и дел.

Он посещал часто ярмарки, которые в Аравии были не исключительно местами торговли, но часто и ареной для поэтических состязаний между различными племенами, где призы присуждались победителям, а поэмы, заслуживавшие награды, передавались на сохранение в княжеские архивы. Чаще всего такие состязания происходили на ярмарке в Окаде, и семь премированных там поэм были вывешены в Каабе как трофеи. На этих ярмарках рассказывались также народные арабские предания и усваивались

различные религиозные верования, господствовавшие в то время в Аравии. Из таких устных источников Магомет усвоил постепенно многие разнообразные сведения о религиозных учениях, обнаруженные им впоследствии.

В Мекке жила в то время вдова по имени Хадиджа, происходившая из племени курайш. Она уже дважды была замужем. Второй муж ее, зажиточный купец, только что умер, и обширные дела его торгового дома требовали руководителя. Племянник вдовы, по имени Чузима, познакомился с Магометом во время его торговых путешествий и заметил, с какою ловкостью и добросовестностью тот исполнял все свои обязанности. Он рекомендовал его тетке как человека, вполне пригодного для управления ее делами. Внешность Магомета сильно помогла этой рекомендации: ему было в это время около двадцати пяти лет, и арабские писатели с восторгом отзываются о его красоте и приятных манерах. Хадидже так захотелось воспользоваться его услугами, что она предложила ему двойную плату за управление караваном, который был наготове к отправке в Сирию. Магомет посоветовался со своим дядей Абу Талибом и с его согласия принял предложение. Помощниками, сопровождавшими его в этой экспедиции, были племянник вдовы и раб ее Майсара. Хадиджа до такой степени осталась довольна безукоризненно выполненным поручением, что по возвращении Магомета уплатила ему вдвое больше против обещанной суммы. Впоследствии она посылала его в южные части Аравии и всегда оставалась вполне им довольна.

Сорокалетняя Хадиджа была женщина благоразумная и опытная. Она все больше и больше проникалась уважением к умственным способностям Магомета, а кроме того, и сердце ее все больше и больше пленялось молодым и красивым юношей. По арабским легендам, совершившееся чудо укрепило и освятило цель ее стремлений. Однажды в полдень она находилась со служанками своими на плоской крыше своего дома и поджидала возвращения каравана,

предводительствуемого Магометом. При его приближении она была поражена, увидев, что два ангела осеняли его крылами, защищая от солнца. Взволнованная, она обратилась к служанкам: «Взгляните, – сказала она, – вот любимец Аллаха, пославшего двух ангелов для его охранения!»

Легенда ничего не говорит о том, так же ли благоговейно глядели и служанки, как их госпожа, на шедшего Магомета и видели ли и они двух ангелов; но дело в том, что вдова прониклась живой верой в сверхчеловеческие качества своего молодого управителя и тут же уполномочила своего верного раба Майсару предложить Магомету жениться на ней. О сватовстве рассказывается безыскусно, просто и кратко. «Почему бы тебе не жениться, Магомет?» – спросил Майсара. «У меня нет средств», – отвечал Магомет. «А если бы тебе сделала предложение богатая женщина, да к тому же красивая и знатная?» – «Кто же это?» – «Хадиджа!» – «Да этого быть не может!» – «Я это устрою», – сказал Майсара и, вернувшись к госпоже, передал ей весь разговор. Назначен был час их свидания, и дело прекрасно уладилось с той же быстротой и рассудительностью, какими отличался Магомет в своих отношениях ко вдове. Отец Хадиджи несколько воспротивился этому браку ввиду бедности Магомета, разделяя общее мнение, что богатство должно присоединиться к богатству; но вдова мудро считала свое богатство только средством, дающим ей возможность следовать влечению своего сердца. Она устроила большой пир, на который были приглашены ее отец и другие родственники, дяди Магомета – Абу Талиб Гамза и многие другие курайшиты. Вино на этом пиру лилось в изобилии, и вскоре воцарилось всеобщее веселье. Бедность Магомета как препятствие к браку была забыта; за предстоящее бракосочетание говорили речи Абу Талиб с одной стороны и родственник Хадиджи, Барака, – с другой; вопрос о приданом был улажен, и брак был заключен формально.

Затем Магомет распорядился, чтобы у дверей его был убит верблюд и мясо его роздано бедным. Двери дома его

были открыты для всех; рабыни Хадиджи танцевали под звуки тамбуринов, и шумное веселье и радость царили всюду. Абу Талиб, забыв свои лета и обычную меланхолию, также отдался веселью по этому случаю. Он внес чистыми деньгами из своего кошелька сумму, равноценную двадцати молодым верблюдам. Халема, кормилица Магомета, была приглашена на его свадьбу и получила в дар соток овец, с которыми и вернулась, обогащенная и радостная, на родину, в долину саадитской пустыни.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Жизнь Магомета после свадьбы. Он стремится к религиозной реформе. Его расположение к религиозным размышлениям. Видение в пещере. Провозглашение себя пророком.

Брак с Хадиджей дал Магомету возможность занять место среди самых богатых людей своего города. Благодаря также нравственным своим качествам он имел огромное влияние на общество. Аллах, говорит историк Абульфеда, наградил его всеми дарами, какие нужны для совершенства и украшения честного человека; он был так чист и искренен, так далек от дурной мысли, что его больше знали под именем ал-Амин, то есть верный.

Вследствие необыкновенного доверия к его здравому смыслу и к честности сограждане часто в своих распрях обращались к его посредничеству. Существует анекдот, обрисовывающий мудрость, проявляемую им в подобных случаях.

Кааба, поврежденная огнем, потребовала восстановления, для чего священный «черный камень» нужно было переместить. Тут возник спор между начальниками разных племен из-за вопроса, кому из них принадлежит право выполнить такую священную обязанность, и они постановили, что решить это должен тот, кто первый войдет в ворота аль-Харамы. Случилось, что первым вошел Магомет. Выслушав их различные претензии, он распорядился, чтобы на землю был послан большой ковер и на него положен камень, и чтобы по одному человеку из каждого племени взяли за края этого ковра. Таким образом, священный камень был приподнят одинаково и одновременно всеми до уровня предназначенного ему места, куда уже собственноручно положил его Магомет.

У Магомета и Хадиджи родились четыре дочери и два сына. Старшего сына называли аль-Касим, почему и Магомет, согласно арабскому обычаю, назывался Абу аль-Касим, или отец Касима. Сын этот, как и другой, умер еще в детстве.

В течение многих лет после женитьбы Магомет не бросал торговли, посещая большие арабские ярмарки и совершая дальние путешествия с караванами. Экспедиции эти, однако, не были уже так выгодны, как в былые дни его предводительства, так что состояние, взятое им за женой, не росло, а, скорее, уменьшалось. Но богатство это избавило его от необходимости трудиться ради обеспечения своего существования и дало ему досуг для удовлетворения природного влечения его ума к мечтам и религиозным размышлениям, которое обнаруживалось с самого раннего детства. Оно, как мы видели, росло во время путешествий благодаря общению с евреями и христианами, вначале бежавшими сюда от преследований, но потом соединившимися в целые племена или составлявшими часть населения городов. И арабские пустыни, очевидно, полные фантастических суеверий, тоже давали пищу его восторженным мечтам. Со времени его брака с Хадиджей на его религиозные мнения влиял также его домашний оракул Барака, двоюродный брат Хадиджи, человек пытливого ума и неопределенной веры. Сначала он был иудеем, потом христианином, в то же время интересовался астрологией. Он достоин упоминания потому, что первым перевел на арабский язык часть Ветхого и Нового Заветов. Предполагают, что и Магомет заимствовал у него сведения об этих священных книгах, как и о преданиях Мишны и Талмуда, из которых он так много почерпнул для Корана.

Знания, полученные из таких разных источников и удержанные его превосходной памятью, шли в разрез с господствовавшим в Аравии идолопоклонством, которое практиковалось и в Каабе. Это священное здание постепенно наполнялось и окружалось идолами, число которых дошло наконец до трехсот шестидесяти, так что приходилось

по одному идолу на каждый день арабского года. Сюда с разных мест свозились идолы, божества других народов, из которых главный, Хобал, был доставлен из Сирии и имел, как предполагалось, власть вызывать дождь. Среди этих идолов были также Авраам и Измаил, почитаемые раньше как пророки и праотцы, теперь же изображенные с волшебными стрелами в руках – символами их магической власти.

Магомет все больше и больше убеждался в грубости и нелепости идолопоклонства, по мере того как он в своем развитом уме сопоставлял его с теми духовными религиями, которые он наиболее изучал. В различных местах Корана ясно проглядывает господствующая идея, которая постепенно возникала в его уме, пока на ней, наконец, не сосредоточились все его помыслы и она не стала главной руководительницей всех его дел. Идеей этой была религиозная реформа. Из всех своих знаний и размышлений он почерпнул непоколебимую уверенность, что единственная истинная вера, возведенная Адаму при сотворении его, познавалась и исповедовалась до грехопадения. Религия эта состояла в прямом и духовном поклонении единому истинному Богу, Творцу неба и земли.

Далее он признавал, что эта возвышенная и простая вера неоднократно искажалась и унижалась людьми, и главным образом в идолопоклонстве; поэтому ряд пророков, вдохновленных откровением Всевышнего, время от времени, через длинные промежутки, ниспосылался для восстановления этой религии в ее первоначальной чистоте. Таковы были Ной, Авраам, Моисей, таков был и Иисус Христос. Каждым из них истинная религия была возрождаема на земле, но затем снова искажалась последующими поколениями. Вера, которую проповедовал и исповедовал Авраам, прибыв из Халдеи, стала, по-видимому, для Магомета образцом религии, так как он очень чтит этого патриарха как отца Измаила, родоначальника его племени.

Магомету казалось, что время для новой реформы снова настало. Мир еще раз впал в слепое идолопоклонство.

Неизбежно требовалось пришествие нового пророка, ниспосылаемого, чтобы возвратить заблудших сынов человеческих на путь истины и восстановить поклонение Каабе, каким оно было во времена Авраама и патриархов. Вероятность пришествия такого пророка и мысль о тех преобразованиях, которые он должен произвести, по-видимому, не выходили у него из ума и все более развивали в нем привычку к созерцательной жизни и к размышлениям, несовместимым с обычными житейскими заботами и с мирскою суетою. Передают, что он будто бы мало-помалу начал избегать общества и искать одиночества в пещере на горе Хира, мили на три севернее Мекки, где, подражая христианским пустынножителям, проводил дни и ночи в молитве и размышлениях. Таким же образом проводил он всегда и священный месяц арабов – рамадан. Упорная работа мысли над одним и тем же вопросом, сопровождаемая лихорадочным подъемом духа, не могла не иметь сильного влияния на его организм: у него начались видения, галлюцинации, припадки исступления. По словам одного из его биографов, он в течение полугода постоянно видел сны, касавшиеся предмета его дум во время бодрствования. Часто он совсем переставал сознавать окружающее и лежал на земле в состоянии полного бесчувствия. Хадиджа, как верная супруга, разделявшая с ним иногда его уединение, с великой заботливостью относилась к нему и умоляла его открыть ей причину их; но он или избегал ее вопросов, или отвечал непонятно для нее. Некоторые из его противников приписывали эти припадки эпилепсии, но набожные мусульмане провозгласили их действием пророческой силы; потому что, говорили они, указания Всевышнего уже проникали в его душу и он перерабатывал идеи, слишком возвышенные для человеческого ума. Наконец, говорили они, то, что раньше виделось ему смутно и только в грезах, стало ясным и очевидным после явления ангела и божественного откровения.

Магомету было сорок лет, когда он получил это замечательное откровение. Мусульманские писатели повествуют

так, как будто слышали его из уст самого пророка; и в Коране также упоминается об этом событии. Магомет проводил, по своему обыкновению, месяц рамадан в пещере горы Хира, стремясь постом, молитвами и уединенными размышлениями возвысить свои мысли до понимания божественной истины. Настала ночь, называемая арабами ал-кадер, то есть ночь Божественного повеления; в эту ночь, согласно Корану, ангелы нисходят на землю и Гавриил возвещает повеления Бога; мир царит на земле, и священный покой воцаряется во всей природе до наступления утра.

Бодрствуя среди ночного безмолвия, укутавшись в плащ, Магомет услышал голос, зовущий его; когда он приподнял голову, то его озарил поток света невыносимого блеска, и он увидел ангела в образе человека, который, приближаясь к нему, развернул исписанный шелковый свиток. «Читай!» – сказал ему ангел. «Я не умею читать!» – ответил Магомет. «Читай, – повторил ангел, – во имя Бога, сотворившего Вселенную, создавшего человека из сгустка крови. Читай во имя Всевышнего, научившего человека пользоваться пером, озаряющего его душу лучом знания и открывающего ему то, чего он раньше не знал».

Тут Магомет почувствовал, что сознание его озарилось божественным светом, и он прочел написанные на свитке повеления Бога, как они впоследствии для всеобщего сведения изложены были им в Коране. Когда он окончил чтение, посланник неба воскликнул: «Ты, Магомет, воистину пророк Бога, а я его ангел, Гавриил!»

Магомет, дрожащий и взволнованный, пришел утром к Хадидже, не зная, правда ли то, что он видел и слышал, и верно ли, что он пророк, которому велено осуществить преобразование – предмет его долгих размышлений, или же все это было просто видением, обманом чувств, может быть, даже хуже того – обманом злого духа.

Но Хадиджа смотрела на все доверчиво, глазами верующей и любящей женщины. В том, что произошло, она видела исполнение желаний мужа и надеялась, что после этого кончатся его припадки и мучения. «Радостную весть

принес ты мне! – воскликнула она. – Клянусь именем Того, в чьих руках находится душа Хадиджи, что с этих пор я буду считать тебя пророком нашего народа. Радуйся, – прибавила она, видя, что он еще мрачен, – Аллах не потерпит, чтобы это послужило к твоему позору. Разве ты не любил родных, разве не был добр к соседям, милосерд к бедным, гостеприимен к странникам, верен своему слову? Разве ты не был постоянным защитником истины?»

Хадиджа поспешила сообщить о всем слышанном двоюродному брату своему Бараку, переводчику Священного Писания, который, как мы уже видели, являлся в вопросах религии домашним оракулом Магомета. Он сразу, со свойственным ему пылом, увлекся этим чудесным видением. «Клянусь именем Того, в чьих руках душа Барака, – воскликнул он, – что ты говоришь правду, о Хадиджа! Ангел, являвшийся твоему мужу, – тот самый, который в былое время был послан к Моисею, сыну Амрама. Эта весть истинна. Муж твой действительно пророк!»

Говорят, что горячая уверенность ученого Барака сильно укрепила все еще колебавшийся ум Магомета.

Примечание. Доктор Густав Вейль в одном из примечаний в своей книге «Mohammet der Prophet...» рассматривает вопрос о том, был ли Магомет эпилептиком, что вообще считалось клеветой его врагов и христианских писателей; но, кажется, болезнь эта была подтверждена некоторыми древнейшими мусульманскими биографами на основании свидетельства близких пророку людей.

По их словам, у него иногда внезапно появлялась сильнейшая дрожь, за которой следовало нечто вроде обморока или, вернее, конвульсий, причем со лба его струился пот даже в самую холодную погоду; в это время он лежал с закрытыми глазами, с пеной у рта и ревел, как молодой верблюд. Одна из его жен, Аиша, и один из его учеников, Зайд, приводятся как очевидцы его припадков. Они считали, что в это время он находился под воздействием откровения. Но подобные припадки, однако, случались с ним и в Мекке, до

откровения о Коране. Хадиджа со страхом думала, что он одержим лихим духом, и хотела позвать заклинателя, чтобы изгнать беса, но Магомет воспротивился этому. Он не любил, чтобы были свидетели этих припадков. Харет ибн Хашим, говорят, как-то раз спросил его, какими путями получает он откровения. «Часто, – ответил он, – ангел является мне в образе человека и говорит со мной. Иногда я слышу звуки, похожие на звон колокола, но не вижу ничего. (Звон в ушах – симптом эпилепсии.) Когда невидимый ангел удаляется, у меня остается данное им мне откровение». Некоторые из этих откровений он считал полученными прямо от Бога, другие же – через сновидения. Сны пророков, по его словам, тоже откровения.

Читатель найдет, вероятно, это замечание полезным как освещающее до некоторой степени загадочную деятельность этого замечательного человека.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Магомет тайно передает другим свое учение и постепенно получает новые откровения. Возвещает их своим родным. Как последние отнеслись к ним. Восторженная преданность Али. Дурные предзнаменования христиан.

В течение некоторого времени Магомет поверял свои откровения только своим домашним. Одним из первых, открыто заявившим себя его последователем, был Зайд, его слуга-араб из племени калб. Этот юноша был в детстве взят в плен шайкой вооруженных курайшитов и путем покупки или по жребию перешел в собственность к Магомету. Через несколько лет отец его, услышав, что он в Мекке, отправился туда и предложил в выкуп за него значительную сумму денег. «Если он предпочтет отправиться с тобой, – сказал Магомет, – то пусть идет без выкупа, если же он сочтет лучшим остаться со мной, то как же мне не согласиться на это?» Зайд предпочел остаться на том основании, говорил он, что к нему относятся не как к рабу, а скорее как к сыну. Вследствие этого Магомет публично усыновил его, и с тех пор он оставался при нем в качестве преданного слуги. Теперь, обратившись в новую веру, он получил полную свободу, но из дальнейшего рассказа мы увидим, что он на всю жизнь сохранил благоговейную привязанность к Магомету, который, по-видимому, имел особый дар внушать ее своим последователям и подчиненным.

Первые шаги Магомета в качестве пророка делались боязливо и тайно. Вражда, неприязненные действия грозили ему со всех сторон от близких родственников курайшитов из рода Хашима, все могущество и благоденствие которых зависело от идолопоклонства, а еще больше от соперничествовавшего рода Абд Шима, с давних пор смотрев-

шего завистливо и подозрительно на хашимитов и который с величайшей радостью провозгласил бы их еретиками и беззаконниками, чтобы устранить их от должности охранителей Каабы. Во главе этой соперничающей линии курайшитов стоял Абу Софиан, сын Харба, внук Омейя и правнук Абд Шима. Это был человек даровитый и властолюбивый, очень богатый и влиятельный, ставший позднее одним из наиболее упорных и сильных противников Магомета*.

При таком неблагоприятном положении дела распространение новой веры шло тайно и медленно, так что в первые три года обращенных было не более сорока человек, преимущественно из среды людей молодых, иностранцев и рабов. Собрания для молитв устраивались тайно или у кого-нибудь из посвященных, или в пещере недалеко от Мекки. Но и тайна не предохранила их от неприятности. Собрания их были открыты; в пещеру ворвалась толпа, и последовала свалка. Один из нападавших был ранен в голову Соадом, оружейником, который после этого стал известен среди правоверных как первый проливший кровь во славу ислама.

Одним из жесточайших противников Магомета был его дядя Абу Лахаб, человек богатый, надменный и вспыльчивый. Сын его, Ота, был женат на Рукайе, дочери Магомета, так что они были в двойном родстве. Абу Лахаб был, однако, в родстве и с враждебной линией курайшитов, так как сам он был женат на Ом-Джемили, сестре Абу Софиана, и находился под сильным влиянием жены и зятя. Он относился неодобрительно к тому, что он называл ересью племянника, находя, что она покроеет позором ближайшую родственную линию и навлечет на нее вражду остальных курайшитов. Магомет принимал близко к сердцу злобное

* Нибур (Travels. V. II) говорит, что племя харб владело многочисленными городами и селами в горах Хиджаза, между Меккой и Мединой. Замки их были на отвесных скалах; они разоряли караваны и налагали на них контрибуцию. Полагают, что племя это получило название по отцу Абу Софиана, а многочисленный род Омейядов – по деду его.

противодействие дяди и приписывал все внушению жены его, Ом-Джемили.

Преимущественно же его печалила эта враждебность потому, что он видел, как она дурно отражалась на счастье его дочери Рукайи, влечение которой к его учению вынуждало ее терпеть упреки со стороны мужа и его семьи.

Эти и другие причины различных неприятностей угнетали и усиливали болезненное настроение его ума. Он ослаб, сделался угрюм и все более и более стремился к уединенным размышлениям. Те родные, которые любили его, замечая эту перемену, боялись, чтобы он не заболел; другие же относились к нему насмешливо и находили у него помрачение ума; и во главе последних стояла Ом-Джемиль, жена его дяди, сестра Абу Софиана.

Результатом такого расстроенного состояния ума и тела было другое видение или откровение, которое повелевало ему «проповедовать и прославлять Господа». Теперь ему предстояло смело и открыто провозгласить свое учение, и прежде всего своему роду и племени. Для этого на четвертом году своего так называемого посланничества он созвал всех курайшитов из рода Хашима сойтись на холме Сафа, близ Мекки, обещая сообщить им вести, очень важные для их благополучия. По этому приглашению все собрались в назначенное место; в числе их находился и враждебный ему дядя Абу Лахаб с Ом-Джемилью, насмешницей-женой своей. Лишь только пророк заговорил о своей миссии и сообщил о своих откровениях, как Абу Лахаб в бешенстве вскочил со своего места, стал поносить его за то, что он собрал их из-за таких пустяков, и, схватив камень, намеревался запустить его в Магомета. Но пророк бросил на него гневный взгляд, проклял руку, поднявшуюся с угрозой, и предсказал ему гибель в геенне огненной, причем с уверенностью прибавил, что жена его, Ом-Джемиль, сама принесет пучок терну, чтоб разжечь этот огонь.

Собрание разошлось в смущении. Абу Лахаб и жена его, взбешенные за призванное на них проклятие, заставили

сына своего, Оту, развестись с женой Рукайей и отослать ее, рыдающую, обратно к Магомету. Впрочем, она скоро утешилась, выйдя замуж за правоверного Османа ибн аль-Аффана, ревностного ученика Магомета.

Нимало не унывая из-за своей первой неудачной попытки, Магомет созвал второе собрание хашимитов в своем собственном доме, где, угостив их бараниной и молоком, подробно возвестил им полученные с неба откровения и божественное повеление сообщить их своим близким родственникам. «О дети Абд аль-Мутталиба, – воскликнул он восторженно, – вам, предпочтительно пред другими людьми, Аллах даровал эти самые драгоценные дары! От имени Его я предлагаю вам блаженство в этом мире и бесконечные радости в будущем. Кто из вас хочет разделить со мной предлагаемое бремя? Кто хочет быть моим братом, моим заместителем, моим визирем?»

Все оставались безмолвными; некоторые удивлялись, другие улыбались недоверчиво и презрительно. Наконец, вышел порывисто Али и с юношеским энтузиазмом предложил себя к услугам пророка, скромно указав при этом на свою молодость и телесную немощь*. Магомет обнял великодушного юношу и прижал к своему сердцу. «Смотрите! Вот мой брат, мой визирь и мой наместник! – воскликнул он. – Пусть все внимают его словам и повинуются ему!»

Но порыв такого юноши, как Али, встречен был взрывом презрительного хохота со стороны курайшитов, и они принялись подтрунивать над Абу Талибом, отцом молодого новообращенного, говоря, что он должен падать теперь ниц перед сыном и повиноваться ему.

Хотя учение Магомета и было злобно отвергнуто его родственниками и друзьями, оно нашло понимание среди народа, а главным образом среди женщин, всегда готовых сочувствовать тому, кто подвергается преследованию.

* По ошибке переводчиков выходило, будто Али после предложения своих услуг стал нелепо угрожать всем, кто будет противодействовать пророку.

Многие евреи также интересовались им некоторое время, но, узнав, что он позволяет ученикам своим есть мясо верблюдов и других животных, не дозволенных их законом, они отвернулись от него и признали его веру нечистой.

Теперь Магомет, отбросив всякую осторожность или, вернее, проникаясь все большей восторженностью, ходил всюду, открыто и ревностно проповедуя свое учение и выдавая себя за пророка, посланного Богом с целью уничтожить идолопоклонство и смягчить суровость еврейского и христианского законов. Холмы Сафа и Кубеис, освященные преданиями об Агари и Измаиле, были его любимыми местами проповеди, а гора Хира была его Синаем, куда он в порывах возбуждения и восторга иногда удалялся и, пробыв несколько времени в уединенной пещере, появлялся с новыми откровениями Корана.

Добрые древние христианские писатели, обсуждая появление Магомета, которого называют арабом, врагом церкви, приводят суеверные рассказы о различных чудесах, совершившихся около того времени, – страшных предвестниках смут, готовых взволновать мир. В Константинополе, этой столице христианской империи того времени, явилось много уродов и страшных видений, вселявших ужас в сердца очевидцев. Во время некоторых религиозных процессий по окрестностям кресты внезапно начинали сами двигаться и сильно колебаться, приводя присутствующих в ужас и изумление. Нил – древняя мать чудес – родил двух уродов, не то мужчин, не то женщин, которые, выйдя из его вод, несколько времени страшно оглядывались кругом и потом снова скрылись в волнах. В течение целого дня солнце казалось уменьшенным на треть против обыкновенной величины и бросало бледные, печальные лучи. В одну темную, безлунную ночь адский огонь ярким светом озарил небо, по которому сверкали кровавые копья.

Все эти и многие другие подобные чудеса объяснялись как предвестники приближающихся бедствий. Старые служители Бога мрачно качали головами, предсказывая наступление царства Антихриста, великих гонений на христиан и разорение

церквей; а святые люди, испытавшие на своем веку немало гонений и волнений из-за веры, прибавляет высокочтимый отец Хайме-Бледа, получили свыше дар понимания и объяснения этих таинственных явлений, предвещавших различные невзгоды для церкви; их можно уподобить опытным морякам, которые по состоянию воздуха, неба и моря узнают о приближении бури, грозящей разбить их корабль.

Многие из этих святых собирались прославить Бога прежде, чем исполнятся их пророчества, и уже с высот небес смотреть с состраданием на смуты в христианском мире, подобно людям, которые, стоя на безоблачных высотах гор, смотрят вниз на бури, бушующие на земле и на море, потопляющие большие корабли и разрушающие высокие башни.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Очерк магометанской веры.

Хотя мы и не имеем здесь в виду подробно изучать учение, проповедуемое Магометом, нам необходимо, однако, рассмотреть его в главных чертах для верной оценки характера и деятельности Магомета и тех событий и обстоятельств, о которых дальше пойдет речь.

Нужно, главным образом, помнить, что Магомет не объявлял открыто, что он основывает новую религию, а считал, что только возрождает веру, полученную людьми в очень давние времена непосредственно от Самого Бога. «Мы следуем, – говорится в Коране, – религии правоверного Авраама, не бывшего идолопоклонником. Мы верим в Бога и в то, что ниспослано нам и было ниспослано Аврааму и Измаилу, Исааку и Иакову и племенам их; верим в то, что было даровано от Господа Моисею и Христу и другим пророкам. Мы не делаем различия между ними и покоряемся Богу»*. Коран** – великая книга, излагающая его веру, – появлялся не вдруг, а по частям, смотря по требованию обстоятельств и по степени возбуждения его чувств. Он выдавал его не за собственное творение, а за Божественное откровение, за слово Самого Бога. Во всем Коране говорит как бы Само Божество. «Мы ниспослали тебе книгу истины, подтверждающую ее во всей чистоте»***.

Закон Моисея, говорит он, был одно время правилом, руководящим жизнью людей. С пришествием Христа он заменен Евангелием, а последнее в свою очередь должно

* Коран, гл. II.

** Происходит от арабского слова «кора», что значит читать или учить.

*** Коран, гл. V.

уступить свое место Корану, который более полон, точен и ясен, чем предыдущие законы, и имеет в виду исправить те искажения, которые вошли в них по небрежности или по испорченности их последователей. Это уже восполнение закона; после него не будет больше Божественных откровений. Магомет – последний и величайший из ряда пророков, посылаемых для возвещения воли Бога.

Единство Бога было краеугольным камнем этой исправленной религии. «Нет Бога кроме Бога» – вот главный ее догмат. Отсюда и название религии «ислам»* – арабское слово, означающее покорность Богу. К этому руководящему догмату прибавлено: «Магомет – Божий пророк», что, как утверждали, узаконено Божественным возвещением и важно для того, чтобы откровения охотно принимались.

Наряду с единством Бога внушается вера в ангелов, или служебных духов, в пророков Божиих, в телесное воскресение, в награду и возмездие в будущей жизни и в предопределение. Многие в Коране заимствованы из Библии, Мишны и Талмуда*, в особенности же дикие, хотя

* Некоторые этимологи производят «ислам» от слова «салм» или «аслама», что значит спасение. Христиане превратили его в ислаимизм, а евреи заменили ислаимизм измаилизмом, как бы в упрек, намекая этим на происхождение арабов от измаилитов.

От слова «ислам» арабы произвели слова *Moslem* или *Muslem* и *Musulman*, т. е. исповедующий веру ислама. Это в единственном числе, в двойственном же будет *Muslimaninnan*, а во множественном – *Muslimen*. Французы, как и некоторые другие нации, следуя законам своего языка, при заимствовании и переводе арабских терминов производят множественное число прибавлением буквы *s*, так что пишут *Musulman* в един. и *Musulmans* во множест. Некоторые английские писатели, и во главе их Гиббон, подражают им, воображая, что следуют арабскому правописанию; но большинство англичан подчиняются особенностям своего языка и пишут *Moslem* един., а *Moslems* множ., *Musulman* един. и *Musulmen* множ., что выходит благозвучнее.

* Мишна евреев, так же как и Сунна магометан, есть собрание преданий, составляющих устный закон. Предания эти собраны во

подчас и прекрасные предания об ангелах, пророках, патриархах, злых и добрых джиннах. Магомет в детстве проникся уважением к еврейской вере, так как его мать, как предполагают, исповедовала эту религию.

Система, лежащая в основе Корана, опирается главным образом на христианское учение Нового Завета в том виде, как его усвоил Магомет, беседуя с христианскими еретиками в Аравии. Спаситель наш чтится высоко, как боговдохновенный пророк, величайший из всех посланных раньше Магомета для исправления закона; но всякая мысль о его божественности была отвергнута как нечестивая, а учение о Троице было объявлено посягательством на единство Бога. И то и другое признано ошибочными или умышленными вставками толкователей; и мнение это, как увидим, разделяли и некоторые арабские христианские секты.

Поклонение святым, иконам и картинам, их изображающим, отвергалось как уклонение от чистой христианской веры в сторону идолопоклонства, и таковы, как известно, были взгляды несториан, с которыми Магомет, как мы видели, был коротко знаком.

Всякая живопись, изображающая живые существа, запрещалась. Магомет любил повторять, что ангелы не входят в дом, где имеются подобные изображения, а людей, рисующих их, они обяжут в будущем мире под страхом наказания найти душу для своих картин.

Большая часть христианских заповедей милосердия введена в Коран. Раздавание милостыни повелевается как положительная обязанность, а непреложный закон справедливости — «поступай с другими так, как хочешь, чтобы и

II столетии, в царствование Антонина Пия, императора римского, Иудой Хакко-дишем, ученым еврейским раввином.

Иерусалимский Талмуд и Вавилонский Талмуд являются комментариями к Мишне. Первый был составлен в Иерусалиме около трехсот лет после Христа, а второй — в Вавилоне почти двумя столетиями позднее. Мишна — самый древний еврейский сборник, не считая Библии.

с тобой поступали» – предписан как нравственный долг для правоверных.

«Не поступай несправедливо с другими, – говорит Коран, – и никто с тобой не поступит несправедливо. Если должнику трудно уплатить долг, то кредитор должен ждать, пока ему будет легко, а лучше всего, если он обратит такой долг в милостыню».

Магомет проповедует благородную честность и искренность в поступках. «О купцы! – говаривал он. – Ложь и обман сродни торговле; очищайте же ее милостыней, отдавайте сколько-нибудь на дела милосердия, как бы в искупление; потому что Бога гневит обман, а милостыня смягчает Его гнев. Продающий негодную вещь и скрывающий ее недостатки вызывает гнев Божий и проклятие ангелов».

«Не пользуйтесь нуждою другого, чтобы купить у него за бесценок; лучше избавить его от нищеты».

«Накорми голодного, посети больного и освободи заключенного, если он неповинен».

«Не смотри гневно на ближнего и не ходи по земле нахально, потому что Бог не любит гордых и тщеславных. Ходи скромно и не возвышай голоса, потому что самый неблагодарный из всех голосов есть голос осла»^{*}.

^{*} Следующие слова Магомета, сохраненные, как сокровище, одним из учеников его, очевидно, были внушены ему одним местом Евангелия от Матфея, 25:35–45: «Воистину, в день воскресения скажет Господь: «О сыны Адамовы! Я был болен и вы не посетили Меня». И они ответят: «Как могли мы посетить Тебя? Ведь Ты властитель мира и болезнь не касается Тебя». И Бог скажет: «Разве вы не знали, что один из служителей Моих был болен, а вы не посетили его! Если бы вы сделали это для него, вам бы зачлось это, как праведное дело». И Бог скажет: «О сыны Адамовы! Я просил у вас пищи, вы не дали Мне!» И сыны Адамовы скажут: «Как могли мы накормить Тебя, зная, что Ты Вседержитель мира и не можешь ведать голода?» И Бог скажет: «Один из жителей Моих просил у вас хлеба, и вы не дали ему. Если бы вы накормили его, то получили бы от Меня награду». И скажет Бог: «О сыны Адамовы! Я воды просил у вас, и вы Мне

Всякого рода идолопоклонство было положительно запрещено; и действительно, Магомет относился к нему с величайшим отвращением. Много, однако, религиозных обрядов с незапамятных времен укоренилось у арабов, к которым и сам он привык с детства; они были несовместимы с учением о единстве Бога и были все-таки удержаны. Таковы были путешествия в Мекку, и все обряды, сопряженные с почитанием Каабы, посещение колодца Земзем и других окрестных святых мест, причем все-таки не допускалось никакого поклонения идолам, что считалось за богохульство.

Древний арабский молитвенный обряд омовения, сопровождающий молитву или, скорее, предшествующий ей, был сохранен.

Молиться повелевалось в определенные часы дня и ночи; молитвы были составлены просто и обращены прямо к Богу, причем, когда требовались поклоны, а иногда и падение ниц, правоверные обращались к кибле, то есть месту поклонения.

После каждой молитвы читался следующий стих из второй части Корана. Говорят, что в арабском оригинале он чрезвычайно хорош; его вырезают на золотых и серебряных украшениях и на драгоценных камнях и носят как амулет. «Боже! Нет иного Бога, кроме Его, живого, вечно живущего, не спящего и не дремлющего. Ему принадлежат небеса и земля и все, что на них есть. Кто может предстать пред Ним без Его воли? Он ведает прошедшее и будущее, но никому не доступны Его знания, кроме тех, которые Он открывает. Он царит над небом и землей, и управлять ими не трудно Ему. Он Всевышний, Всемогущий».

не дали ее». Они ответят: «О Покровитель наш! Могли ли мы дать воды, видя, что Ты Властитель мира и жаждать не можешь?» И скажет Бог: «Один из служителей Моих просил у вас воды, и вы не дали ему. Если бы вы напоили его, то получили бы награду от Меня».

Магомет настойчиво выставлял на вид важность и силу молитвы. «Ангелы, – говорил он, – одни днем, другие ночью, постоянно пребывают среди вас; когда ночные ангелы возвращаются на небо, Бог спрашивает их, в каком положении они оставили его создания. “Мы нашли и оставили их молящимися”, – ответят они».

Учение Корана относительно воскресения мертвых и Страшного суда до некоторой степени сходно с учением христианской религии, но к нему примешаны дикие понятия, заимствованные из других источников. Таким образом к духовным блаженствам мусульманского рая примешаны земные, чувственные, вследствие чего они являются много ниже неисповедимой чистоты духовного небесного блаженства, обещанного нашим Спасителем.

Однако описание последнего дня в восемьдесят первой главе Корана, данное Магометом, вероятно, в начале своего посланничества в Мекку, не лишено величия.

«Именем милосердного Бога! Наступит день, когда исчезнет солнце и звезды спадут с неба,

Когда самка верблюда, готовая родить, будет оставлена без призора, и когда дикие звери со страху соберутся все вместе,

Когда поднимутся волны океана и души умерших соединятся с телами своими,

Когда девочка-ребенок, погребенная заживо, спросит, за какое преступление принесена она в жертву,

Когда книги вечности будут раскрыты,

Когда небеса исчезнут, как бумажные свитки; когда ад жаростно запыхает и явны станут блаженства рая,

В этот день откроются все дела каждой души,

Воистину, клянусь звездами, быстро несущимися и мерцающими при солнечном блеске, клянусь мраком ночи и рассветом дня, что слова эти не от злого духа, но от ангела, властного и достойного, которому доверяет Аллах и которого чтут другие, подвластные ему ангелы; клянусь, что собрат ваш, Магомет, не безумен. Он видел посланника не-

бес при свете ясного дня, и ему открыты были слова увещания для всех тварей».

Примечание. Чтобы дать понятие о той путанице учений, из которых Магомету пришлось заимствовать свои сведения о христианской вере, мы изложим здесь главные спорные пункты различных сект восточных христиан, о которых упомянуто в предыдущей главе; все они были признаны еретическими или схизматическими.

Савелиане, получившие это название от ливийского священника Савелия, жившего в III столетии, верили в единство Бога; Троица же, по их мнению, выражает только три различных состояния или отношения; Отец, Сын и Святой Дух составляют одно существо, как человек, состоящий из души и тела.

Ариане, последователи Ария, священника александрийского, жившего в IV столетии, хотя и утверждали, что Христос – Сын Божий, но считали Его не подобным Богу, а ниже Его; Духа же Святого за Бога совсем не признавали.

Несториане – от Нестория, епископа константинопольского, жившего в V веке, – утверждали, что Христос имеет два различных естества: Божеское и человеческое; что Мария была Его Матерью только как человека и что нехорошо называть Ее Богородицею, как это принято церковью.

Монофизиты признавали в Иисусе Христе только одно естество, на что указывает и их название. Они утверждали, что в Нем Божеское и человеческое так смешано и слито, что составляют одно естество.

Евтихиане – от Евтихия, игумена константинопольского монастыря, жившего в V столетии, – были ветвью монофизитов, вполне противоположною несторианам. Они отрицали двойственное естество Иисуса Христа, признавая, что Он был только Бог до воплощения и только человек во время воплощения.

Иаковиты – от Иакова, епископа эдесского в Сирии, жившего в VI столетии, – составляли многочисленную ветвь монофизитов, незначительно отличавшуюся от евтихиан. Большая часть христианских племен Аравии были иаковитами.

Мариамиты, или почитатели Девы Марии, считали, что Троица состоит из Бога Отца, Бога Сына и Бога Девы Марии.

Коллиридианки – секта арабских христиан, состоявшая главным образом из женщин. Они поклонялись Пресвятой Деве как Божеству и приносили Ей хлебные лепешки, называемые коллири; отсюда произошло и название их.

Назареяне – секта еврейских христиан. Они считали Иисуса Христа Мессией, родившимся от Девы и Святого Духа и обладавшим, в известной мере, божественным естеством; но во всем остальном они не отступали от Моисеева закона.

Эбиониты – от Эбиона, обращенного еврея, жившего в I столетии, – были тоже сектой иудействующих христиан, немного отличавшейся от назареян. Они признавали Иисуса Христа чистейшим человеком, величайшим из пророков, но отрицали Его существование раньше рождения от Девы Марии. Эта секта, так же как и секта назареян, имела много последователей в Аравии.

Достаточно кратко перечислить и другие секты: коринфиан, маронитов и марсионитов, названных так в честь своих ученых вождей; кроме того, были: докеты и гностики, подразделявшиеся на различные мелкие толки. Некоторые из них признавали, что чистота Девы Марии не была нарушена, что зачатие и роды совершились без нарушения Ее девства, подобно тому, как световые лучи передаются сквозь оконное стекло. Мнения этого и теперь ревностно придерживаются испанские католики.

Большинство докетов утверждало, что естество Иисуса Христа было вполне божественно и что только призрак, форму без субстанции, распяли заблуждавшиеся евреи; что распятие и воскресение были тоже ложными мистическими представлениями, совершёнными для блага человечества.

Карпократиане, базилиане и валентиниане, названные именами трех египетских полемических писателей, утверждали, что Иисус Христос был только мудрый и добродетельный смертный, сын Иосифа и Марии, которого Бог избрал для исправления и вразумления человечества, а природу божественную Он получил уже взрослым, во вре-

мя крещения Его Иоанном Крестителем. Первая часть этого верования, сходная с верой эбионитов, ожила и исповедуется христианами-унитариями, составляющими в настоящее время* очень многочисленную и всевозрастающую протестантскую секту.

Достаточно бегло взглянуть на религиозные распри не в хронологическом порядке перечисленных нами сект, потрясавших первоначальную христианскую церковь и продолжавших господствовать и во времена Магомета, чтобы снять с него обвинение в сознательном распространении богохульных мнений о естестве и миссии нашего Спасителя.

* Время написания книги – 1849 г. – Прим. ред.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Насмешки над Магометом и его учением. Требование чудес. Поведение Абу Талиба. Насилия курайшитов. Дочь Магомета, Рукайя, с своим мужем Османом и некоторыми учениками пророка ищет убежище в Абиссинии. Магомет в доме Оркама. Злоба Абу Джалия; его наказание.

Магомету в начале его пророческой деятельности было всего труднее бороться с насмешками его противников. Все знавшие его с детства, видевшие сначала его мальчиком на улицах Мекки, потом погруженного в обычные жизненные заботы насмехались над его апостольством. Когда он проходил мимо, его поднимали на смех и, указывая на него пальцами, кричали: «Смотрите на внука Абд аль-Мутталиба, утверждающего, что он знает все, что творится на небе!» Очевидцы же его припадков умственного иступления и экстаза считали его помешанным; некоторые уверяли, что он одержим злым духом, другие же обвиняли его в колдовстве и чародействе.

Проходя по улицам, он подвергался тем насмешкам, упрекам и оскорблениям, какие чернь всегда любит изливать на человека, отличающегося иною жизнью и независимостью ума. Когда он начинал проповедовать, голос его заглушался неистовым шумом и непристойными песнями; в него даже бросали грязью, когда он молился в Каабе.

И не только чернь и невежды осыпали его такими оскорблениями; одним из самых грозных его противников был юноша по имени Амру; и так как он впоследствии займет видное место в истории магометанства, то мы хотим дать читателю понятие о тех обстоятельствах, при которых он впервые выступил. Он был сын жившей в Мекке куртизанки, до того обаятельной, что она могла бы соперничать с

Фринами и Аспазиями Греции; в числе ее любовников было немало лиц очень знатного происхождения. Родив этого ребенка, она назвала многих людей из племени курайш, имевших одинаковые права считаться его отцом. Но так как его признавали больше всего похожим на Ааса, самого старого из ее поклонников, то к имени Амру начали прибавлять ибн ал-Аас, то есть сын Ааса.

Природа щедро одарила этого незаконнорожденного ребенка как бы для того, чтобы загладить бесчестие его рождения. В молодости он уже был одним из самых популярных поэтов Аравии и одинаково отличался как едкостью своей сатиры, так и пленительной нежностью своих серьезных песен.

Когда Магомет впервые возвестил о своей миссии, этот юноша осыпал его пасквилями и юмористическими мадригалами, которые, приходясь по вкусу арабам и быстро распространяясь, задерживали рост исламизма больше, чем самые жестокие преследования.

Люди, противодействовавшие Магомету более серьезно, требовали от него сверхъестественных доказательств истинности того, что он утверждал. «Моисей, Иисус и другие пророки, — говорили они, — чудесами доказывали божественность своего посланничества. Если ты действительно пророк, и притом больший, чем они, то твори хоть такие же чудеса».

Ответ на это дан Магометом в Коране. «Какое чудо может быть больше Корана, книги откровения, написанной при посредстве неграмотного человека? Язык ее так возвышен, доводы так неоспоримы, что дары дьявола и человека, соединенные вместе, не могли бы составить ничего подобного. Какое же еще нужно большее доказательство, что книга эта исходит от Самого Бога? Сам Коран есть чудо».

Но они требовали более осязательных доказательств — чудес, действующих на чувства.

Им хотелось, чтобы он заставил немого говорить, глухого — слышать, слепого — видеть, мертвого — воскреснуть; или чтобы он изменил вид природы: заставил бы источники

переполниться водой; превратил бы бесплодную местность в цветущий сад с пальмами, виноградными лозами и журчащими ручьями; воздвиг бы золотой дворец, осыпанный жемчугом и драгоценными камнями; или в их присутствии вознесся бы на небо. Наконец, если Коран действительно, как он утверждает, ниспосылается с неба, то им хотелось бы видеть, как он нисходит, или увидеть ангела, приносящего его, – тогда бы они поверили.

Магомет, возражая, то приводит доказательства, то прибегает к угрозам. Он говорит: «Я – человек, посланный Богом, Его апостол. Если бы ангелы являлись обыкновенно на земле, то, наверно, ангел послан был бы для этой миссии; и как жалко было бы тогда положение тех людей, которые, как в настоящем случае, не поверили бы его словам! Они не могли бы рассуждать и спорить, как со мной; у них не было бы времени для того, чтобы убедиться, и их гибель была бы мгновенна. Бог не нуждается в ангелах, чтобы придать больше силы и значения моей миссии. Он сам является свидетелем между мной и вами. Те, которым Он даст способность убедиться, поверят искренно; те же, которых Он допустит остаться в заблуждении, не найдут никого, чтобы помочь их неверию. В день воскресения они предстанут слепыми, глухими, немыми и будут пресмыкаться, наклонив лицо к земле. Обителью их будет неугасаемая огненная геенна. Такова будет кара за их неверие».

«Вы настаиваете на чудесах. Бог дал Моисею силу творить чудеса. И что же вышло? Фараон пренебрег его чудесами, обвинил его в волшебстве и старался изгнать его вместе с народом из страны; но фараон был потоплен вместе с войском своим. Станете ли вы, зная это, искушать Бога чудесами и подвергаться опасности, чтоб и вас постигли кары, ниспосланные на фараона?»

Ал-Маалем, арабский писатель, рассказывает, что некоторые из учеников Магомета однажды присоединились к крику толпы, требовавшей чудес, настаивая, чтобы он раз навсегда доказал божественность своего посланничества, превратив в золото холм Сафа. Слыша отовсюду такие

настойчивые требования, Магомет предался молитве; кончив ее, он объявил своим последователям, что явился архангел Гавриил и возвестил ему, что если бы Бог внял его молитве и сотворил желаемое чудо, то все не уверовавшие в Него были бы истреблены. Из сострадания к толпе, по-видимому, упорной в своем неверии, он не хочет подвергать ее истреблению; таким образом, холму суждено было остаться в прежнем виде.

Другие мусульманские писатели утверждают, что Магомет иногда отступал от предписанного себе правила и творил чудеса, а именно когда находил, что его слушатели чересчур слабы в вере. Так, однажды в присутствии толпы он, говорят, подозвал быка и снял с его рога свиток, на котором написана была глава Корана, только что ниспосланная с неба. В другой раз, когда он проповедовал народу, белый голубь закружился над ним и, сев потом на плечо, как будто нашептывал ему что-то на ухо. По словам Магомета, этот голубь был ниспослан Богом. Наконец, однажды он велел вырыть перед собой яму, в которой оказались два кувшина, один – с медом, другой – с молоком. Пророк объяснил, что это – символы изобилия, обещанного небом всем, кто будет повиноваться его законам.

Христианские писатели отнеслись с насмешкой к этим чудесам, объясняя, что голубь был приучен к этому делу и по привычке искал пшеничного зерна в ухе Магомета, что свиток был ранее привязан к рогам быка, а кувшины с молоком и медом заранее закопаны в землю. Лучше всего было бы совершенно отбросить в сторону эти чудесные истории как сказки, придуманные фанатиками, как это и признано наиболее серьезными мусульманскими комментаторами.

Нет доказательств того, чтобы Магомет пускался на подобного рода проделки с целью придать больше силы своему учению и упрочить свои притязания на роль апостола. По-видимому, он в эту раннюю и нерешительную пору своей деятельности полагался только на свой ум и красноречие, вдохновляемое религиозным энтузиазмом. Его настойчивые нападки на идолопоклонство, развратившее и

заменившее первоначальное почитание Каабы, имели заметное влияние и встревожили курайшитов. Они настаивали, чтобы Абу Талиб или заставил племянника замолчать, или выгнал его вон. Видя тщетность своих требований, они объявили старику, что если этот мнимый пророк и его последователи будут упорствовать в своей ереси, то поплатятся за это жизнью.

Абу Талиб поспешил уведомить Магомета об этих угрозах и умолял его не восстанавливать против себя и своей семьи многочисленных и сильных врагов.

Энтузиазм Магомета выразился в следующих словах: «О дядя! – воскликнул он. – Если бы они восстановили против меня справа солнце, а слева месяц, я и тогда не отказался бы от своей задачи, пока Бог не повелел бы мне сделать это или не взял бы меня отсюда».

Он удалился опечаленный, но Абу Талиб снова позвал его. Старик не был еще правоверным, но его восхищала непоколебимая стойкость племянника, и он объявил ему, что, сколько бы тот ни проповедовал, он не выдаст его врагам. Чувствуя, что сам он не может оказать племяннику достаточно сильного покровительства, старик обратился к другим потомкам Хашима и Абд аль-Мутталиба для защиты их родственника от преследования со стороны остальных курайшитов – и семейные узы так сильны у арабов, что, хотя приходилось защищать то, что они считали опасной ересью, все, однако, изъявили согласие, кроме дяди его Абу Лахаба.

Злоба курайшитов все сильнее ожесточалась, так что дело дошло, наконец, до насилия. На Магомета напали в Каабе и едва не задушили его. Абу Талиб с трудом спас его и сам даже пострадал во время схватки. Ближайшие родственники пророка сделались предметом ненависти, в особенности же дочь его Рукайя и ее муж Осман ибн аль-Аффан. Те же из учеников его, у которых не было сильных друзей-защитников, рисковали поплатиться жизнью. Сильно тревожась об их безопасности, Магомет посоветовал им удалиться от его опасного общества и искать убежища в

Абиссинии. Красное море довольно узко и достичь африканского берега было не трудно. Абиссинцы были несторианами, стоявшими по религии выше своих варварских соседей. Их наджаши, или царь, пользовался славой человека веротерпимого и справедливого, и Магомет был уверен, что его дочь и бежавшие ученики найдут у него верное убежище.

Осман ибн аль-Аффан был вождем этого небольшого мусульманского отряда, состоявшего из одиннадцати мужчин и четырех женщин. Они пустились в путь по берегу моря к Джидде, гавани, находящейся на расстоянии двухдневного пути к востоку от Мекки, где нашли на якоре два абиссинских корабля, на которых они и отправились в ту сторону, где надеялись найти себе приют.

Событие это, случившееся в пятый год миссии Магомета, названо первой хиджрой, или бегством, в отличие от второй хиджры, или бегства самого пророка из Мекки в Медину. Хороший прием, оказанный беглецам, побудил и других приверженцев Магомета последовать их примеру, так что число мусульман, укрывавшихся в Абиссинии, дошло до восьмидесяти трех мужчин и восемнадцати женщин, не считая детей.

Курайшиты, убедившись, что Магомета нельзя заставить замолчать и что число обращенных им увеличивается с каждым днем, издали закон, по которому все последователи его подлежали изгнанию. Магомет удалился, прежде чем разразилась гроза, и укрылся у одного из своих учеников по имени Оркам, дом которого находился на холме Сафа. Этот холм, как мы уже говорили, упоминается в арабских преданиях как место, где Адаму и Еве еще раз позволено было сойтись после долгого одинокого странствования по земле, последовавшего за изгнанием их из рая. Холм этот также связан в предании с судьбой Агари и Измаила. Целый месяц оставался Магомет в доме Оркама, где откровения его всё продолжались и куда собирались к нему сектанты из разных частей Аравии. Злоба курайшитов последовала за ним и в это убежище. Абу Джаль, араб этого

же племени, разыскал его, осыпал обидными словами, даже нанес личное оскорбление действием. Об этом оскорблении донесли Гамзе, дяде Магомета, по возвращении его с охоты в Мекку. Гамза не был приверженцем ислама, но он обещал покровительствовать племяннику. Держа слабо натянутый лук в своей руке, он вошел в собрание курайшитов, где Абу Джаль хвалился своим подвигом, и нанес хвастуну удар по голове, причинивший ему тяжелую рану. Толпа родственников Абу Джаля бросилась к нему на помощь, но хвастун, страшась могучей руки горячего Гамзы, старался его успокоить. «Оставьте его, – сказал он толпе, – я действительно очень грубо отнесся к его племяннику». Для смягчения своей вины он ссылаясь на вероотступничество Магомета, но это не могло успокоить Гамзу. «Хорошо! – вскричал он яростно и с презрением. – Я тоже не верю в ваших каменных богов; разве вы можете силой принудить меня к этому?» Гнев произвел в душе его переворот, который не мог совершиться под влиянием рассудка. Он тотчас же заявил о своем обращении, поклялся в верности пророку и стал одним из самых ревностных и доблестных поборников новой веры.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Омар ибн ал-Хаттаб, племянник Абу Джалия, собирается отомстить за своего дядю убийством Магомета. Его чудесное обращение. Магомет находит убежище в замке Абу Талиба. Абу Софиан во главе враждебного колена курайшитов преследует Магомета и его приверженцев. Добывается приказа о воспреещении сообщения с ним. Магомет покидает свое убежище, приобретает новых приверженцев в течение месяца, посвящаемого богомолью. Легенда об обращении Хабиба Мудрого.

Строгое наказание Гамзой Абу Джалия еще более усилило ненависть последнего к пророку. У него был племянник по имени Омар ибн ал-Хаттаб – двадцатилетний гигант, необычайной силы и неустрашимой отваги. Его дикий вид смущал даже самых смелых, а его посох внушал зрителям больше ужаса, чем меч иного человека. Так повествует арабский историк Абу Абдаллах-Мохаммед ибн Омаль-Алвакеди, и последующие подвиги этого воина доказывают, что слова эти едва ли преувеличены.

По наущению дяди Абу Джалия этот свирепый араб взялся проникнуть в убежище Магомета, который все еще жил в доме Оркама, и заколоть его кинжалом. Курайшиты обвиняются в том, что обещали ему за это кровавое дело сто верблюдов и тысячу унций золота, но это неправдоподобно: разгоряченный местью племянник Абу Джалия не нуждался в подкупе. Направляясь к дому Оркама, он встретил одного курайшита, которому сообщил о своем намерении. Этот последний был тайным приверженцем ислама и попытался отклонить его от исполнения этого кровавого намерения. «Прежде, чем убить Магомета и навлечь на себя месть его родственников, – сказал он, – ты посмотри,

свободна ли от ереси твоя собственная родня! » – «Разве и среди моих есть вероотступники?» – спросил удивленно Омар. – «Да, есть, – был ответ. – Это твоя сестра Амина и ее муж».

Омар быстро направился к жилищу сестры и, внезапно войдя к ним, застал ее вместе с мужем за чтением Корана. Тот пытался было спрятать книгу, но его смущение убедило Омара в правдивости обвинения и увеличило его ярость. В порыве исступления он повалил мужа сестры на пол, придавил ногою его грудь и собирался пронзить его мечом, но тут вмешалась его сестра. Нанесенный ей удар залил ее лицо кровью. «Недруг Аллаха, – проговорила, рыдая, Амина, – неужели ты нанес мне этот удар за мою веру в единого истинного Бога? Вопреки тебе и твоей ярости я сохраняю эту истинную веру. Да, – прибавила она с горячей набожностью, – нет Бога, кроме Бога, и Магомет Его пророк. Теперь, Омар, довершай свое дело!» Омар остановился, раскаялся в своей жестокости.

«Покажи мне писание», – сказал он. Амина, однако, не позволила ему дотронуться до священного свитка, пока он не омыл рук. Говорят, что он прочел из Корана двадцатую главу, начинающуюся таким образом:

«Во имя милосердного Бога! Мы не ради того ниспослали Коран, чтобы причинить несчастье человечеству; мы ниспослали его как наставление, чтобы научить людей верить в истинного Бога, Творца земли и необъятного неба.

Престол Милосердного в небесах; Ему принадлежит все и в небесной выси, и внизу, на земле, и все под землей.

Не громким ли голосом произносишь ты молитвы? Знай же, что в этом нет нужды, потому что Богу ведомы самые сокровенные тайники твоего сердца.

Воистину Я – Бог, и нет другого Бога, кроме Меня. Служи только Мне и никому другому. Не обращай с молитвой ни к кому, кроме Меня».

Слова Корана глубоко проникли в сердце Омара. Он читал дальше, и внимание его все больше росло; когда же он дошел до той части, где говорится о воскресении и Страшном суде, обращение его уже совершилось.

Он продолжал путь к дому Оркама, но уже совсем в другом настроении. Скромно постучавшись в дверь, он умолял впустить его.

«Войди, сын ал-Хаттаба! – воскликнул Магомет. – Зачем ты явился сюда?» – «Я пришел внести свое имя в список верующих в Бога и Его пророка». И с этими словами он прочитал мусульманский символ веры.

И не успокоился он до тех нор, пока весть об его обращении не разнеслась всюду. По его просьбе Магомет тотчас же отправился с ним в Каабу, чтобы публично совершить религиозные обряды ислама. Омар шел по левую, а Гамза – по правую руку пророка, чтобы охранять его от поношений и издевательств, а за ними следовало более сорока учеников. При дневном свете прошли они по улицам Мекки, вызвав этим удивление жителей, и сделали семикратный обход вокруг Каабы, прикасаясь при этом каждый раз к священному «черному камню» и выполняя другие соответствующие церемонии. С ужасом смотрели на эту процессию курайшиты, но не решались приблизиться к пророку и оскорбить его, уstraшенные взглядами таких смелых воинов, как Гамза и Омар, взглядами, сверкавшими, как у львицы, лишенной детеныша.

Отважный и решительный во всем, Омар на следующий же день, в качестве мусульманина, отправился один помолиться к Каабе, делая этим открытый вызов курайшам. С другим мусульманином, вошедшим в храм, поступили грубо и помешали ему молиться, но никто не тревожил Омара, потому что он был племянник Абу Джала. Тогда Омар отправился к дяде. «Мне не нужно твоего покровительства, – сказал он, – я не хочу быть в лучшем положении, чем мои единоверцы». С этих пор он связал свой жребий с последователями Магомета и стал одним из самых горячих их защитников.

Таково было чудесное обращение Омара, сделавшегося со временем знаменитейшим поборником ислама. Курайшиты были так ожесточены этим новым торжеством Магомета, что дядя его, Абу Талиб, опасался новых с их стороны

покушений на жизнь племянника путем вероломства или насилия. Настойчивые просьбы его заставили Магомета в сообществе с некоторыми из своих главных последователей удалиться в укрепленный замок, принадлежавший Абу Талибу и находившийся недалеко от города.

Такое покровительство Магомету и его последователям со стороны Абу Талиба, главы хашимитов, и других его родичей, хотя и исповедовавших другую веру, навлекло на них злобу соперничающей с ними линии курайшитов и произвело раскол племени. Абу Софиан, их глава, воспользовался якобы ересью пророка, чтобы обесславить не только родичей, принявших его веру, но и весь род хашимитов, который, не разделяя его взглядов, по чувству родства покровительствовал Магомету. Очевидно, что враждебность Абу Софиана происходила не столько из-за личной неприязни или религиозного рвения, сколько вследствие родового несогласия. Он из честолюбия домогался, чтобы выдающееся положение, издавна занимаемое хашимитами в городе, перешло в его род. Последним поступком добросердечного Абу Талиба, поместившего Магомета в условия, ограждавшие его от преследования и дававшие ему приют в замке, воспользовались Абу Софиан и его последователи как предлогом, чтобы лишить весь враждебный род известных прав. Поэтому они издали постановление, которым запрещалось всему племени курайшитов вступать в брак и поддерживать какие бы то ни было, даже торговые, отношения с хашимитами, пока они не выдадут родственника своего, Магомета, для наказания его. Повеление это, появившееся на седьмом году так называемой миссии пророка, было написано на пергаменте и вывешено в Каабе. Это поставило Магомета и его учеников в крайне затруднительное положение: им приходилось порой почти голодать в укрепленном замке, служившем им убежищем. Притом курайшиты время от времени осаждали замок, чтобы дать им почувствовать всю силу опалы и воспрепятствовать доставлению необходимых припасов. Однако ежегодное время богомолья, когда со всех концов Аравии богомольцы отправлялись в

Мекку, приносило временное облегчение преследуемым мусульманам. В продолжение этого священного периода, по закону и по стародавнему обычаю, существовавшему у арабов, все распри прекращались, враждующие племена заключали перемирие с целью спокойно отправиться в Каабу. В это время и Магомет со своими учениками отваживался покидать свою крепость и возвращаться в Мекку. Пользуясь таким образом привилегией священного месяца, Магомет вливался в толпу богомольцев, проповедовал им и молился, провозглашая свои откровения и свое учение. Таким путем он приобретал многих последователей, которые, возвращаясь домой, заносили в отдаленные области семена новой веры. Среди этих обращенных встречались иногда и князья или главы племен, пример которых имел влияние и на подчиненных. Арабские легенды передают очень вычурный и нелепый рассказ об обращении одного из таких князей, и так как в нем идет речь о некоторых наиболее известных чудесах, приписываемых Магомету, то не лишне будет привести его в кратком виде.

Князя, о котором идет речь, хвали Хабиб ибн Малек, за свои обширные знания и ученость он получил прозвание Мудрого. Ему приписывают основательное знакомство с магией и другими науками, равно как и со всеми религиями, так как он перечитал все, что было о них написано; он приобрел даже и практические о них сведения, потому что поочередно принадлежал к каждой из них: был иудеем, христианином и волхвом. Правда, у него для этого было больше времени, чем у обыкновенных людей, потому что, по арабским легендам, он дожил до ста сорока лет. Теперь он явился в Мекку во главе сильной двадцатитысячной рати и привез с собой молодую дочь Сатиху, родившуюся, вероятно, тогда, когда он уже был в зрелом возрасте. За нее он возносил теперь молитвы в Каабе, потому что она была глухонемая, слепая и страдала от паралича всех членов.

Легенда повествует, что Абу Софиан и Абу Джаль думали, что присутствие такого могущественного идолопоклонника в лице мудрого старого князя, стоящего во главе

сильного войска, будет способствовать гибели Магомета. Поэтому они донесли Хабибу Мудрому о ереси так называемого пророка и убедили высокочтимого князя вызвать Магомета к себе в Долину кремней для защиты своего учения, надеясь, что его настойчивость в заблуждении навлечет на него изгнание, а может быть, и смерть.

Легенда передает прекрасный рассказ о том, как идолопоклонники-курайшиты, в великолепных нарядах, пешие и конные, под предводительством Абу Софиана и Абу Джаля направились в Долину кремней, чтобы присутствовать при великом испытании. Хабиб Мудрый с восторгом принял их, сидя под кармазинным (из тонкого красного сукна) навесом на троне из черного дерева с золотыми бляшками, украшенном слоновой костью и сандаловым деревом.

Магомет был в доме Хадиджи, когда его вызвали на это страшное судилище. Жена громко выражала свой ужас, а дочери Магомета обнимали его со слезами и воплями, думая, что он отправляется на верную смерть, но он ласково пожурил их за страх и опасение и просил ввериться милосердию Аллаха.

В противоположность хвастливой пышности своих врагов Абу Софиана и Абу Джаля, он приблизился к месту испытания в простой белой одежде, в черной чалме и в плаще из аденской материи, принадлежавшем деду его, Абд аль-Мутталибу. Волосы его развевались по плечам, лицо озарялось таинственным светом пророчества, и несмотря на то, что он не умащал своей бороды и не пользовался никакими благовониями, исключая небольшого количества мускуса и камфоры для своих усов, тем не менее благоухание разливалось всюду, где он проходил, и исходило оно, по словам арабских писателей, от него.

Ему предшествовал ревностный Абу Бакр, на котором были красный камзол, белая чалма и короткий плащ, а из-под него виднелись его ярко-красные туфли.

Безмолвное благоговение, продолжает повествовать легенда, воцарилось среди многолюдного собрания при приближении пророка. Ни шепота, ни шороха не было слышно.

Бессмысленные животные и те притихли, как будто очарованные: не раздавалось ни ржания лошади, ни рева верблюда, ни крика осла.

Высокохотимый Хабиб встретил Магомета любезно и тотчас же приступил к делу. Первый вопрос его был:

– Говорят, что ты считаешь себя за пророка, посланного Богом? Правда ли это?

– Правда, – отвечал Магомет. – Аллах послал меня возвестить истинную веру.

– Хорошо, – возразил сдержанно мудрец, – но каждый пророк доказывал свое посланничество знамениями и чудесами: Ной – радугой, Соломон – таинственным кольцом, Авраам – огнем в горниле, который по его повелению делался холодным, Исаак – агнцем, принесенным взамен его в жертву Богу, Моисей – чудесным жезлом, а Иисус – воскрешением мертвых и укрощением бури одним словом Своим. Поэтому если ты действительно пророк, то сотвори в доказательство этого чудо.

Последователи Магомета дрожали за него, услышав такое требование, а Абу Джаль всплеснул руками и принялся восхвалять Хабиба за его мудрость; но пророк резко остановил его: «Замолчи, собачий сын! – воскликнул он. – Ты позоришь свою родню и свое племя». Затем он спокойно приступил к исполнению желаний Хабиба.

Первое потребованное чудо состояло в том, что Магомет должен был угадать, что находится в палатке Хабиба и с какой целью оно привезено им в Мекку.

При этом, повествует легенда, Магомет наклонился и начал что-то чертить на песке, потом поднял голову и отвечал: «О Хабиб! Ты привез сюда глухонемую, слепую, убогую дочь твою Сатиху, надеясь, что небеса дадут ей исцеление. Иди в палатку, поговори с ней, выслушай ее ответ и познай всемогущество Бога».

Старый князь поспешно направился к своей палатке, а навстречу ему, легко ступая и протягивая руки, вышла дочь его, совершенно здоровая. Глаза ее сияли радостью, лицо освещалось улыбкой; она казалась очаровательнее луны в безоблачную ночь.

Второе чудо, потребованное Хабибом, было еще труднее: Магомет должен был покрыть полуденное небо сверхъестественной мглой и повелеть луне опуститься и остановиться над вершиной Каабы.

И это чудо было совершено пророком так же легко, как и первое. По его повелению яркий дневной свет сменился мглой, луна, отклонившись от своего пути, начала блуждать по небу. Движимая непреодолимой силой пророка, она опустилась и остановилась над Каабой. После этого она, подобно богомольцам, семь раз обошла вокруг нее и стала над Магометом, мерцая и колеблясь, подобно сверкающему мечу, воздавая ему мирную дань приветов как славному пророку.

Не довольствуясь этим чудом, говорит далее легенда, Магомет заставил послушное светило войти в правый рукав своего плаща и выйти через левый, потом разделить на две части, из которых одна направилась к востоку, а другая – к западу, а затем, соединившись в центре неба, снова засиять чудным ярким шаром. Излишне упоминать, что Хабиб Мудрый был убежден и обращен этими чудесами так же, как и четыреста семьдесят жителей Мекки. Абу Джаль, однако, еще более ожесточился в неверии и воскликнул, что все это – обман и колдовство, произведенное волшебной силой Магомета.

Примечание. Чудеса, рассказанные здесь, приводятся на страницах книги историка Абульфеды и не подтверждаются другими более серьезными мусульманскими писателями, но они существуют в предании и передаются со многими подробностями авторами апокрифов, настойчиво утверждающими, что о них упоминается в пятьдесят четвертой главе Корана. Они так же неправдоподобны, как и другие чудеса, приписываемые Магомету. Следует помнить, что он приписывал себе только одно чудо – Коран.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Повеление, запрещающее людям отношения с пророком, таинственно уничтожается, что дает возможность Магомету вернуться в Мекку. Смерть Абу Талиба и Хадиджи. Помолвка Магомета с Аишей. Женидьба на Савде. Курайшиты возобновляют преследование. Магомет ищет убежища в Таифе. Его изгнание оттуда. Дух является ему в Наклахской пустыне.

Прошло три года с тех пор, как Магомет поселился с учениками своими в замке Абу Талиба. Повеление, запрещавшее им всякие отношения с остальным племенем, все еще существовало в Каабе. Секта, по обыкновению, увеличивалась от преследований; многие присоединились к ней в Мекке. Поднялся ропот против неестественного междоусобия, возникшего среди курайшитов, и Абу Софиану приходилось стыдиться крайности, до которой он довел свою вражду к некоторым из своих родственников.

Но вдруг оказалось, что пергамент в Каабе, на котором было написано повеление, уничтожился и от всего текста остались только заглавные слова: «Во имя Твое, о Всемогущий Бог!» Повеление поэтому было признано отмененным, и Магомету с его последователями позволено было спокойно вернуться в Мекку. Религиозные мусульмане видели в этом таинственном уничтожении новое чудо, совершённое сверхъестественным вмешательством в пользу Магомета, между тем как неверующие догадывались, что документ этот, стеснительный по своим последствиям для самого Абу Софиана, был тайно уничтожен рукою человеческой.

По возвращении Магомета и его учеников в Мекку последовало много значительных обращений как среди городских жителей, так и среди пилигримов, приходивших издалека.

Огорчение, которое испытывали курайшиты вследствие распространения этой новой секты, немного улеглось при вести о победах персов над греками и завоевании персами Сирии и части Египта. Идолопоклонники-курайшиты радовались поражению христиан-греков, веру которых, противоположную идолопоклонству, они уподобляли учению, проповедуемому Магометом. Пророк на их оскорбления и ликования отвечал тридцатой главой Корана, которая началась следующими словами: «Греки потерпели поражение от персов, но через несколько лет они победят последних».

Фанатик Абу Бакр бился об заклад на десять верблюдов, что предсказание это исполнится через три года. «Увеличь заклад, но продли срок», – прошептал Магомет. Абу Бакр поставил сто верблюдов и назначил девятилетний срок. Предсказание исполнилось, и пари было выиграно. Анекдот этот приводится мусульманскими учеными как несомненный факт в доказательство того, что Коран – небесного происхождения и что Магомет обладал даром пророчества. Но если факт этот и верен вообще, то в нем видно только несомненно искусное понимание будущего, основанное на знании положения воюющих государств.

Вскоре после своего возвращения в Мекку Магомет был приглашен к умирающему своему дяде Абу Талибу, прожившему более восьмидесяти лет и пользовавшемуся уважением благодаря своему характеру. Когда час смерти уже приближался, Магомет начал уговаривать дядю прочесть символ веры, чтобы, по исламу, обеспечить себе блаженное воскресение.

Искра сознания земного своего достоинства еще тлела в груди умирающего патриарха. «О сын брата моего, – отвечал он, – если бы я прочел эти слова, курайшиты сказали бы, что я сделал это, убоявшись смерти».

Историк Абульфеда утверждает, что Абу Талиб умер верующим. Ал-Аббас, повествует он, наклонился над изголовьем своего отходящего брата и, заметив движение его губ, приблизил ухо, чтобы уловить последние слова умирающего. Он услышал желанный символ веры. Другие утверждают, что последние слова его были: «Я умираю в вере Абд аль-Мутталиба». Комментаторы старались примирить

эти два рассказа, утверждая, что Абд аль-Мутталиб перед кончиной своей отрекся от идолопоклонства и уверовал в Единого Бога.

Едва миновало три дня после смерти высокочтимого Абу Талиба, как Хадиджа, верная и преданная жена Магомета, также была похищена могилой. Ей было шестьдесят пять лет. Магомет горько плакал у ее гроба и облекся в траур в память о ней и Абу Талибе, так что год этот назван был годом скорби. Утешением в печали, рассказывает арабский историк Абу Хорейра, послужило Магомету то, что ему явился архангел Гавриил и возвестил, что Хадидже дан в раю серебряный дворец в награду за ее великую веру и услуги, оказанные делу ислама.

Хотя Хадиджа была гораздо старше Магомета и, выходя замуж, уже пережила пору цветущей молодости, когда восточная женщина только и бывает пленительна, и хотя пророк одарен был страстным темпераментом, он все-таки, говорят, оставался верен ей до конца и никогда не пользовался арабским законом, дозволявшим многоженство, избегая вводить в ее дом соперницу. Когда же она сошла в могилу и первый порыв скорби миновал, Магомет искал утешения в новом браке и с тех пор разрешил себе многоженство. Закон его позволял каждому из последователей иметь четыре жены, но себя он не ограничивал этим числом, потому что, по его мнению, пророк, одаренный особенными преимуществами, не обязан подчиняться законам, созданным для простых смертных.

Его первый выбор через месяц после смерти Хадиджи пал на дочь верного его последователя Абу Бакра, на очаровательную девочку Аишу. Может быть, он желал этой связью еще больше привлечь на свою сторону Абу Бакра, самого храброго и известного человека из числа всех его соплеменников. Аише было, однако, всего только семь лет, и хотя женщины рано развиваются в жарком климате, все же она была еще слишком молода для брачной жизни. Поэтому они были только помолвлены, свадьба же была отложена на два года, в течение которых он заботился, чтобы

она получила образование и воспитание, приличное для арабской девушки высокого звания.

К этой жене, избранной им в самом расцвете ее юности, он чувствовал более страстную любовь, чем ко всем последующим. Другим брачная жизнь была известна раньше, по опыту, одна только Аиша, говорил он, пришла к нему чистой и непорочной девственницей.

Но пророк не мог оставаться без необходимого утешения, пока Аиша подрастала, и потому взял себе в жены Савду, вдову одного из своих последователей, Сокрана. Она была кормилицей его дочери Фатимы и из числа правоверных, бежавших в Абиссинию от более ранних преследований со стороны жителей Мекки. Утверждают, что, будучи в изгнании, она получила таинственное откровение о чести, ожидавшей ее в будущем. Ей приснилось, что Магомет склонил к ней на грудь свою голову. Она рассказала сон мужу своему, Сокрану, который объяснил это как предсказание о скорой его смерти и о ее браке с пророком.

Были ли предсказан брак или нет, но он заключен был ради простого удобства. Магомет никогда не любил Савду той любовью, которую он выказывал другим своим женам. Впоследствии он хотел окончательно развестись с ней, но она упросила его оставить за ней только звание его жены, предлагая передавать Аише свое право на брачное ложе, когда очередь будет доходить до нее. Магомет согласился на это предложение, благоприятное для его любовных сношений с Аишей, и Савда продолжала быть номинальной его женой в течение всей своей жизни.

Вскоре Магомету стала чувствительна потеря, понесенная им со смертью Абу Талиба, бывшего по отношению к нему не только любящим родственником, но и надежным и могущественным покровителем благодаря своему влиянию на жителей Мекки. После его смерти некому было противодействовать и обуздывать неприязнь Абу Софиана и Абу Джаля, которые вскоре возбудили такой дух преследования в курайшитах, что Магомет счел дальнейшее пребывание на родине опасным для себя. Вследствие этого он отправился со своим вольноотпущенником Зайдом искать убе-

жища в Таифе – в небольшом городке, обнесённом стеной и находившемся в семидесяти милях от Мекки; город этот населен был такифитами, или арабами из племени такиф, и представлял один из самых отрадных уголков Аравии, находясь среди виноградников и садов. Здесь росли персики и сливы, дыни и гранаты, синие и зеленые смоковницы, лотосы и пальмы с кистями зелено-золотистых плодов. Свежие зеленые луга и плодородные поля представляли такую резкую противоположность с бесплодием соседних пустынь, что арабы сочинили басню, будто местечко это составляло раньше часть Сирии, оторванную и занесенную сюда во время потопа.

Магомет вошел в таифские ворота, до известной степени полагаясь на покровительство влиятельного дяди своего ал-Аббаса, имевшего здесь свои владения. Но это было худшее место для его убежища, потому что идолопоклонство властно царило в Таифе. Здесь поддерживалось во всей своей силе поклонение ал-Лат, одному из женских идолов. Каменное изображение ее было усыпано жемчугом и драгоценными камнями, принесенными в дар ее поклонниками, веровавшими, что она – живое существо, и ее, как дочь Бога, молили о заступничестве перед Ним.

Магомет пробыл в Таифе около месяца, безуспешно стараясь приобрести последователей из среды жителей. При его попытках проповедовать свое учение голос его заглушался шумом и криками. Не раз получал он раны камнями, бросаемыми в него, которые верный Зайд тщетно старался отразить. Наконец народ в своей ярости дошел до того, что изгнал его из города, за стенами которого толпа рабов и детей еще долго преследовала его ругательствами.

Изгнанный бесчестно из Таифа, который он считал надежным приютом, и не решаясь открыто вернуться в родной город, Магомет оставался в пустыне до тех пор, пока Зайд не нашел ему тайного приюта у друзей своих в Мекке.

Доведенный до такого положения, Магомет имел одно из тех видений или сверхъестественных посещений, которые, по-видимому, представлялись ему всегда в минуты духовного волнения или когда он находился в уединении и

когда, как можно предположить, бывал в состоянии крайнего умственного возбуждения. По его словам, это произошло после вечерней молитвы в пустынном месте долины Наклах, между Меккой и Таифом. Он читал Коран, слова которого долетели до слуха находившейся вблизи толпы джиннов. Эти духи, одни добрые, другие злые, подлежат, подобно человеку, наградам и наказаниям в будущем. «Слушайте! Слушайте!» – говорили джинны друг другу. Они остановились и внимали чтению Магомета. «Истинно, – сказали они наконец. – Мы слышали дивное поучение, ведущее к истинному пути; отныне мы верим этому».

Это духовное видение несколько примирило Магомета с его изгнанием из Таифа, показав ему, что хотя он и учение его и отвергаются людьми, но зато духи относятся к нему с благоговением. По крайней мере, такое заключение мы можем вывести из упоминаний об этом в сорок шестой и семьдесят второй главах Корана. После этого он провозгласил, что послан для обращения в истинную веру и джиннов наравне с человеческим родом.

Примечание. Вера в джиннов господствовала на Востоке гораздо раньше появления Магомета. Предполагали, что они посещают уединенные места, в особенности с наступлением ночи, – суеверие, свойственное нравам и понятиям народов, живущих в уединенных и пустынных странах. Арабы предполагают, что в каждой долине, на каждом пустыре имеется собственное племя джиннов, подчиненных одному высшему духу. Джинны эти скитаются по ночам, чтобы тревожить богомольцев и путешественников. Вследствие этого, вступая поздно вечером в какую-нибудь уединенную долину, они имели обыкновение умолять главного духа или властелина местности защитить их от злых джиннов, находящихся под его властью. Столбы пыли, поднимаемые быстро мчащимся вихрем и проносящиеся по пустыне, арабы приписывали джиннам и духам-исполинам.

Змеи, проникающие иногда в дома, также считались часто джиннами – верными или неверными. Магомет предупреждает своих последователей, что не надо поспешно

убивать домашнюю змею. «Уговаривай ее удалиться, а если она не послушается, то убей ее, потому что непослушание ее служит доказательством, что она или простое пресмыкающееся, или неверный джинн».

Рассказывают, что в давние времена джинны имели доступ на небо, но были изгнаны оттуда за их склонность вмешиваться в чужие дела. По-прежнему они, оставаясь существами любопытными и пытливыми, стараются взобраться на звезды, чтобы заглянуть оттуда потихоньку на небо и увидеть и услышать, что там делается. Но ангелы гонят их оттуда пламенными мечами; магометане полагают, что метеорами, называемыми падающими звездами, ангелы бросают в этих назойливых джиннов.

Другие легенды утверждают, что земля была первоначально населена джиннами, но они восстали против Всевышнего, незаконно завладели господством над землею и пользовались им в течение двух тысяч лет. Наконец, против них был послан Азазил, или Люцифер, который победил их, разбив их могущественного короля Гигана-бен-Гигана, творца пирамид, магический щит которого, обладающий волшебной силой, достался впоследствии царю Соломону Премудрому и дал ему власть над чарами и колдовством магов и злых джиннов. Возмутившиеся духи, побежденные и униженные, были загнаны на темный край света. Тут-то Бог сотворил человека, одарив его менее опасными свойствами и способностями и предоставив ему для обитания весь земной шар.

Ангелы, по понятию мусульман, сотворены из ярких драгоценных камней, джинны — из огня без дыма, а Адам — из глины.

Магомет, в семьдесят второй главе Корана говоря о появлении духов в пустыне Наклах, передает следующий откровенный рассказ их о самих себе:

«Некогда мы старались подсмотреть, как ведутся дела на небе, но оказалось, что оно охраняется ангелами с огненными мечами; и мы присаживались там на некоторых местах, чтобы подслушать разговоры их обитателей; если же кто подсматривает теперь, то находит пламя, приготовленное для охраны небесных пределов. Некоторые из нас — мусульмане, но есть и совратившиеся с истинного пути.

Принявшие ислам избрали истинный путь; уклонившиеся же от него станут растопкой для геенны огненной».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ночное путешествие пророка из Мекки в Иерусалим и оттуда – на седьмое небо.

Когда найден был приют для Магомета в доме Мутема ибн Ади, одного из его последователей, пророк отважился вернуться в Мекку. За сверхъестественным появлением духов в долине Наклах вскоре последовало еще более необычайное видение или откровение, ставшее с тех пор темой для различных толков и догадок среди набожных мусульман. Речь идет о знаменитом ночном путешествии Магомета в Иерусалим, а оттуда – на седьмое небо. Подробности этого путешествия относятся к области преданий, хотя и передаваемых будто бы подлинными словами самого Магомета; впрочем, некоторые приводят в подтверждение их различные тексты, рассеянные по Корану.

Мы не имеем желания представить это откровение или видение во всей его полноте и даже нелепости, но постараемся осветить самые существенные его черты.

Ночь, в которую это произошло, описывают как самую темную, самую безмолвную, какую когда-либо приходилось видеть. Не было слышно ни пения петухов, ни лая собак, ни рева диких зверей, ни крика сов. Воды перестали журчать, умолк свист ветра, вся природа казалась неподвижной, мертвой. В полночь громкий голос разбудил Магомета: «Проснись, спящий!» Архангел Гавриил стоял перед ним. Чело его было ясно и безмятежно, цвет лица не уступал в белизне снегу, волосы развевались по плечам, крылья ослепляли своим блеском, а расшитая золотом одежда была усеяна жемчугом.

Он привел Магомету чудного по форме и по качествам белого коня, какого пророку никогда еще не приходилось видеть; и действительно, он отличался от всех животных,

кем-либо описанных раньше. Лицо у него было человеческое, но щеки – лошадиные; глаза подобны гиацинтам и блестили, как звезды. Его орлиные крылья сияли светлыми лучами, и все туловище сверкало алмазами и драгоценными камнями. Это была кобыла, за свою лучезарную красоту и невероятную быстроту названная ал-Бурак, или молния.

Магомет собрался было вскочить на этого необыкновенного коня, но лишь только он протянул руку, как лошадь отпрянула и встала на дыбы.

– Смирно, ал-Бурак! – сказал Гавриил. – Уважай пророка, посланного Богом. Ни один еще смертный, ездивший на тебе, не был так прославлен Аллахом.

– О Гавриил! – отвечала ал-Бурак, чудодейственно получившая в это время дар слова. – Разве Авраам, друг Бога, не ездил на мне в старину к сыну своему Измаилу? О Гавриил! Или, может быть, этот человек есть посредник, заступник и создатель правил веры?

– Верно, ал-Бурак, это – Магомет ибн Абдаллах, истинно верующий сын одного из племен Счастливой Аравии. Он – глава сынов Адамовых, величайший из божественных посланников, последний из пророков. Ни одно существо без его ходатайства не может войти в рай. Направо от него – небо, которое будет наградой для верующих в него; налево – геенна огненная, в которую будут ввергнуты все не признавшие его учения.

– О Гавриил! – упрашивала ал-Бурак. – Во имя веры, связующей тебя и его, действуй на пророка, чтобы он оказал мне заступничество в день всеобщего воскресения.

– Будь уверена, ал-Бурак! – воскликнул Магомет. – По моему ходатайству ты войдешь в рай.

Как только он произнес эти слова, лошадь приблизилась к нему и опустилась, чтобы дать ему возможность сесть в седло; потом она поднялась с Магометом и вознеслась далеко выше гор Мекки.

Когда они летели, подобно молнии, между небом и землей, Гавриил крикнул:

– Остановись, о Магомет! Сойди на землю и помолись, сделав два поклона!

Спустившись на землю и помолившись, Магомет сказал:

– О возлюбленный друг души моей! Почему ты повелел мне молиться на этом месте?

– Потому что это – гора Синай, на которой Моисей общался с Богом.

Вознесшись на воздух, они снова быстро понеслись между небом и землей, но Гавриил крикнул вторично:

– Остановись, Магомет! Спустись и помолись, сотворив два поклона.

Они спустились на землю. Магомет помолился и опять спросил:

– Почему ты повелел мне молиться на этом месте?

– Потому что это – Вифлеем, в котором родился Иисус, сын Марии.

Они возобновили свой воздушный полет, но вскоре справа от них раздался громкий голос:

– О Магомет! Остановись на минуту. Мне нужно поговорить с тобой; я больше всех созданных существ предан тебе.

Но ал-Бурак спешила вперед, и Магомет воздержался от остановки, потому что почувствовал, что не от него зависит остановить полет, но от всемогущего и всеславного Бога.

Тут снова послышался другой голос, произнесший те же самые слова, прося Магомета остановиться; но ал-Бурак, как и раньше, спешила вперед, и Магомет не останавливался. Тогда предстала перед ним девушка ослепительной красоты, украшенная всеми богатствами и всею роскошью земли. Она манила его привлекательными улыбками: «Остановись на минуту, о Магомет, позволь мне поговорить с тобой. Я – существо, наиболее преданное тебе». Но лошадь неслась дальше, и Магомет не остановился, сообразив, что не от него зависит остановить свой полет, но от всеславного и всемогущего Бога.

Однако он обратился к Гавриилу:

– Чьи голоса слышал я, – спросил он, – и что за девушка манила меня к себе?

– Первый голос, о Магомет, был голос еврея. Если бы ты послушался его, то весь народ твой склонился бы на сторону иудейства. Второй голос был христианина. Если бы ты послушал его, весь твой народ склонился бы на сторону христианства. Девушка, явившаяся тебе, – это мир с его богатствами, тщеславием и обольщениями. Если бы ты выслушал ее, твой народ охотнее выбрал бы удовольствия этой жизни, чем вечное блаженство, и был бы весь осужден на вечную погибель.

Продолжая свое воздушное путешествие, они достигли ворот святого храма Иерусалимского, где Магомет слез с коня и привязал его к кольцу, к которому и раньше привязывали его пророки. Потом он вошел в храм и нашел в нем Авраама, Моисея, Иисуса и многих других пророков.

Помолившись некоторое время вместе с ними, он увидел, что с неба спускается лестница, облитая сиянием, нижний конец которой упирался в Шакру, или в основной камень святого храма. Поддерживаемый Гавриилом, Магомет с быстротою молнии стал подниматься по лестнице.

Прибыв на первое небо, Гавриил постучал в ворота. «Кто там?» – спросили изнутри. «Гавриил». – «Кто с тобой?» – «Магомет». – «Принял ли он свою миссию?» – «Принял». – «В таком случае да будет он желанным гостем!» И ворота перед ними открылись.

Первое небо было из чистого серебра, и с лучезарного свода его спускались звезды на золотых цепях. На каждой звезде стоял настороже ангел, чтобы воспрепятствовать демонам взбираться на священные выси. При входе Магомета к нему приблизился старик, и Гавриил сказал: «Этот твой отец Адам; воздай ему должное приветствие». Магомет исполнил требуемое, и Адам обнял его, назвав величайшим из сынов своих и первым между пророками.

На этом небе было бесчисленное множество разного рода животных; по словам Гавриила, это были ангелы, облеченные в эту форму, чтоб ходатайствовать перед Аллахом за различные земные породы животных. Среди них был громадный, ослепительной белизны петух, гребень

которого касался второго неба, до которого дойти можно было лишь за пятьсот лет. Эта чудная птица своим чудным пением каждое утро приветствовала Аллаха. Все существа, живущие на земле, исключая человека, пробуждаются ее голосом, а птицы ее породы поют аллилуйя, подражая ей*.

Затем они поднялись на второе небо. Гавриил, как и раньше, постучался в ворота; ему были заданы те же вопросы, и последовали те же ответы, после чего дверь открылась и они вошли.

Все это небо было из полированной стали и блестело ярким светом. Здесь они нашли Ноя, который, обняв Магомета, приветствовал его как величайшего меж пророками.

Прибыв на третье небо, они вошли в ворота с теми же церемониями; небо все было украшено драгоценными камнями, слишком блестящими для глаз смертного. Здесь восседал ангел громадного роста; расстояние между глазами его равнялось семидесяти тысячам дней пути. Под его властью находилось сто тысяч батальонов вооруженных людей.

* По словам мусульманских ученых, Бог слушает всегда благосклонно три голоса: голос человека, читающего Коран; голос того, кто молится о прощении, и голос этого петуха, поющего во славу Всевышнего. Когда приблизится последний день, прибавляют они, Аллах прикажет этой птице сложить свои крылья и перестать петь. Тогда и все земные петухи перестанут петь, и их молчание будет признаком того, что великий Судный день приближается.

Уважаемый доктор Г. Придо, декан из Норвича, в своей «Жизни Магомета» обвиняет пророка в том, что он заимствовал этого удивительного петуха из Бава Варта Вавилонского Талмуда, где, говорил он, также имеется рассказ о подобной же чудесной птице Зиз, которая, стоя ногами на земле, головой доставала небо и распушенные крылья которой могли причинять полное затмение, заслонив собою солнце. Птица эта, по словам халдейского толкователя псалмов, есть, петух, поющий перед лицом Господа. И халдейский толкователь Иова рассказывает нам, что петух этот каждое утро поет перед лицом Господа и что благодаря этому Господь даровал ему премудрость.

Перед ним лежала большая книга; он постоянно или что-нибудь вписывал в нее или вычеркивал из нее. «Это, о Магомет, – сказал Гавриил, – Азраил, ангел смерти, исполняющий волю Аллаха. В книгу, находящуюся перед ним, он постоянно вписывает имена тех, кто должен родиться, и вычеркивает из нее имена проживших свое определенное время и умирающих в данный момент».

Затем они вознеслись на четвертое небо из самого чистого серебра. Среди обитающих на нем ангелов был один, рост которого равнялся пятистам дням ходьбы. Выражение лица его было грустное, и потоки слез струились из его глаз. «Это, – сказал Гавриил, – ангел слез, назначенный оплакивать грехи сынов человеческих и предсказывать горести, которые им предстоят».

Пятое небо было из прекрасного золота. Здесь встретил его Аарон, обнимая и приветствуя. На этом небе восседал ангел мести и управлял огненной стихией. Из всех ангелов, которых пришлось видеть Магомету, этот был самый безобразный и самый страшный. Лицо его, покрытое шишками и бородавками, казалось медным, глаза же метали молнии. Он сжимал в руке огненное копье и сидел на троне, объятом пламенем, имея перед собою груды цепей, раскаленных докрасна. Если бы он мог спуститься на землю в своем настоящем виде, то горы разрушились бы от ужаса. Ему и другим ангелам, его помощникам, поручено выполнение божественной мести над неверными и грешниками.

Покинув это ужасное место, они поднялись на шестое небо, состоящее из прозрачного камня хазала, или красной венисы. Здесь находился громадный ангел – наполовину из настоящего снега, а наполовину из неугасимого огня. Кругом него находился хор младших ангелов, неустанно восклицавших: «О Аллах, соединивший снег с огнем, соедини всех преданных слуг Твоих в повиновении Твоему закону!»

«Этот ангел, – сказал Гавриил, – охраняет небо и землю. Он посылает ангелов к людям твоего народа, чтобы склонить их к признанию твоей миссии и призвать их на служе-

ние Богу; и он будет продолжать свое дело до дня воскресения из мертвых».

Тут был пророк Муса (Моисей), который, вместо того чтобы подобно другим пророкам радостно приветствовать Магомета, заплакал при виде его.

– О чем плачешь ты? – спросил его Магомет.

– Я плачу потому, что вижу преемника, которому предназначено ввести в рай больше людей из своего народа, чем я мог раньше сделать относительно отпавших от веры сынов Израиля.

Поднявшись отсюда на седьмое небо, Магомет был встречен праотцом Авраамом. Это блаженное жилище было полно такого божественного света и сияния, что язык человеческий не в силах описать их. Один из этих небесных жителей даст достаточное понятие и об остальных. Он был больше всей земли и имел семьдесят тысяч голов; каждая голова имела семьдесят тысяч ртов; каждый рот – семьдесят тысяч языков; каждый язык выражался на семидесяти тысячах наречиях, и все они безостановочно пели хвалу Всевышнему.

В то время как Магомет рассматривал это чудное существо, он был внезапно перенесен на лotosовое дерево, называемое седрат и цветущее с правой стороны невидимого престола Аллаха. Ветви этого дерева раскидываются шире пространства между солнцем и землей. Ангелы, более многочисленные, чем песчинки на берегу моря или в руслах потоков и рек, веселятся под сенью его. Листья его подобны ушам слона; тысячи бессмертных птичек порхают на его ветвях, повторяя великие стихи Корана. Плоды его приятнее молока и слаще меда, и одного из них достаточно, чтоб прокормить все Божьи создания. Каждое семя его заключает в себе гурию, или небесную девственницу, предназначенную для блаженства истинно верующих. У дерева этого берут начало четыре реки: две из них протекают в сам рай, а две текут вне его и носят название Нила и Евфрата.

Теперь Магомет и его небесный путеводитель отправились в ал-Мамур, или в дом поклонения, устроенный из

красных гиацинтов и рубинов и окруженный бесчисленным количеством неугасимых лампад. Когда Магомет вступил в главный вход, ему были предложены три сосуда: в одном из них было вино, в другом – молоко, в третьем – мед. Он выпил из сосуда с молоком.

«Ты поступил хорошо; твой выбор правилен! – воскликнул Гавриил. – Испей ты вино, и весь народ твой сбился бы с истинного пути!»

Священный дом имеет сходство с Каабой в Мекке и находится прямо над ней, но на седьмом небе. Семьдесят тысяч ангелов высших чинов являются в него ежедневно. Как раз в это время они совершали священный обход, и Магомет вместе с ними обошел семь раз вокруг него.

Гавриилу нельзя было идти дальше. Быстрее, чем мысль, пролетал теперь Магомет необъятные пространства, миновав две области яркого света и одну область глубочайшего мрака. Выйдя из этого абсолютного мрака, он проникся благоговением и страхом, почувствовав себя в присутствии Аллаха, на расстоянии двойного полета от его престола. Божественный лик был закрыт двадцатью тысячами покрывал, потому что человек при взгляде на его славу сгорел бы. Аллах протянул руки и возложил одну на грудь, а другую на плечо Магомета, который почувствовал, как леденящий озноб охватил его от сердца до мозга костей. Это ощущение сменилось чувством восторженного блаженства, а вокруг него разливались свежесть и благоухание. Понять это могут только находившиеся в присутствии Бога.

Тут Магомет получил от Самого Бога многие поучения, находящиеся в Коране, и пятьдесят молитв, которые были предписаны как ежедневная обязанность для всех истинно верующих.

Когда он удалился от престола Бога и встретился опять с Моисеем, последний спросил о велении Аллаха.

– Аллах повелел мне совершать ежедневно пятьдесят молитв, – отвечал Магомет.

– И ты думаешь выполнить это веление? Я пытался еще раньше тебя приучить к тому же сынов Израиля, но тщетно; вернись лучше и проси убавки.

Магомет согласился вернуться, и первоначальное число молитв уменьшено было на десять. Когда же сказал об этом своем успехе Моисею, тот привел те же возражения и относительно сорока ежедневных молитв. По его совету, Магомет возвращался несколько раз, пока число молитв не было сокращено до пяти.

Но Моисей продолжал возражать:

– Неужели ты думаешь требовать от твоего народа, чтобы он молился пять раз в день? Клянусь Аллахом! Я пытался с сынами Израиля, но подобное требование невыполнимо; вернись и проси еще большего облегчения.

– Нет, – возразил Магомет, – я уже так много просил о снисхождении, что мне совестно.

С этими словами он распрощался с Моисеем и удалился. По лучезарной лестнице спустился Магомет к храму Иерусалимскому, где нашел привязанную ал-Бурак в том же виде, как он ее оставил. Сев на нее верхом, он в одну минуту был перенесен обратно к тому же месту, откуда был взят.

Рассказ об этом видении или ночном путешествии передается преимущественно на основании слов историков Абульфеда, аль-Бухари и Абу Хорейры; более подробное описание его находится в книге Ж. Ганье «Жизнь Магомета» (Амстердам, 1732). Само путешествие вызвало среди ученых различные споры и толкования. Некоторые утверждают, что это был просто сон или ночное видение, и в доказательство этого ссылаются на предание, возникшее со слов Аиши, жены Магомета, которая заявила, что в ночь, о которой идет речь, телесно пророк оставался вполне спокойным и что ночное путешествие совершено им только в духе. Но, ссылаясь на это предание, они не берут, однако, во внимание, что в то время, к которому относится путешествие, Аиша была еще ребенком и хотя была помолвлена с пророком, но в брак с ним еще не вступала.

Другие настаивают, что небесное путешествие было совершено телесно и что все произошло чудесным образом в такое короткое время, что по возвращении своем Магомет успел предотвратить окончательное падение сосуда с водой, который Гавриил, отлетая, задел своим крылом.

Другие говорят, что Магомет утверждает только, что совершил ночное путешествие в Иерусалимский храм, но что дальнейшее вознесение на небо было видением. Согласно показанию Ахмеда-бен-Иосифа, факт ночного посещения храма удостоверен самим патриархом Иерусалимским. «В то время, — говорит он, — когда Магомет отправил посла в Константинополь к императору Гераклию, предлагая ему принять ислам, в присутствии императора находился и патриарх. После рассказа посла о ночном путешествии пророка патриарх изумился и передал императору обстоятельство, имеющее тесную связь с рассказом посла. “Я имею обыкновение, — сказал он, — никогда не удаляться на ночь, не затворив всех дверей храма. В ночь, о которой идет речь, я запер их, по обыкновению, но одну невозможно было сдвинуть. Поэтому я послал за плотниками, которые, осмотрев дверь, заявили, что притолоки над главным входом и само здание так сильно осели, что им не по силам запереть дверь. Таким образом, я был принужден оставить ее отпертой. Рано утром, на рассвете, я пошел туда и увидел, что камень, лежащий в углу храма, пробуравлен и что, кроме того, оставались следы на том месте, где была привязана ал-Борак. Видите, — сказал я тогда присутствующим, — главные двери не оставались бы неподвижными, если бы сюда не приходил молиться какой-нибудь пророк”».

Дальнейшие предания повествуют, что после того как Магомет рассказал о своем ночном путешествии в присутствии значительного собрания в Мекке, многие были поражены, но тем не менее поверили; некоторые пришли в недоумение и усомнились, между тем как курайшиты подняли его на смех. «Ты говоришь, что был в храме Иерусалимском, — сказал Абу Джаль. — Докажи, что ты говоришь правду, опиши его».

Вопрос этот на минуту затруднил Магомета, потому что он был в храме ночью, когда нельзя было различить его формы; но тут внезапно рядом с ним стал ангел Гавриил и поставил перед его глазами точный образец священного здания, так что он получил возможность, не задумываясь, отвечать на самые мелочные вопросы.

Истории этой, однако, не совсем доверяли даже и некоторые ученики пророка, пока Абу Бакр, видя, что они колеблются в своей вере и опасаясь их полного отпадения, открыто не удостоверил ее истинности; в награду за эту поддержку Магомет даровал ему титул Свидетеля Истины, ал-Седдека, который с тех пор и остался за ним.

Как мы уже заметили, ночное путешествие это опирается почти всецело на предание, хотя о некоторых обстоятельствах его смутно упоминается и в Коране.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Магомет обращает в свою веру пилигримов из Медины. Принимает решение бежать в этот город. Заговор с целью убить его. Его чудесное избавление. Хиджра, или бегство его. Прием, оказанный ему в Медине

Положение Магомета на родине становилось все хуже и хуже. Хадиджа, его первая благодетельница, верный товарищ, делившая с ним одиночество и его исключительное положение, ревностная последовательница его учения, сошла уже в могилу, так же, как и Абу Талиб, когда-то преданный и влиятельный его покровитель. Лишенный ограждавшей его защиты последнего, Магомет очутился в Мекке как бы вне закона и принужден был скрываться и быть в тягость тем, гостеприимством которых он пользовался и на которых навлекал преследование из-за своего учения. Сколько бы он получил мирских благ, если бы они были предметом его желаний? Десять лет миновало после того, как он впервые возвестил о своей пророческой миссии, — десять долгих, враждебных, тревожных, злосчастных лет. Но он упорствовал и теперь, в тот период жизни, когда человек охотнее стремится на покое воспользоваться плодами прошлого, чем подвергаться неприятностям новых проектов будущего. Мы видим, действительно, что, отказавшись от счастья, богатства и друзей, он готов теперь охотнее отказаться даже от дома и родины, чем от своей веры.

Как только наступило исключительное время богомолья, он осмелился еще раз выйти из своего тайного убежища и смешаться с толпой, собравшейся со всех частей Аравии. Величайшим желанием Магомета было найти могущественное племя или жителей какого-нибудь значительного города, способных и желающих принять его как гостя и покровительствовать ему в распространении его учения.

Поиски его оставались некоторое время безуспешными. Приходившие на поклонение в Каабу сторонились обесчлавленного вероотступника. Люди же, преданные мирским заботам, не желали помогать человеку, изгнанному властями из его родного города.

Наконец, когда он проповедовал однажды на холме ал-Акаба, немного севернее Мекки, на него обратили внимание некоторые богомольцы, пришедшие из города Ясриба (Ятриба). Город этот, переименованный с тех пор в Медину, лежит приблизительно на двести семьдесят миль севернее Мекки. Многие из его жителей были евреи и еретики-христиане. Богомольцы, о которых идет речь, были чистые арабы древнего и могущественного племени хазрадж и находились в дружеских отношениях с двумя еврейскими племенами, жителями Мекки, — кенидитами и надеритами, претендовавшими на происхождение от священнической линии Аарона. Богомольцы часто слышали от своих еврейских друзей объяснения тайн их веры и беседы об ожидаемом Мессии. Они увлеклись красноречием Магомета и удивились, найдя сходство между его учением и законом евреев; так что услышав, что он называет себя пророком, посланным с неба, чтобы восстановить старую веру, они стали говорить между собою: «Наверное, это — обещанный Мессия, о котором мы слышали».

Чем более они вдумывались, тем сильнее убеждались в этом и, наконец, открыто признали себя обращенными и окончательно примкнули к новой вере.

Так как хазрадиты принадлежали к одному из более сильных племен Ясриба, то Магомет старался заручиться их покровительством и предложил сопровождать их при их возвращении; но они заявили, что находятся в смертельной вражде с ауситами, другим сильным племенем того же города, и просили его подождать с приходом, пока они не примирятся. Магомет согласился, и сопровождать богомольцев на их родину он отправил Мусаба ибн Омайра, одного из самых ученых и даровитых своих учеников, поручив ему укрепить их в новой вере и проповедовать ее

другим жителям города. Таким образом, первые семена ислама были посеяны в городе Медина. Они возрастали некоторое время, но медленно.

Мусабу противодействовали идолопоклонники, и даже жизнь его находилась в опасности, но он действовал настойчиво и мало-помалу приобретал последователей среди главных жителей города. Между ними были Саад ибн Моаб, князь или глава ауситов, и Осайд ибн Ходхейр, человек очень влиятельный в городе. Многие из мусульман, преследуемые и гонимые в Мекке, также нашли себе приют в Медине и помогли распространению новой веры среди ее жителей, так что вскоре трудно было найти семью, в которой бы не было обращенных.

Не сомневаясь теперь в возможности дать Магомету приют в городе, более семидесяти обращенных с Мусабом ибн Омайром во главе отправились вместе с богомольцами в Мекку в священный месяц, на тринадцатом году «миссии», с целью пригласить пророка избрать их город своим местожительством. Магомет назначил им свидание в полночь на холме ал-Акаба. Дядя его, ал-Аббас, который подобно умершему Абу Талибу принимал горячее участие в его судьбе, хотя и не разделял его учение, пошел вместе с пророком на тайное совещание, боясь, чтобы он не подвергся при этом какой-нибудь опасности. Там он упрасивал мединских богомольцев не завлекать его племянника в их город, пока они не будут иметь полную возможность защитить его, предупреждая их, что открытое принятие новой веры может вооружить против них всю Аравию. Но предостережения и просьбы его были напрасны – между обеими сторонами произошло торжественное согласие. Магомет потребовал, чтобы они отказались от идолопоклонства и открыто и бесстрашно поклонялись единому истинному Богу. По отношению к себе он поставил условием полное повиновение в счастье и несчастье; а для учеников, которые последуют за ним, требовал от мединцев такого же покровительства, какое оказали бы собственным женам и детям. При таких условиях он обязывался остаться с ними,

быть другом их друзей и врагом врагов их. «Но если мы погибнем за твое дело, – спросили они, – какая нам за это будет награда?» – «Рай!» – отвечал пророк.

Условия были приняты; уполномоченные из Медины, положив свои руки на руки Магомета, поклялись держаться договора. Тогда пророк выбрал из числа их двенадцать человек и назвал их своими апостолами в подражание, вероятно, нашему Спасителю. Как раз в это время с вершины холма послышался голос, объявивший их вероотступниками и грозивший наказанием. Звуки этого голоса среди ночной темноты произвели временное смятение. «Это – вражеский голос Иблиса, – сказал Магомет презрительно. – Он – противник Бога, не бойтесь его». Это был голос, вероятно, курайшитского шпиона, потому что на следующее утро обнаружилось, что курайшиты знали все, что происходило ночью. С новыми союзниками Магомета, уезжавшими из города, они обошлись крайне сурово. Это быстрое принятие новой веры, эта так кстати предложенная и приведенная в исполнение помощь Магомету и его ученикам были причиной того, что мединские мусульмане получили название «ансаров», или помощников. Этим именем они и стали называться с этих пор.

По удалении ансаров и по окончании священного месяца преследование мусульман началось снова и с еще большим ожесточением, так что Магомет, предвидя опасность и решив удалиться из города, советовал последователям своим принять меры против грозившей им неприятности; сам же он все еще медлил и оставался в Мекке с некоторыми из своих ревностных последователей.

Неумолимый враг его, Абу Софиан, был в это время начальником города. Он и сердился, и огорчался, видя, как быстро распространяется новая вера, и потому обратился к совету начальствующих курайшитов, чтобы придумать вместе какое-нибудь верное средство, остановить распространение ислама. Некоторые предлагали изгнать Магомета из города, но на это кто-то возразил, что он может привлечь на свою сторону другие племена или даже жителей Медины и, вернувшись во главе их, отомстить им. Другие советовали

запереть его в тюрьму на всю жизнь и снабжать пищей до самой смерти, но и тут явилось опасение, что друзья могут устроить его побег. Все возражения делал какой-то злобный, неизвестный старик, чужеземец из области Неджед, который, по словам мусульманских писателей, был не кто иной, как переодетый дьявол, вдохнувший свой зловерный дух во всех присутствующих. Наконец, Абу Джаль заявил, что единственное надежное средство против возрастающего зла – это предать Магомета смерти. С этим все согласились; но, чтобы вина пала на всех и чтобы все противодействовали мести, которая могла возникнуть у родственников жертвы, они решили, что из каждой семьи по одному человеку вонзят свой меч в тело Магомета.

Об этом-то заговоре и упоминается в восьмой главе Корана: «Вспомни, как неверующие составляли против тебя заговор, чтобы наложить оковы, или убить, или изгнать тебя из города; но Бог направил удар на них же; Бог – лучший защитник от злоумышлений врагов».

И действительно, в то время как злоумышленники направлялись к жилищу Магомета, тот уже знал о приближающейся опасности. Предупреждение было приписано, по обыкновению, ангелу Гавриилу, но, вероятно, это было делом какого-нибудь курайшита, не разделявшего кровавых замыслов своих соплеменников. Оно явилось как раз вовремя, чтобы спасти Магомета. Враги его остановились у дверей, но войти не осмеливались. Посмотрев в щель, они разглядели, как им казалось, Магомета, закутанного в свой зеленый плащ и спящего на кровати. Потолковав еще с минуту о том, напасть ли на спящего или подождать, пока он выйдет, они взломали, наконец, дверь и бросились к кровати. Спавший вскочил, но вместо Магомета перед ними предстал Али. «Где же Магомет?» – спросили изумленные и смущенные враги. «Не знаю», – грубо ответил Али и вышел вон, причем никто не решился остановить его. Взбешенные побегом своей жертвы, курайшиты объявили, что назначают сто верблюдов в награду тому, кто доставит им Магомета живого или мертвого.

Существует много рассказов о том, каким путем убежал Магомет из дому после того, как преданный Али закутался в его плащ и занял его место на кровати. Самый чудесный из них передает, что Магомет тихонько отворил дверь, когда курайшиты стояли перед ней, и, бросив в воздух горсть пыли, настолько ослепил их, что мог пройти среди них незамеченным. Подтверждение этого находится будто бы в тридцатой главе Корана, где сказано: «Мы напустили на них слепоту, чтобы они не могли видеть».

Наиболее правдоподобный рассказ передает, что он перелез через стену сзади дома и что в этом помог ему слуга, подставив свою спину, на которую Магомет и стал.

Он отправился прямо в дом Абу Бакра, и они решили немедленно бежать, согласившись укрыться в пещере горы Тор, находящейся на расстоянии часа пути от Мекки, и там обождать, пока можно будет безопасно тронуться в Медину; тем временем дети Абу Бакра должны были тайно приносить им пищу. Они вышли из Мекки ночью и шли пешком при свете звезд; на рассвете они достигли подошвы горы Тор, и лишь только вступили в пещеру, как услышали приближавшуюся погоню. Тут и неустрашимый Абу Бакр задрожал от страха. «Преследователей наших много, – сказал он, – а нас только двое». – «Нет, – возразил Магомет, – здесь есть и третий – с нами Бог!» По поводу этого мусульманские писатели рассказывают о чуде, дорогом для сердца каждого правоверного. В то время, говорят они, когда курайшиты уже приближались к горе, в которой находилась пещера, перед ней вдруг выросла акация, на развесистых ветвях которой голубки свили гнезда и положили яйца, паук же обвил все дерево своею паутиной. Когда курайшиты увидели это, они пришли к заключению, что никто не мог недавно войти сюда, и повернули назад, продолжая поиски в другом направлении.

Чудо ли помогло тут или что другое, но только беглецы три дня скрывались в пещере, и Азама, дочь Абу Бакра, на закате солнца приносила им пищу.

Предполагая, что пыл преследования поостыл, беглецы отважились на четвертый день выйти и отправиться в Медину на верблюдах, приведенных ночью слугою Абу Бакра.

Избегая главной дороги, по которой обыкновенно следовали караваны, они поехали близ берега Красного моря. Не далеко, однако, отъехали они, как их догнал конный отряд под предводительством Сорака ибн Малека. Абу Бакр опять пал духом при виде многочисленных преследователей, но Магомета и тут не покинула уверенность. «Не смущайся, — сказал он, — с нами Аллах!» Сорак был страшный воин, с щетинистыми серо-стального цвета волосами, покрывавшими даже его жилистые руки. Поравнявшись с Магометом, лошадь его встала на дыбы и упала вместе с всадником. Это подействовало на его суеверный ум как дурное предзнаменование. Магомет, заметив такое душевное настроение его, обратился к нему с красноречивою проповедью, которая так подействовала на Сорака, что он, объятый ужасом, стал умолять о прощении, и, повернув назад вместе с отрядом, позволил Магомету спокойно отправиться дальше.

Беглецы продолжали свое путешествие без препятствий, пока не достигли холма Кобы, в двух милях от Медины. Это было любимое место сбора городских жителей, куда они посылали также своих больных и увечных пользоваться здоровым и чистым воздухом. Отсюда город снабжался фруктами: холм и его окрестности были покрыты виноградниками, рощами фиников и кокосов и садами лимонных, апельсиновых, яблоневых, фиговых, персиковых и абрикосовых деревьев, орошаемых прозрачными источниками.

Дойдя до этого плодоносного места, ал-Касва, верблюд Магомета, опустился на колени и не пошел дальше. Пророк истолковал это в свою пользу и решил остаться в Кобе, чтобы приготовиться для вступления в город. Место, где верблюд преклонил колени, показывается и теперь еще благочестивыми мусульманами; кроме того, в память этого события здесь выстроена мечеть ал-Таква. Некоторые утверждают, что закладка фундамента произведена была самим пророком. Вблизи этого места показывается также глубокий

колодец, у которого под сенью деревьев отдыхал Магомет и в который он уронил свое кольцо с печатью. Сохранилось предание, что кольцо это и теперь еще там и освещает колодец, вода которого проведена через подземные трубы в Медину. В Кобе они пробыли четыре дня в доме одного аусита, Колтум ибн Хадема, и в это время к ним присоединился глава племени сухамитов, Борейда ибн ал-Хозейб, с семидесятью последователями из того же племени. Все они приняли ислам от Магомета.

Другой замечательный новообращенный, пришедший к Магомету в эту деревню, был Салман ал-Парси (или персиянин). Говорят, он был уроженец небольшого города вблизи Испагани. Когда он проходил однажды мимо христианской церкви, его так поразили набожность народа и торжественность богослужения, что он получил отвращение к идолопоклонству, в котором вырос. После этого, бродя по Востоку из города в город, из монастыря в монастырь в поисках веры, он встретился однажды со старым монахом, богатым летами и недугами, который сказал ему, что в Аравии появился пророк, посланный восстановить веру Авраама в ее первоначальной чистоте. Про этого Салмана, достигшего впоследствии могущества, неверующие из города Мекки распустили слух, что он помогал Магомету в составлении его учения. Об этом говорится и в шестидесятой главе Корана: «Действительно, идолопоклонники говорят, что человек участвовал в составлении Корана. Но язык этого человека – аджами (персидский), а Коран написан на чисто арабском языке»^{*}.

Мусульмане города Мекки, нашедшие раньше убежище в Медине, услыхав, что Магомет находится близко, отправились

^{*} Известный Г. Придо, доктор богословия и декан Норвича, смешивает в своей «Жизни Магомета» Салмана-перса с Абдаллах ибн Саламом, ученым евреем, называемым некоторыми по-еврейски Абдиас-бен-Салан, а другими Абдаллахом-Сален, которого христианские писатели обвиняют в том, что он помогал Магомету сочинять свои откровения.

в Кобу встречать его; тут же были и один из первых последователей его. Видя, что дорожная одежда Магомета и Абу Бакра забрызгана грязью, они дали им белые плащи для вступления в Медину. Многие из ансаров, или помощников из Медины, заключивших с Магометом договор за год перед тем, спешили теперь возобновить клятву в своей верности. Узнав от них, что количество городских последователей его быстро возрастает и что среди жителей господствует общее расположение принять его дружелюбно, Магомет назначил для своего торжественного вступления в Медину пятницу – шестнадцатый день месяца раби.

Поэтому в пятницу утром он собрал всех своих последователей на молитву; после проповеди, в которой он объяснил главные правила своей веры, он сел на верблюда своего ал-Касву и направился к городу, который впоследствии стал известен как место убежища Магомета.

Борейда ибн ал-Хозейб с своим конным отрядом в семьдесят человек из племени сохам сопровождали его как телохранители. Некоторые из его учеников осеняли его, держа по очереди над его головой пальмовые ветви, а рядом с ним ехал Абу Бакр. «О апостол Божий! – воскликнул Борейда. – Тебе не следует входить в Медину без знамени!» – и с этими словами он развернул свою чалму, прикрепил конец ее к острию копья и понес ее как знамя перед пророком.

Город Медина очень красив вблизи. Он славится своим чудным местоположением, здоровым климатом, плодородием почвы, роскошью своих пальм и ароматом своих цветов и кустарников.

В недалеком расстоянии от города толпа новообращенных, невзирая на пыль и зной, вышла им навстречу. Многие, никогда не видавшие Магомета, кланялись по ошибке Абу Бакру; но он, приподняв пальмовые ветви, указал на того, к кому относились эти приветствия, и пророк был встречен восторженными криками.

Таким образом, Магомет, недавно прогнанный из родного города, где голова его была оценена, вступил теперь в

Медину скорее как торжествующий победитель, чем как изгнанник, ищущий приюта. Он сошел с верблюда у дома одного хазрадита, Абу Айюба, своего дальнего родственника, и был встречен очень гостеприимно, получив в свое распоряжение весь нижний этаж дома.

Вскоре после его приезда явился и преданный ему Али, который бежал из Мекки и странствовал пешком, скрываясь днем и выходя только ночью из опасения попасть в руки курайшитов. Он пришел истомленный, измученный дорогой; ноги его были покрыты кровавыми ранами от тяжелой ходьбы.

Спустя несколько дней пришли Аиша и остальные домочадцы Абу Бакра с семьей Магомета. Все они пришли под охраной преданного вольноотпущенника Зайда и слуги Абу Бакра, Абдаллаха.

Такова история достопамятной хиджры, или бегства Магомета, то есть переселения пророка в Медину что послужило началом мусульманского летосчисления. Оно соответствует 622 году Христианской эры.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мусульмане в Медине, мухаджиры и ансары. Партия Абдаллаха ибн Оббы и «лицемеры». Постройка Магометом мечети; его проповедь; прозелиты между христианами. Медленное обращение евреев. Братство между беглецами и союзниками.

Магомет вскоре стал во главе сильной и многочисленной секты в Медине, образовавшейся частью из учеников его, бежавших из Мекки и назвавшихся поэтому мухаджирами, или беглецами, частью же из жителей Медины, присоединившихся по вере и которые стали с тех пор называться ансарами или помощниками. Ансары большею частью принадлежали к могущественным племенам ауситов и хазрадитов, которые, несмотря на свое происхождение от двух братьев, ал-Аса и ал-Хазрадж, в продолжение ста двадцати лет волновали Медину своей закоренелой, смертельной враждой. Теперь их примирила и соединила вера. С племенами же, не принявшими немедленно его учения, Магомет вступил в соглашение.

Хазрадиты находились под сильным влиянием князя Абдаллаха ибн Обба, который, как говорят, имел все шансы сделаться королем, но приезд Магомета и увлечение его учением дало народным чувствам новое направление. Абдаллах был очень красив, ловок и красноречив; он относился к Магомету очень дружелюбно и имел обыкновение присутствовать на собраниях мусульман вместе с некоторыми товарищами одного с ним типа и характера. Вначале Магомета пленила их внешность, искренность разговора и их видимое уважение к нему, но потом он понял, что Абдаллах завидует его популярности и втайне ненавидит его, и что его товарищи тоже неискренни в проявлениях своей дружбы, за что он и заклеил их названием «лицемеров».

Абдаллах ибн Обба долго продолжал быть его политическим соперником в Медине.

Получив теперь возможность открытого служения своей вере и проповедования своего учения, Магомет вздумал построить мечеть. Местом для нее выбрано было кладбище, или место погребения, притененное финиковыми пальмами. Говорят, что Магомет руководился в своем выборе хорошим предзнаменованием: как раз против этого места верблюд его стал на колени, когда он всенародно входил в город. Покойников переместили, а деревья срубили, чтобы освободить место для здания. Простота формы и постройки вполне соответствовала простоте религии, которую он проповедовал, и ограниченности средств, которыми располагали его последователи. Стены были из земли и кирпича, стволы только что срубленных деревьев послужили столбами, подпиравшими крышу, устроенную из пальмовых ветвей и покрытую пальмовыми листьями. Здание занимало около ста квадратных аршин и имело три двери: одну южную, где впоследствии была помещена кибла, другую, названную воротами Гавриила, и третью, названную воротами милосердия. Часть здания, названная «софрат», предназначалась для верующих, не имевших пристанища.

Магомет лично участвовал в постройке мечети. При всей своей проникательности он и не подозревал, что сооружает самому себе гробницу и памятник, что останкам его суждено лежать здесь. Позднее это здание неоднократно увеличивали и улучшали, но оно все еще сохраняет название Масджид ан-Наби (мечеть пророка), потому что было основано самим Магометом. Он недоумевал некоторое время, каким образом созывать верующих на молитву: трубным ли звуком, как у иудеев, зажиганием ли огней на возвышенных местах или игрой на тамбурине. Разрешил это затруднение Абдаллах, сын Зайда, подав ему мысль созывать на богослужение громким выкрикиванием и объявив, что это было открыто ему в видении. Магомет тотчас же согласился, и таким образом было положено начало следующим призывам, которые с высоких минаретов и теперь

раздаются по всему Востоку, приглашая мусульман на молитву: «Бог велик! Бог велик! Нет Бога, кроме Бога! Магомет – пророк Божий. Собирайтесь на молитву! Собирайтесь на молитву! Бог велик! Бог велик! Нет Бога, кроме Бога!» На рассвете же еще прибавляется увещание: «Молитва лучше сна! Молитва лучше сна!»

Все в этой скромной мечети совершалось вначале крайне просто. Для освещения ее ночью служили пальмовые лучины, и прошло немало времени, прежде чем лампы и масло вошли в употребление. Пророк стоял на голой земле и проповедовал, прислонясь спиной к одному из стволов финиковых пальм, служивших столбами. Позднее он воздвиг трибуну, или кафедру, на которую всходил по трем ступеням, так что стоял выше присутствующих. Предание утверждает, что при первом его вступлении на кафедру покинутый им ствол пальмы издал стон; в утешение Магомет предоставил ему на выбор: быть перенесенным в сад и там снова зацвести, или получить место в раю и в будущей жизни снабжать плодами своими истинно верующих. Финиковая пальма мудро выбрала последнее и была зарыта под кафедрой в ожидании блаженного воскресения.

Магомет проповедовал и молился на кафедре, иногда сидя, а иногда и стоя, опираясь на палку. Его проповеди в то время отличались миролюбием и милосердием и внушали благоговение к Богу и любовь к людям. По-видимому, он подражал одно время милосердию христианской веры. «Тот, кто не любит Божьих созданий и Его собственных сынов, – говаривал он, – не будет любим и Богом. Мусульманин, одевший нагого единоверца, будет одет Аллахом в зеленые райские одежды».

В одной из его обычных проповедей, по словам его учеников, находится следующее нравоучительное сказание о милосердии:

«Когда Бог сотворил землю, она колебалась и дрожала, пока не воздвигнуты были на ней горы, чтобы она стала непоколебимой. Тогда ангелы спросили:

– О Боже! Есть ли в Твоем творении что-нибудь крепче этих гор?

Бог отвечал:

– Железо крепче гор, так как оно разбивает их.

– А есть ли что-нибудь сильнее железа?

– Да; огонь сильнее железа, потому что он расплавляет его.

– А есть что-нибудь из созданного Тобою сильнее огня?

– Есть; вода, так как она тушит огонь.

– О Боже! Но есть ли что-нибудь сильнее воды?

– Да; ветер сильнее воды, так как он заставляет и ее двигаться.

– О Вседержитель наш! Есть ли что-нибудь из созданного Тобой сильнее ветра?

– Есть; добрый человек, подающий милостыню; если он скрывает от левой руки то, что подает правой, то он преодолевает все.

Его определение милосердия обнимает широкий круг любви. Каждый хороший поступок, по его словам, есть дело милосердия. Ваша улыбка брату есть милосердие; побуждение ближнего делать добро равно милостыни; указание путнику настоящей дороги есть милосердие; ваша помощь слепому – тоже милосердие; очищение дороги от камней, терний и другого сора – тоже милосердие; если вы подаете жаждущему напиток воду, то вы совершаете дело милосердия.

Истинное богатство человека в будущей жизни составляет то добро, которое он делает ближнему на земле. Когда он умрет, люди спросят: какое богатство оставил он после себя? Ангелы же, которые будут допрашивать его за гробом, спросят, какие добрые дела совершил он при жизни».

– О пророк! – сказал один из его учеников. – Моя мать, Омм-Сад, умерла; какую лучшую милостыню могу я подарить для блага ее души?

– Воду! – отвечал Магомет, вспомнив об удручающем зное пустыни. – Выкопай ради нее колодец и достань воду жаждущим.

Человек вырыл колодец во имя матери и сказал: «Колодец этот вырыт ради моей матери; пусть и награда за него дойдет до ее души».

«Милосердие, выражаемое словами, – это наиболее важный и наименее развитый вид милосердия», – настойчиво проповедовал Магомет.

Абу Джарайя, житель Босры, явившись в Медину и уверовав в посланничество Магомета, просил его дать ему какое-нибудь великое жизненное правило. «Ни о ком не отзывайся дурно», – ответил пророк. «С тех пор, – говорил Абу Джарайя, – я никогда не оскорблял словом ни свободного человека, ни раба».

Ислам касался и правил житейской благовоспитанности. «Отдавай саламалок (приветствие) дому при входе и выходе. Отвечай на поклон друзей, знакомых и встречающихся на пути. Тот, кто едет, должен первым приветствовать того, кто идет, а кто идет, должен первый поклониться сидящему; небольшая кучка людей – большой; молодой человек – старику».

По прибытии Магомета в Медину некоторые из христиан, живших в городе, быстро перешли в его веру; они были, вероятно, из числа тех сектантов, которые признавали в Иисусе Христе человеческое естество и потому не находили ничего противоречивого в исламе, признававшем Иисуса Христа за величайшего из пророков. Остальные мединские христиане смотрели не очень враждебно на новую веру, ставя ее гораздо выше старого идолопоклонства. Действительно, расколы и жестокие несогласия между восточными христианами сильно унижали их веру, ослабляли их горячность и способствовали увлечению новыми учениями.

Богатые и влиятельные еврейские семьи, жившие в Медине и ее окрестностях, не обнаруживали подобного увлечения. Магомет заключил с некоторыми из них мирный договор, надеясь добиться того, что и они со временем признают его за обещанного Мессию или пророка. Имея это в виду, он, может быть бессознательно, придерживался в своем учении догматов их религии и соблюдал некоторые из их постов и обрядов. Тем же, которые приняли ислам, он позволил продолжать соблюдение субботы и многих других Моисеевых законов и обрядов. На Востоке вошло в

обыкновение, чтобы каждая религия имела свою киблу, то есть такое священное место, к которому молящиеся должны были обращаться лицом. Сабеи обращаются к Полярной звезде; гебры – огнепоклонники – к востоку, месту восхода солнца; иудеи – к своему святому граду Иерусалиму. До сих пор Магомет не давал никаких предписаний подобного рода, но теперь, из уважения к евреям, он назначил киблой Иерусалим. К нему и мусульмане должны были обращаться лицом во время молитвы.

В то время как число новообращенных жителей Медины увеличивалось с каждым днем, среди пришельцев из Мекки появились болезни и недовольство. Они не приспособились к климату; многие страдали от лихорадки, и эти болезнь и слабость порождали в них тоску по родине, из которой они были изгнаны. Чтобы дать им новое отечество и установить тесную связь между ними и их новыми друзьями и союзниками, Магомет учредил братство, в которое вошли пятьдесят четыре пришельца и столько же из числа жителей Медины. Лица, связанные таким образом, были уверены, что постоят друг за друга и в горе, и в радости; взаимные интересы этого братства связывали даже теснее, чем узы родства, потому что члены союза наследовали друг после друга предпочтительнее, чем родственники по крови.

Учреждение это, основанное с целью опыта, продолжалось до тех пор, пока прибывшие из Мекки прочно не основались в Медине, и распространялось оно только на жителей Мекки, бежавших от преследования. В восьмой главе Корана есть намек на это в следующем стихе: «Уверовавшие и бежавшие из своей страны, посвятившие свое имущество и себя борьбе за веру, давшие пророку убежище и оказавшие ему помощь будут почитаться ближайшими родственниками друг друга».

Таким искусным и вместе с тем простым путем положено было начало могущества, которое вскоре должно было достигнуть необычайной силы и поколебать самые сильные государства в мире.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Женитьба Магомета на Аише. Брак Фатимы с Али. Их домашнее хозяйство.

Родственные отношения Магомета были сильно порваны той враждой, которую вызвала его религиозная ревность. Его дочь, Рукайя, и муж ее, Осман ибн аль-Аффан, все еще жили изгнанниками в Абиссинии; дочь его, Зайнаб, с мужем, Абул-Аассом, упорным противником новой веры, оставались в Мекке. Семья, находившаяся при Магомете в Медине, состояла из жены Савды, с которой он недавно только вступил в брак, и дочерей Фатимы и Умм Кульсум от первой жены его, Хадиджи. Магомет быстро увлекался и легко поддавался женскому влиянию, но к Савде он никогда не имел сильной привязанности; обращаясь с ней любовно, он все-таки чувствовал, что ему недостает женщины, которая заняла бы место покойной жены его, Хадиджи.

«О Омар, – сказал он однажды, – самое драгоценное для человека – это добродетельная жена, действующая по воле Бога, послушная и приятная своему мужу; он смотрит с восторгом на ее телесную и душевную красоту; когда он велит ей что-нибудь сделать, она повинуется, а в его отсутствие охраняет его права в чистоте и чести».

И он обратил свои взоры на невесту свою, Аишу, прекрасную дочь Абу Бакра. Два года прошло со времени их обручения, и ей исполнилось девять лет. Нам может показаться, что она была еще ребенок, но дело в том, что женщины удивительно рано складываются под влиянием животворного климата Востока. Свадьба их состоялась несколько месяцев спустя после ее прибытия в Медину и праздновалась очень просто: за ужином подавалось только молоко, а приданое невесты заключалось в двадцати окках серебра.

Вскоре после этого совершилась помолвка его младшей дочери Фатимы с верным учеником его Али, а немного спустя они вступили в брак. Фатиме шел шестнадцатый год, и она отличалась замечательной красотой. Арабские писатели превозносили ее как одну из четырех совершенных женщин, которыми Аллах удостоил осчастливить землю. Али было около двадцати двух лет.

Небо и земля, говорят мусульманские писатели, соединились, чтобы воздать честь счастливым супругам. Медина празднично ликовала, блистала огнями, и воздух был наполнен благоуханием. Когда Магомет в первую ночь провожал свою дочь к новобрачному, небесные силы сопровождали им: по правую руку Фатимы был архангел Гавриил, по левую – Михаил, а сзади их сопровождали семьдесят тысяч ангелов, целую ночь охранявших жилище молодых.

С такой тщеславной напыщенностью описывали мусульманские писатели каждое событие в истории пророка и этим уничтожали простоту, составлявшую действительное величие его деятельности. Более правдивый рассказ передает, что свадебный пир состоял из фиников и оливок, что брачной постелью была овчина, а приданое невесты заключалось в двух юбках, одном головном уборе, двух серебряных запястьях, в кожаной подушке, набитой пальмовыми листьями, в кубке или чаше для питья, в ручной мельнице, двух кувшинах для воды и одном горшке для масла. Все это вполне соответствовало как простоте арабского домашнего очага, так и имущественным условиям новобрачных. Али, чтобы достать плату, требуемую от жениха, принужден был продать много верблюдов и несколько кольчуг.

Сам Магомет жил не богаче своих учеников. Аиша, рассказывая об этом впоследствии, замечала: «По целому месяцу мы не разводили огня и ничего не готовили, а питались только финиками и водой; изредка кто-нибудь присылал нам мяса. Домашние Магомета иногда по два дня подряд не получали пшеничного хлеба».

Вообще он питался только финиками и ячменным хлебом с молоком и медом. Сам подметал свою комнату, разводил

огонь, занимался починкой своего платья, словом, был самому себе слугою. Двум женам своим он построил каждой по отдельному дому недалеко от мечети. Жил он с ними поочередно, но Аиша всегда оставалась его любимицей.

Мусульманские писатели превозносят Магомета за чистоту его прежней жизни; в самом деле, замечательно, что при существующем в Аравии многоженстве, которое и сам он разрешил себе впоследствии, он, несмотря на свое врожденное влечение к женщинам, оставался чистым в своей любви к Хадидже до самой смерти ее: она никогда не имела соперницы ни в доме, ни в сердце его. Даже свежие, распускающиеся прелести Аиши, которые вскоре так властно покорили его, не были в состоянии изгладить из сердца его глубокого и сложного чувства нежности и благодарности к своей прежней благодетельнице. Аиша однажды обиделась, когда он предавался своим страстным воспоминаниям.

— О апостол Божий, — спросила молодая красавица, — разве Хадиджа не была уже стара? Разве Аллах не послал тебе лучше жены вместо нее?

— Никогда! — воскликнул Магомет в честном порыве. — Никогда Бог не давал мне лучшей жены! Когда я был беден, она обогатила меня; когда меня считали лгуном, она уверовала в меня; когда меня преследовал весь мир, она оставалась верна мне!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Меч провозглашается оружием веры. Первый набег на курайшитов. Нападение врасспех на их караван.

Теперь наступила очень важная эпоха в жизни Магомета. До сих пор он опирался только на доказательства и убеждения в деле распространения своей веры, предписывая то же самое и ученикам своим. Его увещевания переносить насилия врагов с кротостью и долготерпением почти уподобляются смиренному правилу нашего Спасителя: «Ударившему тебя по щеке, подставь и другую». Но настал момент, когда он проявил полнейшее несогласие с божественным духом христианского учения и заклеил свою религию примесью человеческой греховности. Его природа человека не в состоянии была сохранить великого смирения, проповедуемого им же. Тринадцать лет кроткого терпения не вознаградились ничем, а только усилили несправедливость и оскорбления врагов. Гонителями Магомета были курайшиты из его же племени и, главным образом, соперничающая линия Абд Шима, мстительный глава которой был теперь влиятельным человеком в Мекке. Из-за их враждебной жестокости погибли его богатства, семья его обеднела, терпела унижение и разбелась в разные стороны, а сам он подвергся гонению.

Все это Магомет продолжал бы переносить терпеливо, если бы неожиданно в руках его не оказались средства для мести. Он явился в Медину беглецом, ищущим приюта, жаждущим только спокойного убежища, но вскоре, вероятно к собственному его немалому изумлению, у него в распоряжении оказалась целая армия. Среди мединских новообращенных, число которых увеличивалось с каждым днем, среди изгнанников, прибывавших к нему из Мекки, среди прозелитов из степных племен было много отважных и

опытных бойцов, страстных любителей партизанской войны. Это внезапное увеличение силы пробудило в нем человеческие страсти и смертельную злобу, которые присоединились теперь к религиозной ревности, все еще продолжавшей быть в нем преобладающей побудительной силой. Доходя до экзальтации в своем энтузиазме, Магомет стремился убедить себя, а может быть, и в самом деле убедился, что власть дарована ему как средство для достижения великих целей и что он призван Божественной волей воспользоваться этой властью. Таков, по крайней мере, смысл знаменитого манифеста, изданного им в эту эпоху и изменившего весь характер и всю судьбу ислама.

«Различные пророки, – говорит Магомет, – были ниспосылаемы Богом для проявления различных Его свойств. Моисей был послан для проявления Его милосердия и промысла; Соломон – Его мудрости, величия и славы; Иисус Христос – Его правды, всеведения и могущества. Правду Его Он прославил чистотою своей жизни; всеведение – знанием сокровенных тайников человеческого сердца; могущество – чудесами. Но ни одно из этих свойств, однако, не оказалось достаточным, чтоб вполне убедить людей; они не поверили даже чудесам Моисея и Иисуса Христа. Поэтому я, последний из пророков, послан с мечом! Пусть все распространяющие мою веру не прибегают ни к доказательствам, ни к рассуждениям, а убивают тех, кто отказывается повиноваться закону. Сражающийся за истинную веру, погибнет ли он или победит, получит во всяком случае блестящую награду.

Меч, – прибавляет он, – есть ключ от неба и ада; все обнажающие его за веру получают в награду временные блага. Каждая капля крови, пролитая ими, каждая опасность и каждая невзгода, ими претерпеваемая, сочтется на небе за нечто более достойное награды, чем даже пост и молитва. Если они погибают в борьбе, их грехи тотчас же стираются и они переносятся в рай, чтобы упиваться там вечными блаженствами в объятиях чернооких гурий».

Предопределение было призвано на помощь этому воинственному учению. Каждое событие, согласно Корану, предопределено от вечности и неизбежно должно совершиться.

Ни один человек не умирает ни раньше, ни позже назначенного ему часа; когда же настает его час, то все равно, где находит его ангел смерти – лежащим на своей постели или на поле сражения.

Таково было учение и откровение, внезапно превратившее ислам из религии смирения и человеколюбия в религию насилия и меча. Эта религия была в особенности пригодна для арабов, так как вполне соответствовала их привычкам и их хищническим наклонностям. Нет поэтому ничего удивительного, что эти настоящие степные разбойники после открытого провозглашения «религии меча» стали толпами стекаться под знамя пророка. Правда, Магомет еще не разрешал насилия против неверующих, но при условии, чтобы они добровольно подчинялись его мирской власти и соглашались платить подать. Здесь мы замечаем первые признаки широкого честолюбия и желания власти, зарождавшихся в его душе. Однако мы увидим ниже, что требуемая дань служила господствующей его страсти и употреблялась главным образом на распространение веры.

В первых воинственных предприятиях Магомета говорится то затаенное чувство мести, о котором было уже говорено. Предприятия эти направлялись против караванов, отправляемых из Мекки и принадлежащих злейшим врагам его, курайшитам. Первые три, во главе которых стоял Магомет, не имели никаких существенных результатов. Четвертое же было поручено одному мусульманину, по имени Абдаллах ибн Джахш, который был послан с восемью или десятью отважными последователями на дорогу, ведущую к Южной Аравии. Так как в то время был священный месяц раджаб, когда не допускались ни насилия, ни грабежи, то у Абдаллаха была запечатанная инструкция, которую он мог распечатать только на третий день. Смысл инструкции был выражен туманно. Абдаллаху приказано было идти в долину Наклах, между Меккой и Таифом (в которой Магомет получил откровение от джиннов), и там поджидать намеченный караван курайшитов. «Может быть, – тонко замечалось в инструкции, – может быть, тебе удастся доставить нам о нем какие-нибудь вести».

Абдаллах, поняв истинный смысл предписания, стал действовать сообразно ему. Достигнув долины Наклах, он нашел под охраной четырех человек караван, состоявший из многих навьюченных товарами верблюдов. Следуя за ним в некотором отдалении, он послал одного из своих людей, переодетого богомольцем. После разговора с ним курайшиты приняли его за товарища, который отправляется в Мекку на богомолье. К тому же в священный месяц раджаб путешествие по степи было вполне безопасно. Однако лишь только караван дошел до привала, как Абдаллах со своими людьми напал на него. Один из охранников был ими убит, двое взяты в плен, а четвертый бежал; победители же вернулись в Медину с добычей и с пленными.

Вся Медина была возмущена таким нарушением правил священного месяца. Магомет, находя, что преступил границы дозволенного, притворился, что сердится на Абдаллаха, и отказался принять предложенную ему часть добычи. Основываясь на неясности своих предписаний, он настаивал на том, что не приказывал Абдаллаху проливать кровь или совершать какое-либо насилие в течение священного месяца. Но крики негодования все-таки продолжались, и в особенности со стороны курайшитов Мекки, в результате чего появилось следующее место в Коране:

«Они будут спрашивать тебя, можно ли воевать во время священного месяца.

Отвечай: воевать в это время грешно; но отрицать Бога, преграждать к Нему путь народу, изгонять истинно верующих из священного храма и поклоняться идолам – вот грех, еще более тяжкий, чем убийство в священные месяцы».

Провозгласив таким образом, что это дело освящено Самим Богом, Магомет, уже не колеблясь, принял свою долю добычи. Одного из пленников он освободил за выкуп, другой же перешел в ислам.

Однако, каким бы удовлетворительным ни казались правоверным мусульманам только что приведенные слова из Корана, это едва ли может оправдать пророка в глазах неправоверных. Экспедиция Абдаллаха ибн Джаша явилась

прискорбным практическим проявлением новой «религии меча». Она является не только делом грабежа и насилия, позволительным в глазах арабов и оправдываемым новым учением, в применении к врагам веры, но и оскорблением священного месяца, с давних времен не оскверняемого кровопролитием и насилием, что чтит и сам Магомет, по крайней мере на словах. Хитрость и скрытность, с которой все это было придумано и приведено в исполнение: запечатанный пакет с инструкцией Абдаллаху, пакет, который он должен был вскрыть только в конце третьего дня, находясь уже на месте преступления, неясность и двусмысленность предписаний, достаточно, однако, понятных для исполнителя, – все это было в прямом противоречии с поведением Магомета в более раннюю пору его деятельности, когда он решался открыто идти по пути долга, – «хотя бы солнце вооружилось против него справа, а месяц – слева». Из всего этого видно, что он сознавал низость того дела, которое было им разрешено. Отречение от участия в насилии, совершённом Абдаллахом, призывание на помощь Корана, чтобы получить возможность безнаказанно воспользоваться добычей, кладут еще более темное пятно на все это дело и показывают, как быстро и далеко пошел Магомет по ложному пути, с тех пор как отступил от любвеобильного духа христианства, которому сначала старался следовать. Земные страсти и житейские интересы быстро подчинили себе религиозный энтузиазм, вдохновлявший его. Прекрасно кто-то заметил, что «первая капля крови, пролитая от имени его в священную неделю, обнаружила в нем человека, в котором земная тина загасила пламя пророчества».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Бедерская битва.

На второй год хиджры Магомет узнал, что злейший враг его, Абу Софиан, с конным отрядом в тридцать человек провожает в Мекку обратный караван, состоящий из тысячи верблюдов, нагруженных сирийскими товарами. Путь их пролегал недалеко от Медины, между цепью гор и морем, и Магомет решил захватить его. В середине месяца рамадана он выступил, имея отряд свыше трехсот человек, из которых восемьдесят три были мухаджирами, или изгнанниками из Мекки, шестьдесят один аусит и сто семьдесят хазрадитов. Каждый отряд имел собственное знамя. У этой маленькой армии было только три лошади* и семьдесят легких на ходу верблюдов, на которых воины ехали поочередно, чтобы продвигаться быстро и без большой усталости.

Осман ибн аль-Аффан, зять Магомета, вернулся в это время с женою своею, Рукайей, из Абиссинии, места своего изгнания. Он готов был также присоединиться к экспедиции, если бы болезнь жены, которая была почти при смерти, не принудила его остаться в Медине.

* Буркхардт говорит, что степные арабы не богаты лошадьми. Среди больших племен Красного моря, между Акабой и Меккой, к югу и юго-востоку от Мекки до самого Йемена, лошади встречаются очень редко, в особенности же в горных областях. У оседлых же жителей Йемена и Хиджаза также не в обычае держать лошадей; распространены же они больше всего у племен, населявших сравнительно плодородные равнины Месопотамии, по берегам Евфрата и на Сирийских равнинах (*Буркхардт. Т. II. Р. 50*).

Сначала Магомет шел по главной мекканской дороге, потом повернул вдоль Красного моря и достиг плодородной равнины, орошаемой ручьем Бедер. Здесь он устроил засаду близ брода, через который обыкновенно переходили караваны. Он отдал приказание своим людям вырыть глубокую канаву и пустить туда воду, чтобы иметь возможность безопасно от неприятеля утолять свою жажду.

Тем временем Абу Софиан, узнав, что Магомет подстерегает его, чтобы сделать вылазку и напасть на него с превосходящими силами, послал на верблюде гонца с просьбой немедленно прислать подкрепление из Мекки. Запыхавшийся гонец приехал к Каабе в страшном виде. Абу Джаль взошел на крышу и забил тревогу. Вся Мекка была в смущении и ужасе. Хенда, жена Абу Софиана, женщина страстная и решительная, обратилась с призывом к отцу своему Оте, к брату ал-Валиду, дяде Шалбе и ко всем воинам, бывшим с ними в родстве, прося их вооружиться и спешить на выручку к ее мужу. Братья курайшита, которого Абдаллах ибн Джаш убил в долине Наклах, также вооружились, чтобы отомстить за его смерть. К жажде мести примешивался также и личный интерес, потому что в караване этом многие тюки принадлежали курайшита. В скором времени войско на ста лошадях и семистах верблюдах поспешно двигалось по дороге к Сирии. Во главе его был Абу Джаль, семидесятилетний старик, опытный знаток степи, соединявший в себе почти юношеский пыл, необыкновенную силу и подвижность со старческой злопамятностью. Пока Абу Джаль быстро двигался со своими силами в одном направлении, Абу Софиан приближался в другом. Дойдя до того места, где он ожидал встретить опасность, он обогнал свой караван на значительное расстояние и стал тщательно осматривать каждую тропинку, каждый отпечаток ноги. Наконец, он напал на след маленькой армии Магомета, отличив ее по величине финиковых косточек (в Медине они очень мелкие), разбросанных отрядом по сторонам дороги во время пути. Такими незначительными признаками пользуются арабы, отыскивая в степях следы своих врагов.

Проследив направление, по которому прошел Магомет, Абу Софиан повернул в сторону и шел по берегу Красного моря, пока не убедился, что находится вне опасности. Тут он послал навстречу курайшитам, которые могли уже выступить, другого гонца с известием, что караван спасен и что они могут вернуться в Мекку.

Посланный встретил курайшитов, уже шедших на помощь. Услышав, что караван спасен, они сделали привал и собрались на совет. Некоторые были за движение вперед, чтобы достойно наказать Магомета и его последователей; некоторые же были за возвращение назад. При таких условиях они послали разведчика, поручив ему определить силы неприятеля. Вернувшись, он сообщил им, что в армии Магомета около трехсот человек, и тем усилил желание тех, кто стоял за встречу с неприятелем. Противники же возражали, говоря: «Подумайте, – этим людям нечего терять; у них ничего нет, кроме мечей, и ни один из них не падет, не убив врага; кроме того, у нас есть родственники среди них, так что если мы останемся победителями, нам нельзя будет прямо смотреть в глаза друг другу, зная, что мы убивали своих близких». Слова эти произвели впечатление, но братья курайшита, убитого в долине Наклах, подстрекаемые Абу Джалем, требовали мщения; этот пылкий старик сам подхватил их призыв. «Вперед! – крикнул он. – Захватим воды из бедерского источника, чтоб отпраздновать спасение нашего каравана». При этом главная часть отряда подняла свое знамя и продолжала поход, а остальные воины вернулись в Мекку.

Разведчики Магомета принесли ему известие о приближении неприятеля; у некоторых из его последователей не хватило при этом бодрости духа; они шли за ним в надежде получить большую добычу в легкой битве, и теперь их смущала мысль о такой многочисленной рати; но Магомет просил их не унывать, потому что Аллах обещал ему легкую победу.

Мусульмане заняли место на возвышенности, у подошвы которой была вода. Для Магомета на самой вершине

был быстро устроен шалаш из древесных ветвей, а у входа в шалаш стоял наготове верблюд, на котором пророк мог бы убежать в Медину в случае неудачи.

Неприятельский авангард, мучимый страшной жаждой при вступлении в долину, поспешил к ручью, чтобы напиться; но тут напал на него Гамза, дядя Магомета, со значительным числом воинов и собственноручно убил вражеского вождя. Только один уцелел из всего авангарда и обратился впоследствии в новую веру.

Затем с трубным звуком появился и главный неприятельский корпус, во главе которого выдвигались три курайшитских воина, вызывая на единоборство самых храбрых из мусульман. Двое из вызывающих были: Ота, тесть Абу Софиана, и ал-Валид – его шурин; третий был Шалба, брат Оты. Напомним, что их подстрекала пуститься в поход Хенда, жена Абу Софиана. Все они были люди значительные в своем племени.

Три воина из Медины выступили вперед и приняли их вызов, но те закричали: «Нет! Пусть выступают наши изменники из Мекки, если только посмеют». Тогда поединок приняли Гамза и Али, дядя и двоюродный брат Магомета, и Обейдах ибн эль-Харет. После горячей и упорной борьбы Гамза и Али убили своих противников и поспешили на помощь к Обейдаху, израненному и почти побежденному Отой. Убив курайшита, они унесли своего союзника, но тот вскоре умер от ран.

Тут началось общее сражение. Мусульмане, зная, что перевес силы на стороне неприятеля, думали только об обороне, удерживая позицию на возвышенности и осыпая неприятелей тучей стрел, когда те пытались пробраться к источнику для утоления своей страшной жажды. Магомет в это время горячо молился, оставаясь с Абу Бакром в своем шалаше на вершине холма. Во время битвы с ним случился припадок или нечто вроде столбняка. Очнувшись, он объявил, что Бог в видении обещал ему победу. Выйдя из шалаша, он взял горсть пыли, бросил ее в воздух в том направлении, где были курайшиты, и воскликнул: «Да погибнут

они!» Затем, отдав приказ последователям своим атаковать неприятеля, сказал: «Сражайтесь и не бойтесь: под сенью мечей находятся врата рая. Кто падет, сражаясь за веру, тотчас же будет допущен в рай».

В последовавшей затем схватке Абу Джаль, направивший свою лошадь в середину сражения, получил удар палашом в бедро и свалился на землю. Абдаллах ибн Масуд придавил ему грудь ногою и отсек голову, в то время как пылкий старик ругал Магомета и слал ему проклятия.

После этого курайшиты уступили и бежали, оставив семьдесят человек убитых. Почти такое же количество их было взято в плен. Погибло и четырнадцать мусульман, имена которых были записаны в числе мучеников за веру.

Эта победа легко объясняется естественными причинами: силы мусульман были свежи и неистощенны, и они имели то преимущество, что расположены были на возвышении, обладая достаточным запасом воды; между тем как курайшиты были утомлены спешным походом, испытывали страшную жажду, да и силы их к тому же уменьшились, так как часть вернулась в Мекку. Мусульманские же писатели приписывают это торжество правоверных сверхъестественному вмешательству. Лишь только Магомет бросил в воздух пыль, рассказывают они, как тотчас же три тысячи ангелов в белых и желтых чалмах и длинных сверкающих одеяниях явились на белых и черных конях и, как порыв ветра, погнались перед собой курайшитов. Это передается на основании не одних мусульманских показаний, но в подтверждение приводится свидетельство и идолопоклонника, одного крестьянина-пастуха, стерегшего овец на соседнем холме. «Я был с двоюродным моим братом на холме, – рассказывал будто бы крестьянин, – откуда мы наблюдали за сражением и готовились присоединиться к победителям для дележа добычи. Вдруг мы заметили большое облако, плывущее к ним, и услышали ржание лошадей и трубные звуки. Когда облако приблизилось, стала ясно видна толпа ангелов, и мы услышали страшный голос архангела, погнавшего свою кобылу Хайзум: «Спеши! Спеши, о Хайзум!»

При этом страшном звуке товарищ мой со страха умер тут же от разрыва сердца, и такая же судьба едва не постигла и меня»^{*}.

После битвы Абдаллах ибн Масуд принес голову Абу Джаля Магомету, который с чувством торжества взглянул на этот страшный трофей и воскликнул: «Этот человек был фараоном нашего народа!» Подлинное имя этого старого воина было Амру ибн Хашам. Курайшиты прозвали его Абу Эльхоем, или Отцом Премудрости, за его здравомыслие. Мусульмане же изменили это прозвище и назвали его Абу Джалем, то есть Отцом Безумия. Это последнее осталось за ним и в истории, и оно произносится правоверным не иначе как с прибавлением: «Да будет он проклят Богом!»

Павшие в битве мусульмане были почетно похоронены, между тем как тела курайшитов были с презрением брошены в яму, вырытую для этой цели. Теперь явился вопрос: как поступить с пленными? Омар стоял за то, чтоб казнить их, но Абу Бакр советовал возвратить их, взяв за них выкуп. Магомет заметил, что Омар похож на Ноя, который просил истребить виновных потопом, а Абу Бакр – на Авраама, ходатайствовавшего за виновных. Сам он был на стороне помилования, но двое из пленников были убиты: один, по имени Надхар, за глумление над Кораном, который, по его словам, был сборником персидских сказок и басен; другой, по имени Окба, за покушение на жизнь Магомета во время его первоначальной проповеди в Каабе, когда его спас Абу Бакр. Многие

^{*} Об этой чудесной помощи неоднократно упоминается в Коране, например:

«Бог уже даровал вам победу при Бедере, когда вы были малочисленное. Когда ты говорил правоверным: “Разве вам не достаточно, что Господь содействует вам, посылая с неба три тысячи ангелов?” Воистину, если вы будете тверды и богобоязненны и враги ваши внезапно нападут на вас, Господь ваш пошлет вам на помощь пять тысяч ангелов на отличных лошадях и в чудной одежде».

«О истинно верующие, не вы убили тех, которые были убиты при Бедере, а Бог убил их. И не ты, Магомет, как казалось это тебе, бросил в их глаза песок, но Бог бросил его» (Коран, гл. III.)

из неимущих пленников были освобождены, дав только клятву никогда больше не поднимать оружия на Магомета и его последователей. Остальных задержали до присылки за них выкупа.

Среди наиболее значительных пленников был ал-Аббас, дядя Магомета, взятый в плен Абу Язером, человеком очень маленького роста. Когда посторонние зрители стали подтрунивать над разницей в росте, ал-Аббас заявил, что в действительности он сдался человеку громадного роста, схавшему на коне, какого ему никогда еще не приходилось видеть. Абу Язер настойчиво утверждал, что именно он захватил пленника, но Магомет, желая избавить дядю от унижения, намекнул на то, что Абу Язеру помогал ангел Гавриил.

Ал-Аббас, чтобы не платить выкупа, оправдывался тем, что участвовал в битве по принуждению, а в душе он – мусульманин; но оправдание его ни к чему не привело. Многие действительно думают, что между дядей и племянником было тайное соглашение и что Аббас служил тайным агентом Магомета в Мекке и раньше, и после Бедерской битвы.

Другой очень важный пленник для Магомета был Абул-Аасс, муж дочери его Зайнаб. Магомет охотно привлек бы к себе зятя, чтобы иметь его в числе своих учеников, но Абул-Аасс упорствовал в своем неверии. Тогда Магомет предложил ему свободу, если он возвратит ему Зайнаб в Медину; муж же ее, Абул-Аасс, до выполнения условия должен оставаться заложником.

До возвращения отряда в Медину происходил раздел добычи; хотя караван Абу Софиана и уцелел, но значительное количество оружия и верблюдов было забрано во время сражения; к тому же большую сумму денег предстояло получить за выкуп пленников. Магомет отдал приказание, чтобы все было равномерно поделено между всеми мусульманами, принимавшими участие в предприятии; и, хотя у арабов существовал древний обычай выделять предводителю четвертую часть добычи, пророк удовлетворился равной долей с остальными. В числе добычи, доставшейся ему по жребию, был знаменитый меч замечательного закала,

называемый Джуль-Факар, или шило. С этих пор он в битвах не разлучался с ним, а после его смерти он достался зятю его, Али.

Это равное разделение добычи вызвало сильный ропот среди воинов. Люди, вынесшие удары войны и деятельнее других собиравшие добычу, роптали, что им пришлась равная часть с теми, которые находились вдали от места действия или со стариками, остававшимися караулить лагерь. Эта распря, замечает Сель, напоминает раздор между воинами Давида по поводу добычи, взятой у амалекитян, когда участвовавшие в сражении тоже настаивали на том, что люди, остававшиеся в лагере, не должны иметь доли в добыче. Решено было, однако, как и в данном случае, разделить все поровну (1 Цар. 30:21–25). Может быть, и Магомет, зная библейскую историю, руководился этим решением? Для вождя, впервые вступившего на путь хищничества, было очень важно установить порядок в распределении добычи. К счастью, он, своевременно вернувшись в Медину, получил откровение, устанавливавшее и на будущее время правила раздела всякой добычи, захваченной в сражении за веру.

Таковы подробности знаменитого сражения при Бедере и первой победы арабов под знаменем Магомета. Победа эта, хотя сама по себе, может быть, и незначительная, положила начало целому ряду побед, изменивших судьбу мира.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Смерть Рукайи, дочери пророка. Возвращение его дочери Зайнаб. Влияние проклятия пророка на Абу Лахаба и его семью. Неистовая злоба Хенды, жены Абу Софиана. Магомет с трудом спасается от смерти. Посольство курайшитов. Король Абиссинии.

Магомет торжественно въехал в Медину с добычей и пленниками, захваченными в первом его сражении. Восторгу его, однако, помешало семейное несчастье. Не стало Рукайи, его любимой дочери, только что вернувшейся из изгнания. Посланный, приехавший раньше Магомета с вестью о победе, встретил у городских ворот похоронную процессию, провожавшую покойницу на кладбище.

Горе Магомета вскоре несколько поутихло по приезде из Мекки дочери его Зайнаб, которую привез верный Зайд. Поручение Зайда сопровождалось большими затруднениями. Жители Мекки были крайне раздражены происшедшим поражением и необходимостью выкупать пленных, так что Зайд остался за городом и послал гонца к Кенанаху, брату Абул-Аасса, извещая его о соглашении и назначая место, куда должна быть доставлена Зайнаб. Кенанах объявил, что на носилках доставит ее на место, но по дороге на него напала толпа курайшитов с намерением не допустить возвращения дочери Магомету. При смятении некто Хаббар ибн Асвад ударил по носилкам копьем, и если бы Кенанах не отразил этого удара своим луком, то он мог бы быть пагубен для Зайнаб. Шум и гвалт привлек к месту действия и Абу Софиана, который осыпал Кенанаха ругательствами за то, что тот открыто возвращает дочь Магомету, что могло быть объяснено трусостью. Вследствие этого Зайнаб была отведена обратно, и уже на следующую только ночь Кенанах тайно выдал ее Зайду.

Магомет был до того рассержен, услышав о нападении на его дочь, что отдал приказ сжечь Хаббара живым, кому бы он ни попался. Потом, когда злоба его утихла, он изменил это приказание: «Один только Бог, – сказал он, – может наказывать огнем. Если Хаббар будет взят, пусть лишат его жизни мечом».

Победа мусульман при Бедере вызвала удивление и скорбь мекканских курайшитов. Недавно гонимый ими беглец, изгнанный ими из города, вдруг воспрянул могущественным врагом. Многие из их храбрейших и знатнейших мужей пали от меча; другие были взяты в плен и ожидали унижительного выкупа. Абу Лахаб, дядя Магомета и его всегдашний жесточайший противник, не мог по болезни участвовать в этой битве. Он умер несколько дней спустя после победы Магомета; душевное ожесточение послужило ускорению его смерти. Набожные мусульмане приписывают, однако, его смерть проклятию, которому некогда Магомет предал его он всей семьей, когда тот поднял руку, чтобы бросить камень в пророка на холме Сафа. Это проклятие, говорят они, тяжело отразилось и на сыне его, Оте, который развелся с дочерью пророка, Рукайей: он был разорван львом в присутствии всего каравана на пути в Сирию.

Недавнее поражение при Бедере никому не досталось так дорого, как Абу Софиану. Правда, он невредимо добрался до Мекки со своим караваном, но ему предстояло услышать о победе ненавистного ему человека и найти свой дом опустелым: Хенда, жена его, встретила его горько оплакивая смерть отца, дяди и брата. К горю примешивалась злоба, и она кричала и днем и ночью, требуя отмщения Гамзе и Али, от рук которых они пали^{*}.

^{*} Среди арабов общепринят закон, что проливший кровь человека должен заплатить своею кровью семье убитой личности. Старый закон этот подтверждается Кораном: «О правоверные, вы подлежите закону возмездия за убийство; свободный должен умереть за свободного. Право кровной мести (или тар, как его называют арабы), принадлежит родственникам каждого, кто был

Абу Софиан созвал двести всадников, у которых было с собой только по мешку с мукой, то есть та скудная провизия, которую араб берет обыкновенно в дорогу. Выступая в поход, Абу Софиан дал клятву не мазать головы, не смачивать благовониями бороды и не прикасаться к женщине, пока не встретится лицом к лицу с Магометом. Объезжая окрестности Медины в трех милях от нее, он убил двух последователей Магомета, опустошил поля и пожег финиковые пальмы.

Магомет двинулся ему навстречу с превосходящими силами. Абу Софиан же, невзирая на клятву, не стал дожидаться его приближения, но, поворотив назад, бежал. Всадники пустились за ним, побросав второпях свои мешки с мукою. Это поспешное бегство названо было в насмешку «войною мешков муки».

Мусульманские писатели передают рассказ о неминуемой опасности, которой подвергался Магомет во время этого похода. Однажды он уснул под деревом, будучи один вдали от лагеря. Проснувшись от шума, он увидел Дуртура, неприятельского воина, стоявшего над ним с обнаженным мечом. «О Магомет! – воскликнул он. – Кто же теперь спасет тебя?» – «Бог!» – отвечал пророк. Пораженный такой верой, Дуртур уронил меч, и Магомет тотчас же подхватил его. Потрясая оружием, он воскликнул в свою очередь: «Кто же спасет теперь тебя, о Дуртур?» – «Увы, никто!» – отвечал Дуртур. «Учись же у меня милосердию», – сказал Магомет и возвратил ему меч. Душа воина была побеждена: он признал Магомета пророком Божиим и перешел в его веру.

убит в открытой войне, и они могут мстить не только самому убийце, но и всей родне его». За тех же, которые убиты на войне между двумя племенами, кровавая расплата требуется только с тех лиц, которые известны как действительные убийцы.

Араб считает кровную месть не только своим священным правом, но и обязанностью. Никакие житейские соображения не заставят его отказаться от нее. У них есть даже поговорка: «Я не откажусь от тара, хотя бы мне за это грозил адский огонь» (*Буркхардт. Т. I. Р. 314. Примеч.*).

Находя этот рассказ недостаточно чудесным, набожные мусульмане утверждают, что спасение Магомета произошло при вмешательстве ангела Гавриила, который, в то время когда Дуртур готовился нанести удар, ударил его своей невидимой рукой в грудь, что и было причиной падения меча.

Около этого времени курайшиты, жители Мекки, вспомнили о родственниках и учениках Магомета, укрывшихся от их преследования в Абиссинии; большинство из них еще оставалось там под покровительством наджаши, или абиссинского короля. К этому монарху курайшиты отправили посольство с целью заполучить беглецов. Один из послов был Абдаллах ибн Рабш; другой – Амру ибн ал-Аас, знаменитый поэт, нападавший на Магомета в начале его миссии в своих сатирах и мадригалах. Теперь он был старше и, отличаясь проницательным умом и поэтическим талантом, все еще оставался грозным противником ислама, хотя позднее ему и пришлось стать одним из храбрейших и наиболее выдающихся его поборников.

Амру и Абдаллах, согласно восточному обычаю, сперва поднесли богатые подарки и потом уже стали ходатайствовать от имени курайшитских властей о выдаче им беглецов. Король, как человек справедливый, позвал к себе мусульман и велел им разъяснить ту новую и опасную ересь, в которой они обвинялись. В числе их был Джафар, сын Абу Талиба и брат Али, следовательно, – двоюродный брат Магомета. Это был человек убедительного красноречия и привлекательной внешности. Он предстал перед королем и с жаром и увлечением изложил ему учение ислама. Король, который, как уже замечено, был несторианином, нашел их учение во многих отношениях сходным с учением своей секты и до такой степени противным грубому идолопоклонству курайшитов, что не только не выдал им беглецов, но и взял последних под свое особенное покровительство. Амру и Абдаллаху он возвратил привезенные ими подарки и отпустил их.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Возрастающее могущество Магомета. Его негодование против евреев. Оскорбление арабской девушки еврейским племенем кайноков. Мятеж. Кайноки скрываются в своем замке. Победа над ними и наказание их конфискацией имущества и изгнанием. Женидьба Османа на Умм Кульсум, дочери пророка, а самого пророка – на Хафзе.

Бедерская битва окончательно изменила положение Магомета: он был теперь победоносной главой всевозрастающей силы. Идолопоклоннические племена Аравии легко становились последователями религии, льстившей их разбойничьим наклонностям в надежде на добычу и утверждавшей, что она возрождает, в сущности, первоначальную веру их предков; поэтому, как только первый отряд возвратился в Медину с военной добычей, почти все язычники города обратились в новую веру, и Магомет приобрел верховную власть над городом. Тон Магомета соответственно с этим стал иной: он говорил теперь как законодатель и властелин. Первым явным доказательством этой перемены в его настроении было его обращение с евреями, которых в Медине находилось три обширных, могущественных рода.

Все его уступки этому жестоковъному народу оказались бесплодными; евреи не только упорствовали в своей вере, но даже посмеивались над ним и над его учением. Асма, дочь Мервана, еврейская поэтесса, составила против него сатиру и была убита одним из ярых последователей Магомета. Абу-Афак, еврей, ста двадцати лет, был также убит за то, что он в сатирах осмеивал пророка. Кааб ибн Ашраф, тоже еврейский поэт, после Бедерской битвы отправился в Мекку и старался возбудить курайшитов к мести,

декламируя стихи, в которых восхвалялись доблести и оплакивалась смерть их соплеменников, павших на поле битвы. Увлечение его дошло до того, что он и при возвращении в Медину публично читал эти стихи в присутствии некоторых последователей пророка, находившихся в родстве с убитыми. Оскорбленный этой непоколебимой враждой, Магомет однажды гневно воскликнул: «Кто же наконец избавит меня от этого сына Ашрафа?» Несколько дней спустя Кааб за свои стихи поплатился жизнью – его убил ярый ансар из племени ауситов.

Наконец, случилось обстоятельство, доведшее гнев Магомета против евреев до явной вражды. Девушка одного из арабских пастушеских племен, приносившая молоко в город, очутилась однажды в квартале, населенном кайноками – одним из трех главных еврейских племен. Здесь девушку окружили молодые евреи, прослышавшие о ее необыкновенной красоте и требовавшие, чтоб она открыла лицо. Девушка отказывалась исполнить их требование, считавшееся у ее народа противным законам приличия. Тогда молодой золотых дел мастер, лавочка которого была по соседству, украдкой прикрепил конец ее покрывала к скамье, на которой девушка сидела, и когда она встала, чтобы идти, покрывало осталось, и лицо ее оказалось открытым. Тут раздался смех, посыпались шутки молодых евреев, а смущенная девушка стояла в этой толпе, краснея от стыда. Присутствовавший при этом мусульманин принял близко к сердцу бесчестие, нанесенное девушке, вытащил свою саблю и вонзил ее в тело золотых дел мастера, но был тут же убит евреями. Мусульмане соседнего квартала схватились за оружие, кайноки тоже; но так как их было меньше, то они искали убежища в крепости. Магомет вступился с целью усмирить это междоусобие, но вообще, возмущенный против евреев, он настаивал на том, чтоб провинившееся племя отныне приняло его веру. Тщетно указывали они на договор, заключенный с ними при его вступлении в Медину, по которому им дозволялось свободно исповедовать их веру, –

Магомет оставался непреклонен. Некоторое время кайноки отказывались уступить и упорно оставались в своей крепости; но голод принудил их наконец сдаться. Абдаллах ибн Обба-Солул, предводитель хазрадитов, покровитель еврейских родов, вступился за них и воспрепятствовал их избиению, но их имущество было конфисковано, а сами они в количестве семисот человек изгнаны в Сирию.

Оружие и богатства, доставшиеся пророку и его последователям в результате этой конфискации, были далеко не бесполезны в последующих войнах за веру. В числе оружия, доставшегося Магомету, находились, например, три сабли: Медхем – острая, ал-Батар – рассекающая и Хатеф – смертельная; два копья: ал-Монтари – рассеивающее и ал-Монтави – разрушающее. Серебряный щит, названный ал-Фадха, и другой, ал-Саадия, который, по словам предания, Саул преподнес Давиду перед единоборством его с Голиафом. Был также и лук, называемый ал-Катум, или крепкий, но не оправдавший своего названия, потому что в первой же битве пророк натянул его с такой силой, что он разлетелся в куски. Вообще, Магомет употреблял арабский лук с соответствующими стрелами и запрещал своим последователям употреблять персидский.

Магомет уже не думал более склонять к своей вере евреев, которые стали предметом его религиозной ненависти. Он признал недействительным свое прежнее постановление, по которому киблой, или местом обращения во время молитвы, указан был Иерусалим, и заменил его Меккой, к которой с тех пор мусульмане и обращаются лицом во время своих молений.

Дочь пророка, Рукайя, умерла, и Осман, ее муж, оплакивал вполне должным образом эту смерть; чтобы утешить его в понесенной им потере, Омар, брат его по оружию, предложил ему в жены свою дочь Хафзу в тот же год. Хафза была вдовой сулаймита Хобаша; ей было всего восемнадцать лет, и она отличалась пленительной красотой, но Осман отказался от этого предложения. Омар вознегодовал на та-

кой отказ, считая его оскорблением для себя и дочери, и обратился к Магомету. «Не печалься, Омар, – отвечал пророк, – Осману предназначена лучшая жена и лучший муж твоей дочери». И он отдал замуж за Османа дочь свою, Умм Кульсум, а сам женился на красивой Хафзе. Этими политичными браками он еще больше привлек к себе и Османа, и Омара и удовлетворил свою склонность к женской красоте. Хафза после Аиши была самой любимой его женой, и ей вверен был сундук, в который клались главы и стихи Корана по мере того, как пророк получал их в своих видениях.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Хенда возбуждает Абу Софиана и курайшитов к отмщению за смерть ее родных, убитых в Бедерской битве. Курайшиты выступают в сопровождении Хенды и ее товарок. Ухудская битва. Жестокое торжество Хенды. Магомет утешается женитьбой на Хенде, дочери Омейя.

По мере того как власть Магомета возрастала в Медине, все более увеличивалась вражда курайшитов в Мекке. Абу Софиан начальствовал в священном городе и был постоянно подстрекаем к войне женой своей Хендой, неистовая злоба которой не могла успокоиться до тех пор, пока кровная месть ее не настигнет убийц ее отца и брата. Акрема, сын Абу Джала, наследовавший ненависть своего отца, также требовал мести. И вот, на третий год хиджры, через год после Бедерской битвы, Абу Софиан выступил во главе трех тысяч воинов, преимущественно курайшитов, хотя тут находились также и арабы из племен катана и техама. Семьсот человек было снабжено латами, а двести — лошадьми. Акрема был одним из начальников, как и Халид ибн ал-Валид, неоценимый воин, получивший впоследствии громкую известность. Знамена, развевавшиеся перед войском, несли воины из рода Абд ал-Адара, ветви племени курайшитов, пользовавшейся наследственным правом занимать первые места в совете, в битве и нести знамя впереди войска.

За войском шла мстительная Хенда с пятьюдесятью главными женщинами Мекки, родственницами людей, убитых во время Бедерской битвы; они то оглашали воздух воплями и рыданиями об умерших, то воодушевляли воинов звуками тамбуринов и воинственных песен. Проходя мимо деревни Абва, где похоронена была Амина, мать Магомета,

люди с трудом удержали Хенду от намерения вырыть ее кости из могилы.

Ал-Аббас, дядя Магомета, оставшийся в Мекке и считавшийся врагом новой веры, видя, что гибель грозит его племяннику, если на него нападут неожиданно, послал тайно уведомить его о грозящей ему опасности. Магомет находился в деревне Коба, когда посланный прибыл к нему. Он немедленно вернулся в Медину и созвал совет из главных своих приверженцев. Выставляя на вид то обстоятельство, что силы их недостаточно велики, чтобы встретить неприятеля в поле, он советовал ожидать нападения в Медине, где женщины и дети могли помогать им, бросая камни с крыш домов. Старшие из его последователей присоединились к его мнению, но молодые, как всегда горячие и к тому же гордые недавней Бедерской победой, требовали битвы в открытом поле.

Магомет уступил их требованию, но когда они начали собирать силы, то едва оказалась тысяча человек войска; только одна сотня владела латами, а конных было не более двухсот. Сердца тех, которые так недавно громко требовали открытого боя, теперь поостыли, и они охотно встретили бы неприятеля, не выступая за стены города; но тут возразил им Магомет: «Нет, — сказал он, — несвойственно пророку, вынув саблю, влагать ее снова в ножны, не выступив, поворачивать вспять, пока Бог не решит, на чьей стороне должна быть победа». И он повел свою армию вперед. Часть ее составляли евреи и хазрадиты под предводительством Абдаллаха ибн Обба-Солула. Магомет отклонил участие евреев, если они не примут ислама; а так как они на это не согласились, то он приказал им вернуться в Медину; в ответ на это их предводитель Абдаллах повернул обратно, увлекая за собой и хазрадитов, в силу чего армия Магомета уменьшилась до семисот человек.

С этой незначительной силой пророк расположился на горе Ухуд в шести милях от Медины. Местность эта была отчасти защищена крутыми холмами; впереди он расставил стрелков для защиты от нападения кавалерии. Пророк был

защищен шлемом и двумя панцирями. На сабле высечены были слова: «Страх ведет к бесчестию, а слава всегда впереди. Трусость никогда не спасает человека от его судьбы». Так как он не намеревался принимать деятельного участия в битве, то передал свою саблю храброму воину Абу Дуджане, поклявшемуся, что будет носить ее до тех пор, пока она не притупится. Сам же Магомет занял возвышенное место, с которого мог обзирать поле битвы.

Курайшиты, полагаясь на свою многочисленность, стройно подошли к подножию холма с развевающимися знаменами. Абу Софиан предводительствовал центром; на каждом крыле было по сотне всадников; левым командовал Акрема, сын Абу Джалия, правым – Халид ибн ал-Валид. В то время как они приближались к холму, Хенда и ее товарки ударили в тамбурины и пели военные песни, в промежутках выкликая имена людей, убитых в Бедерской битве. «Смело, сыны Абд ал-Адара! – кричали они знаменосцам. – Вперед на бой, сцепитесь с врагом! Разите не щадя! Пусть сабли ваши будут остры и сердца беспощадны!»

Магомет сдерживал нетерпение своих войск, запрещая им начинать битву и убеждая их твердо стоять, пользуясь преимуществом более возвышенной местности. Стрелки должны были удерживать свое положение и изменять его только в том случае, если кавалерия будет нападать на них с тылу.

Всадники левого крыла, предводительствуемые Акремой, пытались было атаковать мусульман, но были отброшены стрелками и отступили в замешательстве. При этом Гамза, громко повторяя военный клич мусульман: «Амит! Амит!» (Смерть! Смерть!), набросился со своими силами на центр. Абу Дуджана находился у него с правой стороны, вооруженный саблей Магомета; на голове его был красный тюрбан с надписью: «Помощь идет нам от Бога! Победа наша!»

Враги дрогнули при этом натиске. Абу Дуджана прорвался в середину их, нанося смертельные удары направо и налево и восклицая: «Сабля Бога и Его пророка!» Семь знаменосцев из племени Абд ал-Адара были один за другим повержены, и центр начал отступать. Мусульманские

стрелки, считая победу обеспеченной, забыли запрещение Магомета и, покинув свой пост, с криком «Добыча! Добыча!» рассыпались в поисках трофеев. Вслед за этим Калед, собрав конницу, завладел местностью, оставленной стрелками, напал на мусульман с тыла, некоторых обратил в бегство, а остальных привел в замешательство. Среди этого замешательства всадник по имени Оббидж ибн Халаф, стараясь протиснуться через толпу, крича: «Где Магомет? Пока он жив, нам не будет покоя!» Но Магомет, выхватив копье у ближайшего воина, бросил его прямо в горло идолопоклоннику, который мертвым свалился со своего коня. «Так, – продолжает набожный ал-Джаннаби, – умер этот враг Бога, за несколько лет перед тем грозивший пророку, говоря: “Я как-нибудь прииду день, чтоб убить тебя”. – “Берегись, – отвечал пророк, – ты сам падешь от моей руки, если на то будет воля Аллаха”».

Среди этой сумятицы камень, пущенный из пращи, ударил Магомета в рот, рассек ему губу и выбил один из передних зубов; он был также ранен в лицо стрелой, железный кончик которой застрял в ране. Гамзу, в то время как он нападал на курайшита, проколол копьем Вакса, раб-эфиоп, которому обещана была свобода, если он отомстит за смерть господина своего, убитого Гамзой в битве при Бедере. Мусаб ибн Омайр, знаменосец Магомета, был также убит, но Али схватил священное знамя и высоко понес его среди бури битвы.

Так как Мусаб похож был лицом на Магомета, то враги распустили слух, что пророк убит. Курайшиты при этой вести воодушевились и стали нападать с двойной энергией; мусульмане бежали в отчаянии, унося раненых Абу Бакра и Омара. Рааб, сын Малека, увидал, однако, Магомета, лежавшего среди раненых во рву, узнав его по оружию. «О правоверные! – воскликнул он. – Пророк Божий еще жив! Помогите! Помогите!» Магомета взяли и понесли по склону до самой вершины горы, где мусульмане приготавливались к отчаянной защите. Курайшиты, однако, думая, что Магомет убит, не стали преследовать врагов, а занялись

грабежом и уродованием умерших. Хенда и ее товарки первые занялись этим диким делом мщения, причем кровавая героиня хотела даже вырвать и съесть сердце Гамзы. Абу Софиан, неся часть изуродованного тела на своем копье и победоносно спускаясь с холма, воскликнул восторженно: «Война не лишена превратностей! За Бедерской следует Ухудская битва».

Когда курайшиты удалились, Магомет спустился с горы и осмотрел поле битвы. При виде трупа своего дяди Гамзы, так зверски изуродованного и обесчещенного, он поклялся нанести такое же бесчестье семидесяти врагам, когда они попадутся ему. Его горе, судя по преданию, было смягчено архангелом Гавриилом, который, явившись, возвестил ему, что Гамза взят на седьмое небо и назван «Львом Бога и Его пророка».

Тела убитых были похоронены по два и по три в том же месте, где они пали; Магомет запретил своим последователям обрезать себе волосы, раздирать на себе одежду и соблюдать другие общепринятые знаки печали, но согласился, чтобы они оплакивали умерших, так как слезы облегчают сердце, переполненное печалью.

Ночь, последовавшая за битвой, проведена была ими в величайшем опасении: они боялись, чтоб курайшиты снова не напали неожиданно или на них, или на Медину. На следующий день Магомет решил возвратиться в этот город, постоянно остерегаясь близости неприятеля, и ночью велел зажечь множество сторожевых огней. Абу Софиан тем временем узнал, что Магомет жив, однако, не чувствуя себя достаточно сильным, чтоб напасть на Медину, пока Магомет был недалеко от нее и мог всегда прийти к ней на помощь, а с другой стороны, предполагая, что Магомет может всегда получить новое подкрепление и напасть на него с большими силами, решил ограничиться одержанной победой и, заключив перемирие с мусульманами на год, победоносно возвратился в Мекку.

Магомет искал утешения от этого печального поражения в новом браке с Хендой, дочерью Омейя, человека очень влиятельного. Она была вдова и находилась в числе

беглецов, скрывшихся в Абиссинии. Ей было двадцать пять лет, и у нее был сын по имени Салма, поэтому ее называли Омм-Салма, или мать Салмы. Отличаясь грацией и красотой, она пленила Абу Бакра и Омара, которые хотели на ней жениться, но получили отказ. Даже сам Магомет не сразу смог добиться согласия. «Какого счастья может пророк Бога ожидать от жизни со мной? Я уже немолода, у меня есть сын, и к тому же я отличаюсь ревнивым характером». — «Что касается возраста, — возразил Магомет, — то ты много моложе меня; твой сын найдет во мне человека, который заменит ему отца, а относительно твоей ревности я стану молить Аллаха, чтоб он с корнем вырвал ее из твоего сердца».

Отдельное здание, прилегавшее к мечети, выстроено было для невесты. Хозяйственные предметы, по словам мусульманских писателей, состояли из мешка ячменя, ручной мельницы и горшка с жиром или маслом. Так скудны были еще средства пророка, или, скорее, так скромны были его привычки и так проста была жизнь арабов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Обман некоторых еврейских племен; наказание их. Преданность вольноотпущенника Зайда; он разводится со своей прекрасной женой Зайнаб, чтоб она могла выйти замуж за пророка.

Поражение Магомета в битве при Ухуде имело некоторое время неблагоприятное влияние на распространение его веры среди арабских и еврейских племен, что выразилось в целом ряде изменнических поступков. Жители городов Адхал и Кара прислали к нему послов с заявлением, что они желают принять его веру и просят направить миссионеров, которые передали бы им его учение. Он охотно послал шесть учеников вместе с этой депутацией. Но на пути во время отдыха у колодца Раджи, в пределах владений ходсеититов, послы напали на мусульман, никак не ожидавших этого, убили четверых, а двух остальных отвели в Мекку, где передали их курайшитам, которые их убили.

Такую же измену совершило и другое племя из провинции Неджед. Притворившись мусульманами, они просили помощи у Магомета против врагов. Магомет послал несколько своих последователей им на подкрепление, но на них напали сулеймиты вблизи колодца Манна, на расстоянии около четырех дней пути от Медины, и убили почти всех. Один из мусульман, Амру ибн Омейя, избежал смерти и направился к Медине. По дороге он встретил двух невооруженных евреев из племени бен-Амира и, напав, убил их, ошибочно ли приняв их за врагов, или же в пылу ярости за смерть своих товарищей. Это племя было в мире с Магометом и обратилось к нему, требуя удовлетворения. Он передал все дело на обсуждение другого еврейского племени – бен-Надхера, имевшего богатые владения и укрепление Зохра в трех милях от Медины и обязавшегося

при бегстве Магомета из Мекки в Медину хранить нейтралитет между ним и его противниками. Глава племени, призванный теперь в качестве посредника, пригласил Магомета на встречу. Пророк отправился в сопровождении Абу Бакра, Омара, Али и некоторых других. Угощение было предложено им на открытом воздухе перед жилищем главы. Магомет, однако, получил тайное уведомление, что он изменнически заманен сюда и что еврей готовится убить его, пока он будет наслаждаться угощением; далее передавали, что его должен был раздавить жернов, сброшенный с крыши дома. Нимало не обнаруживая, что ему известна эта подготавливаемая измена, Магомет внезапно удалился и поспешил обратно в Медину.

Его ярость распространилась теперь на все племя надхера, и он приказал им под угрозой смерти покинуть страну в течение десяти дней. Они исполнили бы это приказание, но хазрадит Абдаллах тайно убедил их остаться, обещая им помочь, и не выполнил своего обещания. Бен-Надхера, обманутые таким образом главой «лицемеров», заперлись в укреплении своем Зохра, где Магомет осадил их, срубив и спалив финиковые деревья, плоды которых служили им единственной пищей. Через шесть дней надхера сдались, и им позволено было удалиться, причем каждому разрешено было навьючить по одному верблюду разным имуществом, исключая оружие. Некоторые выселены были в Сирию, другие в Хайбар, значительный еврейский город с крепостью, находившийся на расстоянии нескольких дней пути от Медины. Так как племя это было богато, то после них осталась значительная добыча, которую Магомет захватил всецело себе. Его последователи сетовали, находя, что это противно закону дележа добычи, содержащемуся в Коране, но он объявил им, что поступил согласно новому откровению, по которому добыча, достающаяся подобно настоящей, без боя, не есть завоевание, сделанное людьми, а является даром Бога и должна доставаться пророку для употребления на добрые дела: на помощь сиротам, беднякам, странникам. И действительно, Магомет употребил эту

добычу не на собственные нужды, а раздал ее мухаджирам или людям, изгнанным из Мекки, двум надхеритским евреям, принявшим ислам, и двум или трем ансарам, или мединским союзникам, оказавшимся бедными и достойными помощи.

Мы не станем пускаться в подробности различных незначительных экспедиций, предпринятых Магометом около этого времени, одну из которых он предпринял в окрестности Тебука на сирийской границе, чтоб наказать шайку, грабившую караваны, шедшие из Медины. Эти экспедиции были ничтожны по результатам, хотя большею частью доставляли много добычи, которая в это время начала занимать умы мусульман не меньше, чем распространение веры. Добыча, так неожиданно приобретаемая, приводила, вероятно, к возмущениям и бесчинствам, на что мы находим указания в Коране, где запрещаются вино и азартные игры – причины, так часто вызывавшие распри и неповиновение в разбойничих лагерях.

За это время своей деятельности Магомету приходилось не раз спасаться от различных покушений на его жизнь. Его также обвиняют в том, что он будто бы прибегал к коварным средствам, чтоб отделаться от врагов. Так, рассказывают, что он послал Амру ибн Омейя, тайно поручив ему умертвить Абу Софиана, но что заговор этот был будто бы открыт и убийца спасся только благодаря быстрому побегу. Но это обвинение недостаточно обоснованно и противоречит общему характеру и образу действий Магомета.

Если у Магомета и были беспощадные враги, зато у него имелись и вполне преданные друзья, примером чего может служить его вольноотпущенник и приемный сын Зайд ибн Харет. Он был одним из первых последователей новой веры и одним из самых мужественных борцов за нее. Магомет советовался с ним во всем и посвящал его даже в домашние дела. Однажды он вошел в его дом так же свободно, как отец входит в жилище своего сына. Зайд тогда отсутствовал, и дома оставалась только жена его, Зайнаб, на которой он недавно женился. Она была дочерью Джазеха

из страны Каиба и считалась самой прекрасной девушкой своего племени. Дома она сидела без покрывала и других излишних одежд, так что Магомет, внезапно войдя, увидал ее во всей красе. Он не мог удержаться от выражения удивления и восторга, на что она ничего не возразила, но передала все мужу по его возвращении. Зайд знал влюбчивость Магомета и понял, что он пленился красотой Зайнаб. Он тотчас же поспешил за Магометом и выразил ему свое согласие развестись с женой, но пророк запретил это ему как дело, противное закону. Рвение Зайда, однако, не улеглось; он любил жену, но еще больше чтит пророка и немедленно развелся с женой. Когда положенный срок истек, Магомет с благодарностью принял эту жертву, внушенную благоговением к нему. По пышности свадебный пир при женитьбе на Зайнаб превзошел все предыдущие. Двери жилища пророка были раскрыты для всех желающих; угощение состояло из мяса овец и баранов, из ячменных пирогов, меда, плодов и любимых напитков; все гости пили и ели всласть и затем уходили, возмущаясь постыдным разводом и считая, что брак этот является кровосмешением.

В связи с этим обвинением находится откровение в той части тридцать третьей главы Корана, в которой делается различие между кровными родными и приемными, причем объявляется, что нет никакого греха в женитьбе на разведенной жене приемного сына. Это своевременное откровение успокоило правоверных, но, чтоб не было ни малейшей тени недовольства, Магомет взял назад свое усыновление и убедил Зайда называться, как в былое время, — Ибн Харетом, по имени своего родного отца. Прекрасная Зайнаб с тех пор гордилась своим превосходством над остальными женами пророка, выставляя на вид откровение, по которому ее брак являлся будто бы велением неба.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Экспедиция Магомета против мосталеков. Он женится на пленнице Барре. Вероломство Абдаллаха ибн Обба. Обвинение Аиши. Ее защита. Невинность ее, доказанная откровением.

В числе арабских племен, решившихся поднять оружие против Магомета после его поражения при Ухуде, находились и мосталеки – могущественное племя, родственное курайшитам по происхождению. Магомет получил уведомление, что они под начальством князя их, ал-Харета, собрались, вооруженные, близ источников Мораиза в области Кедаид, милях в пяти от Красного моря. Он немедленно выступил во главе собранного отряда правоверных, причем к нему присоединилось несколько хазрадитов под начальством Абдаллаха ибн Обба. Благодаря быстроте своего шествия он врасплох напал на врага. Ал-Харет был в самом начале убит стрелой, пущенной из лука, и войск его после слабого сопротивления пустилось в бегство, причем убитых было не много. Двести пленных, пять тысяч овец и тысяча верблюдов были добычей этой легкой победы. В числе пленных находилась Барра, дочь ал-Харета, жена одного молодого араба из того же рода. При разделе добычи она выпала на жребий Табета ибн Рейза, потребовавшего за нее громадный выкуп. Пленница обратилась за посредничеством к Магомету, прося его убавить выкуп. Пророк взглянул на нее с вожделением, потому что она была очень красива. «Я могу сделать для тебя нечто лучшее, чем добиться убавки выкупа: будь моей женой». Красавица Барра охотно согласилась; выкуп за нее Табету заплатил пророк; родственники ее, доставшиеся по жребию Магомету, были освобождены; большинство из них обратились в ислам, и Барра, по возвращении Магомета в Медину, стала его женой.

После битвы войска столпились у источников Мораиза с целью утолить свою жажду. В тесноте произошла ссора между несколькими мухаджирами, или изгнанниками из Мекки, и хазрадитами, причем один из числа последних получил удар. Его товарищи бросились, чтоб отомстить за это оскорбление, и кровь неизбежно полилась бы, если б в это дело не вступился Магомет. Хазрадиты остались недовольными, и к ним примкнули другие недовольные из числа жителей Мекки. Абдаллах ибн Обба, старавшийся воспользоваться всяким случаем, враждебным возрастающему могуществу Магомета, собрал отдельно своих родичей и горожан и сказал им: «Вы видите, какие оскорбления вам приходится выносить из-за того, что вы дали приют этим беглым курайшитам. Вы приняли их в свои дома, отдали им свое добро; теперь они же обратились против вас и платят вам за все это унижениями и оскорблениями. Они норовят стать вашими господами даже в ваших собственных домах; но, клянусь Аллахом, по возвращении мы увидим, кто из нас сильнее».

Речь эта была тайно сообщена Магомету. Омар советовал ему разом отделаться от Абдаллаха, но пророк опасался возбудить месть родственников и приверженцев этого могущественного хазрадита. Чтоб не дать времени разыграться мятежу, он немедленно в самую жаркую пору дня повел войска обратно и продолжал идти и ночью, не останавливаясь вплоть до следующего полдня, когда усталые воины не в силах были думать ни о чем, кроме отдыха.

По возвращении в Медину он призвал Абдаллаха и потребовал у него отчета в его мятежных речах. Абдаллах подло отрицал их и называл лжецом человека, сообщившего об этом Магомету. Но последнему было видение с неба, подтвердившее это обвинение против Абдаллаха и его приверженцев. «Таковы эти люди, — читаем в Коране, — говорящие обитателям Медины: не делайте ничего для беглецов, являющихся приверженцами пророка Бога, чтоб заставить их отступить от него. Они говорят, что, вернувшись в Медину, наиболее достойные изгоняют недостойных. Да покарает их Бог, так как они отвернулись от истины».

Некоторые из друзей Абдаллаха, убедившись этим откровением, советовали ему просить прощения у пророка, но он отверг их совет: «Вы уже уговорили меня оказать этому человеку содействие и дружбу, а теперь вы хотели бы, чтоб я пал ниц перед ним».

Ничто не в силах было убедить его, что Магомет – не идолопоклонник в душе и что все его откровения не обман и не ложь. Он считал его опасным соперником и искал всеми средствами досадить и повредить ему. Этой беспощадной ненависти приписывают скандальную историю, которую он распустил относительно Аиши, любимой жены пророка.

У Магомета было в обычае всегда во всех его экспедициях иметь одну из жен с собою как товарища и утешителя; бралась та из жен, на которую выпадал жребий; и при только что описанном походе ему сопутствовала Аиша. Она ехала на носилках, кругом завешанных и помешавшихся на спине верблюда, которого вел один из служителей Магомета. Когда войско возвращалось обратно и остановилось однажды для привала, служители Аиши удивились, найдя, что на носилках никого не было. Прежде чем они успели прийти в себя от удивления, она явилась на верблюде, которого вел молодой юноша по имени Сафван ибн ал-Моаттель. Об этом обстоятельстве узнал Абдаллах и, вернувшись в Медину, разгласил его, утверждая, что Аиша виновна в преступной связи с юношей Сафваном.

Историю эту жадно подхватила Хамна, сестра прекрасной Зайнаб, на которой Магомет недавно женился; она старалась всюду распространять ее в надежде, что это будет выгодно сестре и послужит во вред Аише, ее смертельной сопернице; точно так же об этом всюду разглашал и Мистак, родственник Абу Бакра, а поэт по имени Хасан составил на эту тему сатиру, написанную стихами.

Прошло несколько времени, прежде чем Аиша узнала о скандале, распущенном на ее счет. Болезнь по возвращении в Медину приковала ее к дому, и никто не решился передать ей о том, в чем ее обвиняли. Она замечала, однако, что пророк угрюм, молчалив и не так нежен к ней, как был прежде.

Оправившись от болезни, она с ужасом узнала об обвинении, возводимом на нее, и утверждала свою невиновность. Вот каким образом она объяснила всю эту историю.

Армия при обратном шествии расположилась лагерем недалеко от Медины, когда вдруг ночью отдан был приказ итти дальше. Служители, по обыкновению, подвели к палатке Аиши верблюда и, поставив носилки на землю, удалились в ожидании, пока она сядет на них. Собираясь сесть, она заметила, что забыла свое ожерелье, и вернулась в палатку искать его. Тем временем служители поместили носилки на верблюда и быстро повели его, не замечая, что в носилках никого не было. Когда она, отыскав ожерелье, вернулась, верблюд уже был уведен и войско ушло; тогда она закуталась в плащ и села в надежде, что ее отсутствие заметят и пришлют кого-нибудь отыскивать ее.

Пока она так сидела, молодой араб Сафван ибн ал-Моаттель, состоявший в арьергарде, проходя, узнал ее и приветствовал, по обычаю мусульман, следующими словами: «Богу мы принадлежим и к Богу должны возвратиться! Почему ты, жена пророка, осталась позади?»

Аиша ничего не отвечала, но плотнее прикрыла лицо покрывалом. Тогда Сафван слез с коня, помог ей взобраться на верблюда и, взяв последнего за повод, поспешил догнать остальных; однако солнце уже взошло, когда им это удалось близ самых стен Медины.

Это объяснение Аиши, подтвержденное Сафваном ибн ал-Моаттелем, казалось вполне удовлетворительным для ее родителей и честных друзей, но поднято было на смех «лицемерами» – Абдаллахом и его приверженцами. Что касается Аиши, то она с грустью в сердце затворилась в своем жилище, отказывалась от всякой пищи, и проливала горькие слезы день и ночь.

Магомет не знал, чему верить, и, сильно смущенный и опечаленный, обратился за советом к Али. Последний только заметил, что такое несчастье – обычная участь людей. Пророк мало утешился таким замечанием и не видался с Аишей целый месяц, но сильно тосковал по ней не столько

из-за ее красоты, сколько потому, что любил ее общество. В порыве грусти он впал в один из тех припадков, которые неверующие приписывали падучей болезнью, и в это время ему было откровение, упоминаемое в Коране. Оно гласило:

«Люди, обвиняющие почтенную женщину в прелюбодеянии и не приводящие четырех свидетелей этого преступления, должны быть наказаны восьмьюдесятью ударами, и свидетельство их отвергнуто. Что же касается лиц, обвиняющих Аишу, то могут ли они привести четырех свидетелей? Если нет, то они – лжецы перед очами Бога, и пусть их постигнет наказание за их преступление».

Когда невиновность Аиши была таким образом выяснена чудом, пророк с еще большей нежностью привлек ее к своей груди и поспешил наказать виновных. Правда, Абдаллах ибн Обба был слишком влиятелен, чтоб можно было решиться наказать его ударами, но с тем большею тяжестью обрушилась кара на его товарищей по клевете. Поэт Хасан излечился на некоторое время от своей страсти к составлению сатир в стихах, а Хамну ее очаровательная красота не спасла от плетей, так как Магомет находил, что при такой красоте не мешало бы ей иметь и более нежный характер.

Откровение это сразу убедило набожного Али в невиновности Аиши, но она никогда не забыла и не простила ему его сомнений; и ненависть к нему, закрывшись в ее душе, не раз отражалась на многих важных обстоятельствах его последующей жизни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Моатская битва. Храбрость Саада ибн Моада. Поражение курайшитов. Осада еврейского укрепления Корайды. Решение Саада относительно наказания евреев. Магомет берет себе в жены еврейскую пленницу Рехану. Его стараются погубить с помощью колдовства, но архангел Гавриил, явившись ему в видении, спасает его.

Мы уже говорили, что после Ухудской битвы заключено было перемирие на один год, и в течение этого времени неутомимый глава курайшитов Абу Софиан заключил союз с арабскими племенами гатафанитов и другими, населявшими пустыню, равно как и со многими евреями из рода Надхера, изгнанными Магометом из их домов. Когда перемирие кончилось, он приготовился идти на Медину с этими союзниками, общие силы которых доходили до десяти тысяч человек.

Магомет получил заранее сведения об этом предпринимаемом нападении, но последнее поражение при Ухуде отняло у него охоту выходить в открытый бой против такого многочисленного неприятеля, тем более, что он предполагал, что у его врагов есть тайные союзники в Медине, где он не доверял евреям и «лицемерам», то есть приверженцам Абдаллаха ибн Обба, очень многочисленным и могущественным.

Много усилий было теперь сделано, чтоб поставить город в положение, годное для защиты. Салман — перс, принявший ислам, посоветовал вырыть глубокий ров на некотором расстоянии от стены с той стороны, с которой должен был явиться неприятель. Этот способ защиты, не употреблявшийся до тех пор в Аравии, был горячо поддержан Магометом, выславшим значительное число людей

рыть ров, причем он даже лично участвовал в этой работе. Много чудес приписывают ему за время рытья этого рва. Однажды, говорит предание, он накормил громадное множество людей одной корзинкой фиников, которая оказалась полной, после того как все насытились. Другой раз он угостил тысячу людей одним жареным ягненком и ячменным хлебом, и, однако же, осталось достаточно для всех трудившихся над рвом. Мы не можем также не упомянуть о чудесном ударе его железным ломом по скале, отчего будто бы посыпались искры, осветившие весь Йемен, или Счастливую Аравию, царский дворец в Константинополе и, наконец, башни резиденции персидского царя, что, очевидно, указывало и предзнаменовало будущие завоевания ислама.

Едва ров был закончен, как на соседних холмах появился многочисленный неприятель. Оставив Ибн Омм-Мактума, человека, заслуживавшего доверия, командовать в городе и зорко следить за теми горожанами, которые были враждебно настроены, Магомет выступил с тремя тысячами войска, которое он расставил в боевом порядке позади глубокого рва. Абу Софиан, ничего не подозревая, смело шел вперед с союзными силами курайшитов и гатафанитов, но был внезапно удержан рвом и сильным обстрелом со стороны мусульман, скрывавшихся за ним. Таким образом, ему пришлось расположиться лагерем, причем курайшиты заняли нижнюю часть долины, а гатафаниты – верхнюю. В течение нескольких дней оба войска занимали противоположные стороны рва и только издали бросали друг в друга камнями из пращей и стрелами из луков.

Тем временем лазутчики донесли Магомету, что еврейское племя кораид, имевшее сильно укрепленный замок вблизи города и заключившее с ним договор о мире, находилось в тайном союзе с неприятелем. Он теперь понял, как трудно с его скромными силами охранять ров по всей его длине, защищаясь от грозившего изменнического нападения со стороны кораидитов, при необходимости поддерживать спокойствие в городе, где евреи, по всей вероятности, имели тайных союзников. Созвав военный совет, он спросил у

военачальников их мнения относительно того, не следует ли подкупить гатафанитов на отдельный мир, предложив им треть всего сбора фиников, получаемого Мединой. На это Саад ибн Моад, мужественный предводитель ауситов Медины, спросил его:

– Предлагаешь ли ты это нам по повелению Аллаха или от себя?

– Если б это было повеление Аллаха, – возразил Магомет, – то я не стал бы спрашивать вашего совета. Я вижу, как неприятель теснит нас со всех сторон, и ищу средства нарушить их союз.

– О пророк Бога! – воскликнул Саад, – когда мы были идолопоклонниками, они получали наши финики, платя за них, и неужели же мы станем им давать их теперь даром, став правоверными и имея тебя руководителем? Нет, клянусь Аллахом! Если им нужны наши финики, пусть добывают они их своими саблями.

Мужественному Сааду пришлось вскоре доказать свою храбрость на деле. Отряд конных курайшитов, в числе которых были Акрема, сын Абу Джала, и Амру, дядя первой жены Магомета, Хадиджи, нашли место, где ров был узок, и им удалось, пришпорив коней, перескочить через него; за ними последовало несколько воинов. Тогда они начали вызывать храбрейших мусульман на единоборство. Вызов приняли Саад ибн Моад, Али и несколько товарищей их. Али вступил в единоборство с Амру; они сражались и на конях, и пешие, схватились и повалились на землю, причем Али оказался победителем и убил своего врага. Общая борьба была очень упорна; много оказалось убитых с обеих сторон, а Саад ибн Моад был сильно ранен. Наконец, курайшиты отступили и пришпорили своих лошадей, чтоб перескочить через ров. Конь одного из них, Навфала ибн Абдаллаха, не перескочил рва, и град камней посыпался на всадника, пока он находился во рву; тогда он, обратившись к мусульманам, стал вызывать их напасть на него с более благородным оружием. Мгновенно Али соскочил в ров, и вскоре Навфал пал под ударами его сабли. Затем Али

присоединился к своим товарищам, преследовавшим бегущего врага, и ранил Акрему дротиком. Эта стычка получила название «битвы при Моате».

Магомет, все еще не решаясь вступить в открытый бой, послал Русима, араба из племени гатафанитов, тайно обратившегося в ислам, осмотреть лагерь неприятелей и искусно посеять между ними раздор. Русим сперва отправился к кораидитам, с которыми был в старинной дружбе. «Не безумие ли, — сказал он им, — дать вовлечь себя в ссору мекканских курайшитов между собой? Обдумайте, насколько ваше положение иное, чем их! Потерпев поражение, им стоит только удалиться в Мекку, и там они будут в безопасности. Их союзники в пустыне тоже удалятся в свои отдаленные родные места и предоставят вас одних в жертву мести Магомета и жителей Медины. Итак, прежде чем вступить с ними в общий бой, пусть они поручатся и дадут залог, что не отступят до тех пор, пока не сломят власть Магомета».

Затем он отправился к курайшитам и гатафанитам и предостерегал их доверяться евреям-кораидитам, обвиняя их в намерении взять от них заложников и передать их в руки Магомета.

Раздор, так искусно посеянный между союзниками, вскоре возымел надлежащее действие. Абу Софиан в пятницу вечером дал знать евреям, чтоб они на следующий день были готовы к общей атаке. Евреи отвечали, что следующий день есть день субботний, когда им нельзя принимать участия в битве; в то же время они отказались помогать им в военных действиях, пока их союзники не дадут им заложников в доказательство того, что до конца они будут действовать заодно.

Курайшиты и гатафаниты были теперь убеждены в измене кораидитов и не решались на предложенную атаку, опасаясь, чтоб те не напали на них сзади. Пока они бездействовали в своем лагере, налетела холодная буря со стороны пустыни, с сильным дождем и страшными порывами ветра. Их палатки были снесены, сторожевые огни потушены, и среди этого переполоха вдруг пронесся слух, что буря

эта явилась по волшебству Магомета, который со своим войском идет против них. На всех напал панический страх, и произошло всеобщее смятение. Абу Софиан, видя, что все усилия водворить порядок тщетны, сел с отчаяния на своего верблюда и подал знак к отступлению. Союзники поспешили удалиться с этого поля ужаса и беспорядка, причем курайшиты направились к Мекке, а остальные – к себе в пустыню.

Абу Софиан, полный ярости и огорчения, написал Магомету письмо, обвиняя его в том, что он трусливо прятался за рвом, – вещь, неслыханная в арабских военных действиях, – и грозя отомстить ему со временем, когда они встретятся в открытом поле, как в Ухудской битве. Магомет отвечал ему вызовом, предсказывая, что близок день, когда он вдребезги разобьет курайшитских идолов.

По удалении врагов Магомет решил ответить кораидитам, которые, запершись в своих укреплениях, противостояли осаде в течение нескольких дней; наконец, вынужденные голодом, они решились обратиться к посредничеству их давнишних друзей и покровителей – ауситов. Последние просили пророка даровать евреям те же условия, какие он некогда поставил кайнокам по просьбе хазрадита Абдаллаха. Магомет подумал с минуту и предложил предоставить их участь решению Саада ибн Моада, главы ауситов. Кораидиты, зная, что он некогда был их другом, радостно согласились. В силу этого они сдались в количестве семисот человек и, закованные в цепи, отведены были в Медину. К несчастью для них, Саад считал их изменнический союз с неприятелем за причину недавнего поражения. Он все еще страдал от раны, полученной в битве при Моате, и в минуты особенно сильных болей и гнева он постоянно молил о том, чтоб при своей жизни успеть отомстить кораидитам. Таково было его настроение, когда ему предложено было решить их участь.

Саад был человек толстый, полнокровный; его с трудом посадили на осла, подложили под него кожаную подушку и поддерживали все время на седле, пока он не доехал до

места. Прежде чем войти в судилище, он от всех присутствующих потребовал клятвы в том, что они подчинятся его решению. Евреи радостно согласились в ожидании благоприятных результатов. Но едва ввели его в суд, как он, протянув руку, присудил, чтоб мужчины были казнены, их жены и дети отданы в рабство, а их имущество распределено между победителями.

Несчастные евреи были поражены ужасом; но решение это было окончательное. Их отвели на площадь, прозванную с тех пор «рынком кораидитов», где вырыты были громадные могилы, куда их заставили спуститься, и там, одного за другим, казнили, причем не сделали исключения и для князя их, Хоай ибн Ахтаба. Так вполне исполнилось желание Саада ибн Моада отомстить кораидитам: он присутствовал при казни людей, осужденных им; но возмущение его было так сильно, что рана открылась, и он умер вскоре после того.

В укреплении Кораида было найдено значительное количество пик, копий, шлемов и другого вооружения, а на полях паслось громадное количество овец, лошадей и верблюдов. При дележе принято было за правило, чтоб каждый пеший воин получал один жребий, а каждый конный – три: два для своего коня и один для себя. Пятая часть всей добычи была предварительно отделена пророку.

Драгоценнее всего в этой добыче была, в глазах Магомета, Рехана, дочь Симеона, богатого и могущественного еврея, и самая красивая женщина во всем племени. Он взял ее себе и, обратив в свою веру, женился на ней.

Но, неравнодушный к прелестям еврейских женщин, Магомет становился все более неумолим в своей ненависти к евреям, нимало не доверяя их договорам и подозревая их в самых коварных замыслах на его жизнь. Мусульманские писатели приписывают чарам еврейских колдунов продолжительную и мучительную болезнь, от которой Магомет страдал в это время; болезнь эта не поддавалась никаким лекарствам. Они описывают даже, какими чарами этот недуг был вызван. По их словам, еврейский колдун, живший в

горах, проделал их при помощи своих дочерей, тоже опытных в этом дьявольском искусстве. Они приготовили маленькую восковую фигурку Магомета, обвили ее его волосами и воткнули в нее одиннадцать иголок. Затем они сделали одиннадцать узлов на тетиве, дуя на каждый узел; обмотали тетивой фигуру Магомета и бросили все в колодец.

Под влиянием этих могущественных чар Магомет стал сохнуть, пока его друг, ангел Гавриил, не открыл ему в видении эту тайну. Проснувшись, он послал Али к колодцу, где восковая фигурка и была найдена. Когда ее принесли к Магомету, он, по словам той же легенды, произнес над ней две последние главы Корана, сообщенные ему в недавнем видении. Главы эти состоят из одиннадцати стихов:

«Во имя милосердного Бога! Я полечу искать убежища у
Господа, создавшего свет дня,
Дабы Он спас меня от опасности, грозящей мне от существ и предметов, созданных Им;
От опасности мрачной ночи и луны во время затмения;
От опасности со стороны колдунов, завязывающих узлы и дующих на них;
От опасности завистников, замышляющих смертоносное зло.
Я буду искать убежища у Аллаха, Владыки людей,
У Аллаха, царя людей,
У Аллаха, Бога людей,
Дабы Он освободил меня от злого духа, исчезающего при упоминании святого имени Аллаха;
От злого духа, влагающего злые помыслы в сердца сынов человеческих;
И от злых гениев и людей, занимающихся волшебством».

По мере того как он читал эти стихи, один узел тетивы за другим распускался, одна игла за другой выпадала и здоровье возвращалось к Магомету. Под конец одиннадцатого стиха он встал здоровый и сильный, подобно человеку,

приобретшему свободу, после того как с него спали опутывавшие его веревки.

Две заключительные главы Корана, в которых находят-ся эти стихи, называются амулетами, и суеверные мусульмане признают, что они действительны против заговоров и волшебных чар.

Поведение Магомета в деле, которое рассказано в этой главе, признается двусмысленным, не свойственным человеку сильному, обладающему военной решимостью и истинным величием духа; и в подтверждение этих обвинений приводятся следующие обстоятельства. Когда извне ему грозила сила и измена среди своих, он стремился подкупить часть союзных неприятелей к отдельному миру, но тут его хитрая политика некоторым образом разбивалась о негодование Саад ибн Моада, но вслед за тем он прибегает к средству, еще более вероломному и хитрому, с помощью которого он поселяет раздор среди своих врагов. Но больше всего вызывает негодование его отношение к евреям. Жестоким издевательством было то, что он передал просьбы кораидитов о помиловании на решение человека, который стоял за их истребление, что пророку было хорошо известно, а избиение этих несчастных на рынке Медины признается одною из самых мрачных страниц в его истории. Действительно, его поведение по отношению к евреям, с тех пор как власть попала в его руки, составляет исключение из общего характера его отношений, отличавшихся человечностью и прощением. Может быть, он особенно был восстановлен против них, имея явные доказательства их измены и смертельной злобы, но тем не менее в этом, как и в других частях его политики этого времени, ясно сказывается примесь дурных человеческих сторон, унижавших иногда его дух с того момента, как он стал апостолом меча.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Магомет отправляется на богомолье в Мекку и ускользает от Халида и конных воинов, высланных против него. Располагается лагерем вблизи Мекки. Входит в переговоры с курайшитами, испрашивая у них разрешение войти в Мекку для поклонения. Договор, заключенный на десять лет, в силу которого ему дозволяется ежегодно посещать Мекку на три дня. Возвращение его в Медину

Прошло шесть лет со времени бегства Магомета из Мекки. Так как арабы считали этот город священным и главным местом поклонения, то продолжительное изгнание из него и открытая вражда к курайшитами, на обязанности которых лежало охранение Каабы, сильно вредили Магомету в глазах многих племен и задерживали распространение его учения. К тому же люди, сопровождавшие его в изгнание, сильно тосковали по родным местам, и в силу этого являлось опасение, что их вера ослабеет, если изгнание будет еще долго продолжаться.

Магомет все больше сознавал, насколько важно примирить священный город с его религией и сохранить древние обычаи его племени, тем более, что он выдавал себя только за преобразователя, явившегося восстановить древнюю веру патриархов в ее первоначальной простоте и чистоте. Приближался месяц джужкада – месяц богомолья, прекращения всех военных действий, когда и враги могли мирно встречаться в пределах священных границ. Случившееся в это время видение убедило Магомета, что он и его последователи могут, вверившись этому почтенному обычаю, посетить древнее место поклонения арабов. Это откровение было радостно встречено его последователями, и в священный месяц он выступил из Медины на богомолье во главе тысячи четырехсот человек, отчасти мухаджиров или,

изгнанников, отчасти ансаров, его союзников. Они взяли с собой семьдесят верблюдов, чтоб принести их в жертву при Каабе. Желая явно заявить о том, что они идут с миром, а не с войной, они сделали стоянку в деревне Дсу-Хулейфе, находившейся на расстоянии дневного пути от Медины, где они сняли с себя все оружие, кроме сабель, вложенных в ножны, и продолжали отсюда свой путь в одежде пилигримов.

Тем временем смутный слух об этом движении распространился в Мекке. Курайшиты, подозревая враждебные намерения, выслали Халида ибн ал-Валида с значительной конницей, чтобы занять долину на расстоянии двухдневного пути от Мекки и тем преградить дорогу мусульманам.

Магомет, узнав, что главный путь прегражден, пошел в обход по ущельям гор и, обойдя Халида с его войском, спустился в долину близ Мекки и расположился лагерем у Ходейры, в пределах священных границ. Отсюда он послал курайшитам уверения в своих мирных намерениях и требовал себе льгот и прав, существующих для богомольцев.

Посланные со стороны курайшитов посетили лагерь, чтоб сделать надлежащие наблюдения. Они поражены были тем уважением, с каким последователи относились к Магомету. Вода, которой он совершал омовение, считалась священной; волосы, упавшие с его головы, или обрезки его ногтей хранились как драгоценные святыни. Один из посланных во время разговора нечаянно коснулся развевающейся бороды пророка; немедленно ученики оттолкнули его, предостерегая, чтоб он не позволил себе впредь такого нечестивого поступка. По возвращении он, передавая об этом курайшитам, сказал: «Я видел персидского царя и константинопольского императора среди их придворных, но я никогда еще не встречал монарха, которого подданные чтили бы так, как последователи чтут Магомета».

Курайшиты стали еще менее расположены допустить в свой город грозного противника их веры, когда узнали, какое громадное влияние он имеет на умы и сердца своих соплеменников. Магомет посылал все новых посредников, чтоб получить безопасный доступ к священной Каабе, но тщетно; Осман ибн аль-Аффан, его зять, был последним посланным. Прошло

несколько дней; он не возвращался, и разнесся слух, что он убит. Магомет решил отомстить за его смерть. Стоя под сенью дерева и собрав вокруг себя свой народ, он потребовал с него клятву, что он будет защищать его даже ценою жизни и никогда не покинет знамени правоверия. Эта церемония известна у магометан как внезапное посвящение.

Возвращение Османа в лагерь успокоило умы. Его сопровождал Солхаил, посланный курайшитами для заключения мира. Курайшиты поняли, как неблагоразумно воевать с человеком, власть которого постоянно возрастала и которому повиновались с такой фанатичной преданностью. Предложенный договор был заключен на десять лет; в течение этого времени Магомет и его последователи получили свободный доступ в Мекку как богомольцы и могли каждый раз оставаться там по три дня для исполнения религиозных обрядов. Условия эти были охотно приняты, и изложить их поручено было Али. Магомет диктовал ему. «Пиши, – сказал он, – таковы условия мира, составленные Магометом, апостолом Бога». – «Стой, – воскликнул посланник Солхаил, – если бы я верил, что ты – апостол Бога, я никогда не поднимал бы против тебя оружия! Поэтому просто пиши твое имя и отчество». Магомет вынужден был согласиться, чувствуя себя недостаточно сильным, чтоб препираться из-за формы, и в договоре, таким образом, просто значилось: «Магомет ибн Абдаллах» (Магомет, сын Абдаллаха), что несколько смутило его последователей. Их недовольство еще больше усилилось, когда он велел им обрить себе головы и принести тут же в жертву верблюдов, приведенных для жертвоприношений при Каабе; это указывало, что он не намерен вступать в Мекку, так как эти обряды обыкновенно исполнялись в заключение церемонии богомолья. Они напомнили ему о видении, обещавшем свободное посещение священного города; но он возразил, что настоящий договор равносителен посещению, которое, наверное, произойдет в будущем году. Вынужденные удовольствоваться этим объяснением и выполнив эти обряды и предписанные жертвоприношения, они сняли лагерь и, несколько разочарованные и унылые, вернулись в Медину.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Экспедиции против города Кхаибара; осада его. Подвиги начальников Магомета. Битва Али и Мархаба. Штурм цитадели. Али пользуется воротами как щитом. Взятие крепости. Отравление Магомета. Он женится на пленнице Сафии и на вдове Омм-Хабибе

Чтоб вознаградить своих последователей за то, что им не удалось выполнить все религиозные обряды и посетить Мекку, Магомет немедленно предпринял экспедицию, чтобы удовлетворить их страсть к грабежу, которая столь же сильно приковывала их к его знамени, как и религиозный фанатизм.

На расстоянии почти пятидневного пути на северо-восток от Медины находился город Кхаибар с принадлежащими ему землями. Его населяли евреи, обогатившиеся как торговлей, так и земледелием. Их богатые владения частью засеивались хлебным зерном, а частью находились под рощами пальмовых деревьев или же обращены были в луга, на которых паслись стада и табуны; укреплениями служили им несколько замков. Так почтенна была их древность, что Абульфеда, арабский историк, утверждает, будто бы Моисей по переходе через Чермное море послал войско против амалекитян, населявших Ясриб (Медину) и укрепленный город Кхаибар.

Область эта стала убежищем для враждебных евреев, изгнанных Магометом из Медины и ее окрестностей, равно как и для всех опасавшихся его мести. Эти обстоятельства, вместе с богатством Кхаибара, указывали на него как на вполне подходящую цель для войны, которую Магомет объявил против всех врагов ислама.

В начале седьмого года хиджры он предпринял экспедицию против Кхаибара, находясь во главе тысячи двухсот

пехотинцев и двухсот всадников; его сопровождали Абу Бакр, Али, Омар и другие главные его военачальники. У него было два знамени: одно с изображением солнца, а другое – черного орла; это второе стало впоследствии знаменито как знамя Кхаледа.

Вступив на богатую территорию Кхаибара, Магомет начал свои военные действия с осады второстепенных замков, рассеянных по всей области. Некоторые из них сдавались без всякого сопротивления; в этих случаях они считались «дарами Бога» и вся добыча поступала пророку для употребления им на цели, выше уже упомянутые. Другие крепости, более сильные и защищаемые мужественными людьми, приходилось брать штурмом.

Овладев этими второстепенными крепостями, Магомет направился к городу Кхаибару. Он был сильно защищен окопами и крепостью ал-Камус, построенной на крутой скале и считавшейся до того неприступной, что Кенан ибн ал-Раби, глава или царь этого народа, сделал ее складом всех своих сокровищ.

Осада этого города была самым важным из всех военных подвигов, предпринятых до тех пор Магометом. Когда Магомет в первый раз увидел толстые и прочные стены города и эту крепость, возвышавшуюся на скале, он, говорят, обратился со следующей молитвой:

«О Аллах! Владыка семи небес и всего, ими осеняемого! Владыка семи земель и всего, ими произрастаемого! Владыка злых духов и всех, кого они свращают с истинного пути! Владыка ветров и всего, что они разбрасывают и рассеивают! Мы умоляем Тебя передать в наши руки этот город со всем, что он содержит, и со всеми богатствами его земель. К Тебе обращаемся мы за помощью против этого народа и за защитой от всех напастей, окружающих нас».

Чтобы придать больше торжественности своим молениям, он избрал для них высокий утес на каменистом месте, называемом Мансела, и все время, пока продолжалась осада Кхаибара, он ежедневно семь раз обходил вокруг утеса, как принято это делать вокруг Каабы. Впоследствии на

этом утесе была воздвигнута мечеть, и она стала предметом почитания всех набожных мусульман.

Осада крепости продолжалась несколько времени, изощряя ловкость и терпение Магомета и его войска, мало привычного к нападениям на укрепления. Оно к тому же страдало от недостатка провианта, так как арабы в своих быстрых набегах редко запасаются жизненными припасами; евреи же при их приближении опустошили поля и срубили пальмовые деревья вокруг своего города.

Магомет лично руководил атакой; осаждающие, защитившись траншеями, пускали в ход тараны для разбития стен; наконец, они проделали брешь, но в течение нескольких дней все попытки проникнуть в город были энергично отражены. Одно время приступ повел Абу Бакр, неся знамя пророка; хотя он сражался очень храбро, но тем не менее принужден был отступить. Следующую атаку повел Омар ибн Кхаитаб; он дрался до самой ночи, но безуспешно. Третьей атакой руководил Али, которого Магомет вооружил своей саблей, называемой резакон. Вручая ему священное знамя, он назвал его «человеком, любящим Бога и Его пророка, и которого любят Бог и Его пророк. Человеком, не ведающим страха и никогда не поворачивающимся спиной к неприятелю».

Здесь уместно дать характеристику личности Али, основываясь на предании. Он был среднего роста, но крепок, плотен и замечательной силы. Лицо у него было улыбающееся, необыкновенно цветущее, окаймленное густой бородой. Отличался он веселым нравом, острым умом и религиозным рвением, а за свою неустрашимую храбрость прозван был «Львом Бога».

Арабские писатели любят с особенными преувеличениями рассказывать о подвигах своего излюбленного героя при Кхаибаре. По их словам, на нем была ярко-красная одежда, а поверх ее – стальная кираса (панцирь). Взобравшись с товарищами на высокую грудку камней и щепня напролом, он на вершине ее водрузил свое знамя, решив не отступать, пока крепость не будет взята. Евреи

выступили, чтоб прогнать осаждающих. В стычке Али сцепился с еврейским начальником ал-Харетом и убил его. Брат убитого вышел, чтоб отомстить за его смерть. Он был гигантского телосложения, имел двойную кирасу, двойная чалма обмотана была вокруг его непробиваемого шлема, и спереди красовался громадный бриллиант. С каждой стороны у него висело по сабле, и он махал копьём о трех остриях, как бы трезубцем. Воины оглядели друг друга и обменялись хвастливыми словами в восточном духе.

«Я, Мархаб, – сказал еврей, – вооружен со всех сторон и страшен в битве».

«А я, Али, которого мать, рожая, назвала ал-Хаидаром» (Рычащим львом).

Мусульманские писатели быстро кончают с еврейским бойцом. Он напал на Али со своим копьём о трех остриях, но был ловко отражен, и прежде чем успел прийти в себя, удар, нанесенный палашом Джуль-Факар, рассек надвое щит, прорезал шлем, двойную чалму и здоровый череп. Гигантская фигура, безжизненная, пала на землю.

После этого евреи укрылись в крепости, и началась общая атака. В пылу битвы щит Али был сорван, и тело его оказалось ничем не защищенным; схватив тогда ворота, он снял их с петель и употреблял их как щит во все остальное время битвы. Абу Раф, слуга Магомета, подтверждает этот факт: «Я рассматривал эти ворота вместе с семью товарищами, и мы, восемь человек, не могли поднять их»^{*}.

Взяв крепость, магометане осмотрели все подвалы и башни, чтобы найти те богатства, которые, предполагали они, скрыты были здесь Кенаном, еврейским князем, но ничего не нашли. Тогда Магомет спросил у Кенана, куда он

^{*} Этот невероятный факт приводится историком Абульфедой (гл. 24). «Абу Раф, – замечает Гиббон, – был свидетелем-очевидцем, но кто может быть свидетелем справедливости Абу Рафа?» Мы присоединяемся к сомнению почтенного историка, но, тем не менее, если относиться недоверчиво к свидетельству очевидцев, то что останется нам от истории?

спрятал свои сокровища? Еврей отвечал, что все они ушли на содержание войск и на приготовления к защите, но один из его неверных подданных открыл место, где спрятаны были значительные сокровища. Так как они не удовлетворили ожиданий, то Кенан предан был на жертву мести одного мусульманина, брат которого убит был куском жернова, брошенного им со стены. Мусульманин этот одним ударом сабли отрубил ему голову*.

Находясь в крепости Кхаибар, Магомет едва не пал жертвой мести евреев. Когда он попросил приготовить ему мясо на обед, ему подали баранью лопатку. Откусив от нее кусок, он почувствовал странный вкус и выплюнул кусок, но тотчас же ощутил мучительную боль в желудке. Один из его последователей, по имени Базхар, который ел, ничего не замечая, упал и умер в судорогах.

Все смутились и ужаснулись; после тщательного дознания выяснилось, что баранину эту жарила пленница Зайнаб, племянница Мархаба, гиганта, убитого Али. Когда ее привели к Магомету, обвиняя в том, что она подложила яда к мясу, она смело призналась в этом и объяснила желанием справедливо отомстить Магомету за то зло, которое он причинил ее племени и семье. «Я думала, — сказала она, — что если ты — истинный пророк, то заранее откроешь грозящую тебе опасность; если же ты только обманщик, то погибнешь и мы освободились бы от тирана».

Арабские писатели высказываются различно относительно участи, постигшей эту героиню. По словам одних, ее предали мести родственников Базхара, умершего от яда; по словам же других, ее красота пленила Магомета, и он возвратил ее семье.

Те же писатели редко передают о каком бы то ни было выдающемся эпизоде из жизни Магомета без того, чтоб не

* Евреи, населявшие область, называемую Кхаибар, известны и теперь под именем бен-Кхаибар. Они разделяются на три племени, под главенством трех шейхов: бен-Мессиад, бен-Шахан и бен-Анесс. Их обвиняют в том, что они грабят караваны (*Нубур*. Ч. II. С. 43).

присоединить к этому рассказу чего-нибудь чудесного. Так и в данном случае они уверяют, что отравленная лопатка барана получила дар слова и предостерегала Магомета от грозившей опасности, но очевидно, что дар слова этот появился несколько поздно, так как Магомет успел проглотить столько яда, что отравился на всю жизнь и часто страдал от припадков сильной боли; даже в последние минуты жизни он жаловался на то, что его сердце усиленно бьется, отравленное кхаибарским ядом.

Более нежно отнеслась к нему другая пленница, Сафия, у которой были еще более веские основания для мести, чем у Зайнаб; она только что вышла замуж за Кенана, преданного смерти за свои богатства, и была дочерью Хойа ибн Акхтаба, князя кораидитов, казненного с семьянами подданными на площади Медины, о чем мы выше рассказали.

Сафия отличалась замечательной красотой, поэтому неудивительно, что она тотчас же заслужила благоволение Магомета, который, по обыкновению, пожелал присоединить ее к числу обитательниц своего гарема, но зато крайне странно, что она отнеслась благосклонно к такой участи. Мусульманские писатели объясняют это тем, что она будто бы подготовлена была к тому сверхестественным явлением.

Когда Магомет стоял лагерем перед городом, осаждая его, ей ночью привиделось, будто солнце спустилось с неба и скрылось в ее чреве. Когда она утром рассказала об этом видении мужу своему, Кенану, тот, ударив ее по лицу, воскликнул: «Женщина! Почему ты иносказательно говоришь об этом арабском вожде, явившемся воевать с нами?»

Видение Сафии оправдалось, так как Магомет с возможной поспешностью обратил ее в ислам и, прежде чем покинуть Кхаибар, взял ее себе в жены. Их брачный пир совершился во время обратного пути в ал-Сахбе, где армия останавливалась на три дня. Абу Айюб, один из самых горячих последователей пророка, заведовавший его домашним хозяйством, всю ночь охранял с саблей в руке брачную палатку. Сафия была одной из наиболее любимых жен Магомета и после его смерти прожила вдовой сорок лет.

Кроме упомянутых нами браков по любви, Магомет около этого времени женился еще из политического расчета. Вскоре по возвращении в Медину он был обрадован тем, что из Абиссинии вернулись остальные беглецы, когда-то искавшие там убежище. В числе их была красивая вдова, муж которой, Абдаллах, умер в изгнании. Она вообще известна была под именем Омм-Хабибы, мать Хабибы, по дочери, которую она произвела на свет. Отец этой вдовы, Абу Софиан, был злейшим врагом Магомета, и пророк думал, что брак с дочерью смягчит вражду отца. Политическое соображение это, как говорят, было или внушено, или подтверждено откровением, составляющим одну из глав Корана.

Когда Абу Софиан услышал об этой женитьбе Магомета, он воскликнул: «Клянусь небом, этот верблюд так ловок, что никакой уздой не уловишь его!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Отправка посольств к разным правителям: к Ираклию, к Хосрофу II, к египетскому наместнику. Результаты посольств

Всю остальную часть года Магомет оставался в Медине и рассылал своих верных учеников, уже в то время опытных военачальников, в различные военные экспедиции, благодаря которым непокорные племена довольно быстро принуждены были признать его власть. Его взгляды как государственного человека расширялись по мере того, как увеличивались размеры завоеванной им области. Хотя он и проповедовал, что в крайних случаях религию нужно распространять мечом, тем не менее он не пренебрегал мирными путями дипломатии и посылал представителей к различным князьям и царям, властвовавшим над областями, находившимися в пределах его политического горизонта, склоняя их принять ислам, что, в сущности, значило признать его, Магомета, своим главой в силу его божественного посланничества.

Самыми выдающимися из этих посольств были два: к Хосрофу II, шаху персидскому, и Ираклию, римскому императору, в Константинополь. Войны между римлянами и персами из-за обладания Востоком, нередко разгоравшиеся в течение многих последних столетий, велись и этими двумя правителями с переменным счастьем и несколько лет тревожили восточный мир. Различные страны терпели от нашествия то римлян, то персов; государства и царства переходили то под власть первых, то под власть вторых, смотря по тому, какая из воюющих сторон наносила поражение и являлась победительницей. В это время Хосроф с тремя армиями, из которых одна хвастливо называлась «пятьдесятю тысячами золотых пик», отвоевав у римского

императора Палестину, Каппадокию, Армению и несколько других обширных и богатых провинций, стал властителем Иерусалима и перенес святой крест в Персию. Не ограничиваясь этим, он направился в Африку, завоевал Ливию, Египет и распространил свои победы до Карфагена.

В разгар этих побед к нему явилось мусульманское посольство с письмом от Магомета. Хосроф послал за своим секретарем или переводчиком и велел ему читать письмо. Оно начиналось так:

«Во имя всеблагого Господа! От Магомета, сына Абдаллаха и апостола Бога, к Хосрофу, шаху персидскому».

«Что? – воскликнул Хосроф в порыве высокомерного негодования. – Неужели мой раб смеет ставить свое имя впереди моего?!» При этих словах он схватил письмо и изорвал его в клочки, не стараясь даже узнать его содержание.

Затем он написал свое письмо вице-королю в Йемен: «До сведения моего дошло, что в Медине есть сумасшедший из племени курайшитов, утверждающий, что он – пророк. Образумь его, а если это тебе невозможно, пришли его голову».

Магомет, услышав, что Хосроф изорвал его письмо, сказал: «Точно так же и Аллах заставит его царство распасться на клочки».

Письмо пророка к Ираклию встретило более сдержанный прием со стороны императора, вероятно, потому, что оно дошло до него в то время, когда судьба не благоприятствовала ему. Письмо это предлагало императору отказаться от христианства и принять ислам; на нем была подпись из серебряных букв: Магомет Аззарель, Магомет, Божий посланник. Ираклий, говоря, почтительно положил письмо на подушку, отнесся к посланным с особенным вниманием и отпустил их с великолепными подарками. Но, всецело поглощенный войнами с персами, он не обратил дальнейшего внимания на это послание от человека, которого он, вероятно, считал за простого фанатика-араба, не придавая особого значения его военным действиям, казавшимся ему хищническими набегами диких племен пустыни.

Кроме того, Магомет отправил послов и к Муковкису, правителю Египта, которого Ираклий послал сперва в эту

страну для сбора дани; но он, воспользовавшись неурядицей, царившей, из-за войн римлян с персами, присвоил себе верховную власть над этой страной, отвергнув почти всякую зависимость от ее императора. Он принял посольство с особенными почестями, но отклонился от прямого ответа на приглашение принять новую веру, заметив, что это вопрос очень важный, требующий серьезного обсуждения, и ограничился тем, что послал Магомету в подарок драгоценные камни, одежды из египетских льняных тканей, прелестного меда и масла, белую ослицу, называемую Иафур, белого мула, прозванного Далдал, и скакуна, по имени Лазлос, или «Взвивающийся на дыбы». Самым приятным даром были, однако, две коптские девушки – сестры Мария и Ширена.

Красота Марии сильно смутила пророка и заставила его задуматься. Он охотно взял бы ее себе в наложницы, но его собственный закон в семнадцатой главе Корана предписывал наказание плетью за прелюбодеяние.

Из этого затруднительного положения ему помогло выйти новое откровение, по которому закон этот не имел обязательного значения для пророка, ибо последнему дозволялись сношения даже с его служанкой, хотя для всех остальных мусульман прежний закон оставался в полной силе. Тем не менее, чтобы избежать скандала, а главным образом чтобы не вызывать ревности своих жен, Магомет продолжал втайне хранить свою связь с прелестной Марией, что отчасти послужило причиной того, что она долгое время пользовалась особенной его любовью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Путешествие Магомета в Мекку на поклонение Каабе. Его женитьба на Маимуне. Халид ибн ал-Валид и Амру ибн ал-Аас становятся его последователями.

Настало наконец время, когда в силу договора с курайшитами Магомету и его последователям дозволялось явиться в Мекку для поклонения и безопасно пробыть три дня у священной Каабы. Он не замедлил поэтому отправиться с многочисленной, хорошо вооруженной свитой и захватил семьдесят верблюдов для принесения их в жертву. Его давние враги охотно воспротивились бы этому появлению его, но они трусили и при его приближении потихоньку удалились на соседние холмы. Вступив в пределы Мекки, богомольцы, согласно договору и обычаю, сняли с себя все военные доспехи, за исключением только мечей, которые они носили вложенными в ножны.

Велика была их радость увидеть снова стены и башни священного города. Они вошли в ворота в одеянии богомольцев, и сердца их переполнились набожностью и благодарностью. Магомет выполнил все древние обычаи и обряды с таким рвением и благоговением, что пленил всех жителей и многих привлек к своей вере. Исполнив все церемонии, он снял с себя ихрам, или одежду пилигримов, и направился в Сариф, в деревушку, отстоявшую на шесть миль от Мекки и вне священных границ. Здесь ему предстояла другого рода церемония, и он непритворно поспешил выполнить ее с подобающим почтением. Церемонию эту составлял его брак с Маимуной, дочерью хилалита ал-Харета. Он сосватал ее немедленно по прибытии в Мекку, но отложил свадьбу, желая предварительно выполнить все обряды богомолья. Это был, бесспорно, его второй брак из политических расчетов, потому что Маимуна была вдова и

притом пятидесяти одного года, но этим браком он приобрел двух могущественных прозелитов. Во-первых, Халида ибн ал-Валида, племянника вдовы, неустрашимого воина, едва не разбившего Магомета в битве при Ухуде. Он стал одним из самых победоносных бойцов в рядах приверженцев ислама и за свою храбрость прозван был «Саблей Божией».

Другой прозелит был друг Халида, Амру ибн ал-Аас; он, как мы уже упоминали, в начале пророческой деятельности Магомета осыпал его сатирами и язвительными стихами; затем послан был курайшитами к абиссинскому царю, чтобы убедить его выдать им бежавших мусульман; но отныне ему предстояло победоносно мечом вносить в чужие страны ту веру, которую он некогда так ревностно преследовал.

Примечание. Маимуна была последней женой пророка и хотя вышла за него уже в преклонных годах, тем не менее пережила всех его жен. Она умерла много лет спустя после смерти Магомета под тем же деревом, в тени которого раскинута была их брачная палатка, и была там же похоронена. Набожный историк, ал-Джаннаби, именующий себя «жалким слугой Аллаха, надеющимся на прощение милосердного Бога», посетил ее могилу, возвращаясь из Мекки с богомолья в 963 году хиджры, то есть в 1585 году по Р. Х. «Я видел там, – говорит он, – черный мраморный памятник, воздвигнутый на том самом месте, где апостол Божий возлежал с ней. Богу ведома правда, а также и то, почему этот памятник черного цвета. Служил ли он некогда местом омовения или моленной, я не знаю, но, во всяком случае, он пришел в упадок».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Убийство мусульманского посла в Сирии. Экспедиция, предпринятая с целью отомстить за его смерть. Битва при Муте. Ее результаты.

Магомет отправлял много посольств за пределы Аравии, приглашая соседних князей принять его религию; между прочим, было отправлено посольство и к правителю Босры, обширного торгового центра, пограничного с Сирией, куда Магомет в молодости провожал первый караван. Сирия находилась попеременно то под властью римлян, то под властью персов, но в это время она была подчинена римскому императору, хотя, по всем данным, владычество его было крайне ненадежно. Посол Магомета был убит в городе Муте, отстоявшем к востоку от Иерусалима на расстоянии почти трехдневного пути. Убил его араб из христианского племени Гассана, сын эмира Шорхаила, наместника Иракия.

Желая отомстить за убийство своего посла и обеспечить на будущее время безопасность другим послам, Магомет приготовился отправить трехтысячную армию против провинившегося города. Это была очень важная экспедиция, потому что тут впервые оружие ислама приходило в столкновение с оружием Римской империи; но Магомет рассчитывал на свое возрастающее могущество, на энергию своего войска и на плохое состояние сирийских дел. Командование войском вверено было вольноотпущеннику Зайду, который вполне доказал свою преданность Магомету, уступив ему свою красавицу-жену Зайнаб. Многие выдающиеся военачальники присоединились к нему. Один из них был двоюродный брат Магомета, Джафар, сын Абу Талиба и брат Али, тот самый, который своей красноречивой защитой ислама перед абиссинским царем отразил домога-

тельство курайшитского посольства. Он был еще очень молод и отличался замечательной храбростью и мужественной красотой. Другой присоединившийся военачальник был Абдаллах ибн Каваха, поэт, одинаково прославившийся как в боях, так и в поэзии. Третий был новообращенный Халид, присоединившийся к экспедиции волонтером, желая доказать мечом искренность своего обращения.

Зайд получил приказание двигаться быстро, так, чтобы прийти в Муту неожиданно, потребовать от жителей присоединения к исламу и относиться к ним снисходительно. Женщин, детей, монахов и слепых приказано было во всяком случае щадить; запрещено было также разрушать дома и рубить деревья.

Маленькая армия вышла из Медины в полной уверенности, что нападет на врага неожиданно. Будучи уже в походе, она узнала, однако, что превосходящие силы римлян или, вернее, греков и арабов двигаются ей навстречу. Был созван военный совет. Некоторые были за то, чтобы остановиться и ждать дальнейших приказаний Магомета, но поэт Абдаллах требовал смело и бестрепетно идти вперед, невзирая на многочисленность врага. «Мы сражаемся за веру! – воскликнул он. – Если мы падем, рай будет нам наградой. Итак, к победе или к мученичеству!»

Все воспламенились искрой огня поэта или, скорее, его религиозным фанатизмом. Они встретились с врагом недалеко от Муты и сразились с ним скорей яростно, чем доблестно. Зайд получил смертельную рану в этой горячей схватке, так что священное знамя выпало у него из рук, но было подхвачено и поднято кверху Джафаром. Вокруг него завязалась бешеная борьба из-за знамени; Джафар защищал его с отчаянной храбростью. Потеряв кисть одной руки, он стал держать его другой; когда же кисть и этой руки была отсечена, он сжал его окровавленными остатками рук; наконец, когда удар палашом рассек ему череп, он пал на землю, все еще не выпуская знамени веры. Его заменил поэт Абдаллах, но и он вскоре пал под ударом меча. Новообращенный Халид, видя смерть трех мусульманских предводителей,

схватил в свою очередь роковое знамя, и из его руки оно уже не выпало. Голос его ободрил колеблющихся мусульман, а могучее оружие его проложило ему путь сквозь густую толпу неприятелей. Если собственный рассказ его заслуживает доверия, — а он был из числа тех, подвиги которых не нуждаются в преувеличении, — то девять палашей сломались в его руках от ударов, наносимых им в этой убийственной борьбе.

Ночь разлучила сражающихся. Наутро Халид, которого армия признала своим предводителем, оказался настолько же осмотрительным, насколько и доблестным. После различных переходов и маршей он появлялся со своими войсками в различных местах, что ввело неприятелей в заблуждение относительно количества его войск, и они предположили, что он получил сильное подкрепление. Поэтому при первой же атаке они отступили, и отступление их скоро перешло в бегство, причем мусульмане гнались за ними и убивали массами. Затем Халид разграбил их лагерь, в котором нашлось много добычи. Среди убитых на поле битвы был найден и Джафар, тело которого было в крови от ран. Из уважения к его храбрости и родству с пророком Халид приказал не зарывать его труп на месте битвы, а перенести в Медину для почетного погребения.

Хотя войско и возвратилось в город с большой добычей, но вступление его напоминало скорее похоронную процессию, чем триумфальное шествие, и было встречено одновременно и ликованием и слезами. В то время как народ радовался победе оружия, сами воины оплакивали смерть трех любимых своих полководцев. Все сожалели об участии Джафара, чей изуродованный труп был внесен в город, из которого он в гордом сознании своей силы недавно вышел на глазах любовавшихся им зрителей. После него остались красавица-жена и сын. Магомет был тронут их горем. Он взял на руки осиротевшего ребенка, и слезы полились из его глаз. Но волнение его еще больше увеличилось, когда он заметил приближение молодой дочери своего верного Зайда. К ней он бросился на шею и горько

заплакал. Кто-то из присутствующих выразил удивление, что он оплакивает смерть, которая, по мусульманскому учению, является только переходом в рай. «Увы! – отвечал пророк. – Это – слезы о потерянном друге!»

Хоронили Джафара на третий день по возвращении войска. Тут к Магомету вернулось его самообладание, и он стал опять прежним пророком. Он ласково порицал страстные рыдания толпы и воспользовался случаем, чтобы запечатлеть в душе каждого одно из самых поэтических и утешительных учений своей веры. «Не оплакивайте, – сказал он, – смерть этого брата моего. Взамен двух рук, потерянных им при защите знамени веры, он получил два крыла, чтобы вознестись в рай, где он будет наслаждаться бесконечными радостями, уготованными для всех верующих, павших на поле битвы».

За храбрость и военное мастерство, проявленные Халидом во время этой губительной битвы, Магомет дал ему почетное прозвище «Божий меч», которое и сохранилось за ним.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Виды на Мекку. Посольство Абу Софиана. Результаты посольства.

Магомет силою и своего оружия, и красноречия добился наконец господства над многими арабскими племенами. Под его начальством было теперь несколько тысяч воинов, сынов пустыни, привыкших к голоду, жажде и палящим лучам солнца, для которых война была скорее развлечением, чем трудом. Он укротил их необузданность, упорядочил их храбрость и подчинил их закону. Неоднократные победы внушили им веру в себя и в своего вождя, под знаменем которого они шли в сознании воинской дисциплины и с фанатизмом последователей пророка.

Планы Магомета расширились по мере увеличения его средств, и теперь в уме его зародилась мысль о великом предприятии. Мекка, его родной город, место, где жили несколько поколений его рода, где протекли и его счастливые годы, все еще находилась в руках его непримиримых врагов. Кааба, объект поклонения и цель, куда все сыны Измаила стекались на богомолье, в котором он молился с детства, все еще осквернялась изображениями и обрядами идолопоклонства. Водрузить знамя правоверия на стенах родного города, очистить священное место от богохульства, восстановить его для поклонения единому истинному Богу и сделать священным центром для сторонников ислама — вот что составляло теперь главную цель его честолюбия.

Мирный договор с курайшитами служил препятствием, из-за которого военное предприятие было немислимо. Несколько случайных столкновений и стычек дали, однако, повод к обвинению их в нарушении условия договора. Курайшиты между тем научились ценить и бояться быстро

возрастающего могущества мусульман и старались уладить ссоры и загладить проступки некоторых неосторожных лиц. Они даже убедили вождя своего, Абу Софиана, отправиться в Медину для мирных переговоров в надежде, что он может иметь некоторое влияние на пророка при посредстве дочери своей, Омм-Хабибы.

Для высокомерного вождя было тяжелым испытанием явиться в качестве едва ли не просителя к человеку, над которым он смеялся как над обманщиком и к которому относился с закоренелой злобой; но гордой душе его суждено было испытать еще большее оскорбление, так как Магомет, видя в этом посольстве доказательство слабости враждебной ему партии и тайно замышляя войну, не удостоил его даже ответом.

подавив в себе ярость, Абу Софиан искал посредничества у Абу Бакра, Омара и Али, но и они все грубо оттолкнули его, зная тайные желания Магомета. После этого он стал домогаться расположения Фатимы, дочери Магомета и жены Али, лстя ее материнскому самолюбию просьбой дозволить ее сыну, Хасану, шестилетнему мальчику, быть его заступником; но Фатима высокомерно ответила: «Сын мой слишком мал, чтобы покровительствовать, да и всякое покровительство бессильно против воли пророка Божия». Даже дочь его, Омм-Хабиба, жена Магомета, на влияние которой он рассчитывал, только прибавила лишнюю каплю огорчения, когда на выраженное им желание сесть на циновку в ее жилище она поспешно сложила ее, воскликнув: «Это – постель пророка Божия и слишком священна, чтобы служить сиденьем идолопоклоннику!»

Чаша унижения переполнилась, и Абу Софиан в озлоблении проклял свою дочь. Затем он снова вернулся к Али, умоляя его дать ему совет в его отчаянном положении.

– Вот лучший мой совет, – сказал Али: – Обещай, в качестве главы курайшитов, продолжение мирного договора и затем возвращайся домой.

– Но будет ли мое обещание иметь какое-нибудь значение?

– Не думаю, – отвечал Али, – но я не уверен в противном.

Следуя этому совету, Абу Софиан явился в мечеть и публично заявил от имени курайшитов, что мирный договор будет свято соблюдаться ими; затем он вернулся в Мекку, глубоко униженный неудачным результатом своего посольства. Курайшиты только смеялись над ним, замечая, что его провозглашение мира не имеет никакого значения без соответствующего заявления со стороны Магомета.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Нападение врасплох на Мекку и взятие ее.

Магомет готовился теперь к тайной экспедиции для неожиданного нападения на Мекку. Он созвал своих союзников со всех частей Медины, но даже не намекнул им на цель, которую имел в виду. Все пути в Мекку были преграждены, чтобы воспрепятствовать курайшитам получить какие-либо вести о предпринятом походе. Несмотря на все эти предосторожности, тайна едва не была обнаружена. В числе его последователей, бежавших из Мекки, был некто Хатеб, семья которого осталась там, не имея ни родственников, ни друзей, которые могли бы заботиться об ее благосостоянии. Теперь Хатеб задумал снять для нее благосклонность курайшитов, выдав им план Магомета. С этой целью он написал письмо, разоблачающее задуманное предприятие, и вручил его певице по имени Сара, рабыне хашимитке, которая взялась доставить его в Мекку.

Она была уже в пути, когда Магомет узнал об измене. Али с пятью другими всадниками на быстрых конях посланы были в погоню за певицей; вскоре они догнали ее, но, обыскав ее, не нашли ничего. Большинство из них думало было прекратить дальнейший обыск и вернуться обратно, но Али был уверен, что пророк не может ни ошибиться, ни поверить ложному донесению. Обнажив меч, он поклялся, что снесет женщине голову, если она не отдаст письма. Угроза оказалась действенной, и она вытащила письмо из-под волос.

Хатеб, обвиненный в измене, сознался, но оправдывался желанием обеспечить покровительство своему покинутому семейству и уверенностью, что письмо не принесет вреда и не помешает целям апостола Божия. Омар, не обращая внимания на его оправдания, готов был снести ему голову, но Магомет, вспомнив, что Хатеб храбро сражался

за торжество веры в битве при Бедере, внял его оправданию и простил его.

Магомет с десятью тысячами воинов выступил с целью выполнить это многозначительное предприятие. Омар, которому было поручено руководить движением и назначать места для привалов, повел армию пустынными горными проходами, запретив трубить и вообще издавать какие-либо звуки, которые могли бы выдать их движение. Когда они были уже в пути, к ним присоединился дядя Магомета, ал-Аббас, ушедший с семьей из Мекки, чтобы стать под знамя пророка. Магомет принял его милостиво, хотя и сделал намек на то, что он так долго медлил. «Ты – последний из бежавших, – сказал он, – как я – последний из пророков». Ал-Аббас послал свою семью в Медину, а сам пошел назад вместе с войском. Армия дошла, не обнаружив своего замысла, до долины Марр-Аззар, находящейся недалеко от священного города; тут ночью они бесшумно раскинули свои палатки, и Омар в первый раз позволил им зажечь бивачные огни.

Но ал-Аббас, хотя и вполне искренно присоединился к знамени веры, очень беспокоился, видя, с какой страшной силой и с какими злобными намерениями направляется его племянник к Мекке. Он боялся, что курайшиты будут истреблены окончательно, если он вовремя не успеет убедить их согласиться на капитуляцию. Поэтому, сев на белого мула, принадлежавшего Магомету, он к концу ночи отправился на рекогносцировку. У окраины лагеря он услышал людские шаги и звуки голосов. Оказалось, что разведчики вели к Омару двух пленных, захваченных недалеко от города. Ал-Аббас приблизился к ним и узнал в пленных Абу Софиана и одного из его военачальников. Омар при свете бивачного огня узнал Абу Софиана и воскликнул: «Хвала Богу, что в моих руках такой враг и что участь его безусловно зависит от меня!» Он занес саблю и уже готов был делом пояснить ужасное значение своих слов, но тут выступил ал-Аббас и взял пленника под свое покровительство до тех пор, пока сам пророк не решит его участь. Омар порывисто бросился было к Магомету, чтобы узнать его волю

или, вернее, чтобы выпросить дозволение распорядиться жизнью пленника, но ал-Аббас, захватив последнего с собой, пришпорил мула и первым достиг палатки пророка; вслед за ним явился и Омар, с криком требуя головы Абу Софиана.

Таким образом, Магомет держал в своих руках участь закоренелого своего врага, изгнавшего его из дома и из родного города, преследовавшего его семью и его друзей; но вместе с тем он был и отец жены его, Омм-Хабибы, и потому пророк склонялся к милости и отложил окончательное решение до утра, отдав Абу Софиана на поруки ал-Аббасу.

На другой день, когда к Магомету был приведен пленник, он сказал:

– Не пора ли уже и тебе, Абу Софиан, признать, что нет другого Бога, кроме Бога?

– Я уже знаю это! – возразил Абу Софиан.

– Хорошо! А разве не время тебе признать и меня апостолом Божиим?

– Ты мне дороже отца и матери, – сказал он, употребляя восточные выражения вежливости, – но я не готов еще признать тебя за пророка.

– Будь же ты проклят! – вскричал Омар. – Или тотчас же свидетельствуй истину, или иначе я снесу тебе голову с плеч!

Ал-Аббас, выказавший себя надежным другом Магомета в несчастье, присоединил к этим угрозам и свои советы и увещевания.

Злоба Абу Софиана была уже отчасти побеждена неожиданной кротостью Магомета; так что, подчиняясь законному требованию необходимости, он признал божественность его миссии, наглядно подтвердив верность мусульманского правила, что «для убеждения упорно неверующих лучшее доказательство – меч».

Обратившись в мусульманскую веру, Абу Софиан добился выгодных условий для жителей Мекки в случае их покорности. Ему было обещано не причинять вреда никому из тех, кто спокойно останется дома или укроется у Абу Софиана и Хакима или под знаменем Абу Раваихи.

Чтобы Абу Софиан мог дать городу настоящее понятие о силе идущей против него армии, его поставили вместе с

ал-Аббасом в узком ущелье, в котором и сделали смотр всему войску. Когда различные арабские племена проходили с разным оружием и со своими знаменами, ал-Аббас говорил Абу Софиану названия племени и страны. Этот последний был поражен количеством, дисциплиной и вооружением отрядов, так как мусульмане быстро усовершенствовались в способах и искусстве вести войну; когда же приблизился Магомет среди избранных телохранителей, вооруженных с головы до ног блестящей сталью, изумление его было безгранично.

— Клянусь, с ним бороться нельзя! — вскричал он, обращаясь к ал-Аббасу. — Действительно, племянник твой обладает великой силой.

— Это верно! — ответил тот. — Вернись же к своему народу, позаботься о его безопасности и предостереги его, чтобы он не сопротивлялся апостолу Бога.

Абу Софиан поспешно вернулся в Мекку и, собрав жителей, сказал им о приближении могучей рати под предводительством Магомета, о предложенных выгодных условиях в случае их покорности и о бесполезности какого бы то ни было сопротивления. Так как Абу Софиан был главным противником Магомета и его учения, то слова его имели решительное влияние, и все согласились покориться, не имея в данном случае иного выбора. Большинство жителей поэтому приготовилось покорно встретить пророка при его вступлении в город.

Между тем Магомет, не зная, какое сопротивление ему придется встретить, приближаясь к городу, позаботился о распределении своих сил. Главная часть войска шла прямо вперед, а сильные отряды продвигались с обеих сторон по холмам. Али, командовавшему значительным корпусом кавалерии, было вверено священное знамя, которое ему надлежало водрузить на горе Хаджун и там охранять его до прихода Магомета. Все военачальники получили формальное приказание действовать выжидательно и ни в коем случае не начинать атаку первыми, потому что искреннейшим желанием Магомета было победить Мекку терпением и милосердием, а не поработить ее силой. Правда, всех, кто

оказал бы вооруженное сопротивление, велено было побить, но зато сдавшимся миролюбиво велено было не наносить вреда. Услышав, как один из его военачальников воскликнул, что «нет места священного в день битвы», Магомет тотчас же заменил его более выдержанным.

Главный корпус армии продвигался совершенно спокойно. Магомет, в своей ярко-красной одежде, на любимом верблюде ал-Касва, был в арьергарде. Он продвигался медленно, потому что движение его задерживала громадная масса народа, толпившаяся вокруг него. Когда он прибыл на гору Хаджун, где Али водрузил знамя веры, для него раскинули палатку. Здесь он сошел на землю, снял свое яркое платье и заменил его черной чалмой и одеждой богомольца. Но, бросив взгляд на расстилавшуюся внизу долину, он с горечью и негодованием заметил блеск мечей и копий и происходившую страшную резню на левом крыле, которым командовал Халид. Его отряды, состоявшие из арабских племен, обращенных в ислам, были потревожены стрелами, пущенными курайшитами; в ответ на это пылкий воин вломился с мечом и копьем в самую середину позиций неприятеля, а за ним последовало и все войско. Они обратили курайшитов в бегство, беспорядочно вошли вместе с ними в городские ворота, и только быстрый приказ Магомета предохранил город от всеобщей резни.

Когда кровопролитие прекратилось и никакого дальнейшего сопротивления не оказалось, пророк спустился с горы и верхом на верблюде приблизился к воротам, имея по правую руку Абу Бакра, а сзади — Осаму, сына Зайда. Как раз при восходе солнца вступил он в ворота своего родного города — не как славный победитель, но в одежде и со смирением богомольца, произнося стихи Корана, в которых предсказывалось это событие и которые, по его словам, были открыты ему в Медине. Он торжествовал как религиозный фанатик, а не как воин. «Богу, — говорил он, — принадлежат воинства небесные и земные. Бог всемогущ и премудр. Ныне Бог подтвердил это в видении, сказав Своему апостолу, что он вполне безопасно вступит в священный храм Мекки».

Магомет, не слезая с верблюда, отправился прямо к Каабе, месту, где он молился с раннего детства, к тому священному алтарю, который чтили со времен патриархов и который он считал первоначальным храмом единого истинного Бога. Тут он семь раз обошел вокруг священного здания, как это требовалось религиозным обрядом, соблюдавшимся от древности, когда вера сохранялась в полной чистоте, и с чувством благоговения каждый раз дотрагивался своим посохом до «черного камня», почитаемого священным. Он бы вошел и в Каабу, но старый охранитель ее, Осман ибн Тадха, запер дверь. Али вырвал было у него ключи, но Магомет велел ему возвратить их почтенному служителю и так пленил последнего своею добротой, что тот не только отворил двери, но и принял затем ислам, благодаря чему остался на своем прежнем месте.

Теперь Магомет взялся за выполнение великой задачи своих религиозных стремлений – за очищение священного здания от символов идолопоклонства, которыми оно было наполнено. Все идолы, находившиеся внутри и вокруг него, были низвергнуты и истреблены. Между ними более всех почитался Хабал, идол, привезенный из Балки, из Сирии, про которого почитатели думали, что он имеет власть вызывать дождь. Вследствие этого он служил объектом величайшего поклонения для жителей безводной пустыни. Здесь были также статуи Авраама и Измаила с волшебными стрелами в руках. «Это оскорбляет их память, – сказал Магомет, – как символ дьявольского искусства, которым они никогда не занимались». Поэтому из уважения к праотцам статуи их были разрушены. В Каабе находились также и картины, изображавшие ангелов в образе красивых женщин. «Ангелы, – сказал с негодованием Магомет, – не таковы. Существуют в раю небесные гурии для наслаждения правоверных, но ангелы – духи, подначальные Всевышнему, которые по природе своей слишком чисты для того, чтобы иметь пол». Поэтому и картины эти были тоже уничтожены.

Даже голубь, искусно вырезанный из дерева, был сломан собственноручно пророком и брошен на землю как остаток идолопоклонства.

Из Каабы он отправился к колодцу Земзем. Колодец этот он считал святым, веря, что это был тот самый колодец, который ангел открыл Агари и Измаилу, когда они изнемогали от жажды. Связанный с ним обряд был, по мнению Магомета, чист и свят и сохранился у мусульман. Приблизясь к колодцу, пророк получил от дяди своего, ал-Аббаса, сосуд с водой для питья и для совершения обычного омовения.

В память этого богоугодного дела он назначил своего дядю хранителем чаши при колодце – священная должность, которую потомки его наследуют до сих пор.

В полдень один из последователей Магомета по его приказанию поднялся на верх Каабы и созвал на молитву народ – обычай, сохраняющийся до настоящего времени в магометанских странах, где правоверных созывают с верхушек минаретов или башен, имеющих при каждой мечети. Он установил также и киблу, к которой правоверные всех стран света должны обращаться лицом при молитве.

После этого он сказал народу нечто вроде проповеди, в которой развивал основы своего учения и провозглашал торжество веры как исполнение пророческого предсказания. В ответ на его речь толпа разразилась криками: «Аллах Акбар! Велик Бог! – кричала она. – Нет Бога, кроме Бога, и Магомет – Его пророк!»

Окончив религиозные церемонии, Магомет расположился на холме Сафа, а жители Мекки, мужчины и женщины, проходили перед ним, принося клятву верности ему как пророку Божию и отказываясь от идолопоклонства. Все это было согласно с откровением Корана, где сказано: «Бог послал своего апостола с указанием ему религии истины, которую он должен возвысить над всеми другими религиями. Воистину, те, которые клянутся в верности ему, клянутся в верности Богу. Рука Божия руководит ими». Но, несмотря на свое торжество, он отвергал всякие почести, относящиеся лично к нему, и не присваивал себе царской власти. «Почему ты дрожишь? – сказал он человеку, приблизившемуся к нему робкими, нетвердыми шагами. – Чего

боишься? Я – не царь, а сын курайшитки, которая ела мясо, сушенное на солнце».

Точно так же бросалась в глаза и его снисходительность. Высокомерные некогда начальники курайшитов предстали пред человеком, которого они преследовали, с раболепным видом, потому что жизнь их теперь была в его руках.

– Чего вы ждете от меня? – спросил он их грозно.

– Милости, о великодушный брат наш! Милости, о сын великодушного рода!

– Да будет так! – вскричал он, причем в его насмешливом тоне звучала и жалость. – Убирайтесь вон! Вы свободны!

Некоторые из его последователей, разделявшие с ним изгнание, предвкушали наслаждение кровавой местью и, разочаровавшись, роптали на его милосердие, но он был непоколебим и провозгласил Мекку ненарушимой святыней, или местом убежища, которое останется таковым до кончины мира. Он оставил, однако, за собой право в течение только этого дня наказывать некоторых городских жителей, особенно преступных, которые и были осуждены на изгнание; но даже из них большинство было помиловано.

Среди курайшитских женщин, явившихся для принесения ему присяги, он заметил Хенду, жену Абу Софиана, грозную женщину, подстрекавшую неверных в Ухудской битве и грызшую сердце Гамзы из мести за смерть ее отца. Теперь она пришла закутанной в покрывало, чтобы остаться неузнанной, но при виде устремленного на нее взгляда Магомета она пала к его ногам, восклицая: «Я – Хенда, прости!» Магомет простил и был вознагражден за свое милосердие тем, что она осмеивала его учение.

В числе осужденных на наказание был и убийца Гамзы, эфиоп Вакса, убежавший, однако, из Мекки при вступлении в нее войск Магомета; через некоторое время он явился к пророку и, прежде чем тот признал его, заявил о своей верности исламу. Он был помилован, и его заставили рассказать все подробности смерти Гамзы; после этого Магомет прогнал его, приказав никогда больше не показываться ему на глаза. Он пережил эпоху халифства Омара и был несколько раз наказан в его царствование плетью за пьянство.

Другой осужденный на изгнание был Абдаллах ибн Саад, молодой курайшит, соединивший в себе талант воина с замечательным остроумием и юмором. Так как он легко владел пером, то Магомет употреблял его прежде для письменного изложения откровений Корана. Исполняя эту обязанность, он часто переделывал и искажал текст; нашли даже, что он вследствие невнимательности или умышленно иногда изменял его, так что выходила бессмыслица; нередко в кружке товарищей он шутил и острил над своими переделками и поправками, замечая, что если Коран служит доказательством того, что Магомет – пророк, то, значит, и он, Саад, должен быть наполовину пророком. Когда эти ошибочные или умышленные вставки и искажения были обнаружены, он бежал от гнева пророка и, вернувшись в Мекку, снова стал идолопоклонником. При взятии города молочный брат укрыл его в своем доме и держал у себя до тех пор, пока не улеглось волнение, после чего он представил его пророку и стал просить о его помиловании. Тут снисходительность Магомета подверглась самому сильному испытанию. Виновный обманул его доверие; надсмеялся над ним; старался зародить сомнение в его апостольском посланничестве и нанес удар по вере в самой ее основе. Несколько времени Магомет не прерывал грозного молчания, надеясь, как впоследствии признался, что кто-нибудь из ревностных учеников отсечет преступнику голову. Но так как никто не двинулся, то он, уступая просьбе Османа, согласился на помилование. Абдаллах тотчас же произнес символ веры и жил с тех пор как добрый мусульманин. Имя его встречается в войнах халифов. Он был одним из самых ловких наездников своего племени, проявляя до самой смерти эту преобладающую в нем страсть; умирая, он повторял сотую главу Корана под названием «Боевые кони». Может быть, это была одна из глав, которую он исказил.

Третий осужденный был Акрема ибн Абу Джаль, часто обнаруживавший смертельную ненависть к пророку, ненависть, которую он унаследовал от отца своего. При вступлении Магомета в Мекку Акрема вскочил на лихого коня и

скрылся в другие ворота, покинув красавицу-жену Омм-Хакем, на которой он только что женился. Омм-Хакем приняла мусульманскую веру и вскоре после того узнала, что ее муж, пытавшийся морем переправиться в Йемен, был снова отнесен бурей к гавани. Бросившись поспешно к Магомету, она, растрепанная, с распущенными волосами, без покрывала, пала к его ногам, умоляя о помиловании мужа. Пророк, тронутый, вероятно, более красотой, чем горем, ласково приподнял ее и обещал исполнить ее просьбу. На пристань она прибежала как раз в то время, когда корабль, на котором находился Акрема, готовился к отплытию. Она вернулась в Мекку, сидя верхом на коне сзади мужа, которого и представила пророку как правоверного. Тут, однако, она так тщательно закрылась покрывалом, что видны были одни только черные глаза ее. Магомет утвердил обращение Акремы, сделал его начальником отряда хавазингов ради прекрасной и преданной жены его и щедро одарил молодую чету. Подобно многим другим обращенным врагам и Акрема оказался храбрым воином в войнах за веру и, отличившись не раз, пал в битве, изрубленный мечами и пронзенный копьями.

Весь образ действий Магомета после взятия Мекки показывает, что это было скорее религиозным, чем военным торжеством. Сердце его смягчилось на родине, когда она стала ему подвластна; при успехе затихла и его злоба, и он от всей души склонялся к милости.

Ансары, или мединские помощники, содействовавшие ему в войне, стали теперь опасаться, чтобы успех не оказался пагубным для их собственных интересов. Они тревожно следили, когда он после молитвы на холме Сафа однажды сидел и пристально глядел на Мекку – место его минувшей борьбы и современной славы. «Воистину, – сказал он, – ты – наилучший из городов и наиболее любимый Аллахом! Если бы мое собственное племя не изгнало меня отсюда, я никогда не покинул бы тебя!» Услышав эти слова, ансары начали говорить между собою: «Вот, посмотрите, Магомет стал теперь победителем и главою своего родного

города; наверное, он будет жить в нем и покинет Медину!» Пророк обратился к ним с мягкой укоризной: «Нет, – воскликнул он, – когда вы мне доказали вашу верность, я поклялся жить и умереть с вами, и был бы недостоин звания служителя Бога и Его пророка, если бы оставил вас!» Он не изменил своему слову и до самой смерти оставался в Медине, служившей ему пристанищем.

Магомет не удовлетворился очищением Каабы и уничтожением идолопоклонства в своем родном городе; он рассылал своих вождей во главе вооруженных отрядов, чтобы уничтожать идолов у различных племен, населявших соседние города и деревни, и обращать в ислам идолопоклонников.

Из всех этих военных «апостолов» ни один не проявлял такого рвения, как Халид, подъем духа которого еще не улегся после недавнего обращения. Прибыв в Наклах, куда сходились идолопоклонники-курайшиты для поклонения своим богам в храме Уззы, он проник в священную рощу, разорил храм и выбросил идола. Тут, крича и ломая руки, выбежала страшная старуха, черная, нагая, растрепанная, но Халид одним ударом сабли разрубил ее пополам. Он рассказал об этом Магомету, недоумевая, была ли это жрица или дьявол. «Поистине, – отвечал пророк, – убитая тобою была сама Узза».

С таким же поручением в соседнюю область Техама «апостол» Халид отправился в сопровождении трехсот-пятидесяти человек, часть из которых принадлежали к племени сулеймитов. С ним поехал и Абдалрахман, один из самых первых прозелитов. Пророк велел ему проповедовать мир, внушать обращение в веру по доброй воле и избегать насилий, если на них не будут нападать. В течение двухдневного пути в Техаму ему пришлось проходить через земли племени джадсимитов. Большинство населения уже приняло ислам, но некоторые еще держались сабейской веры. Раньше это племя ограбило и убило дядю Халида, а также и отца Абдалрахмана, равно как и нескольких сулеймитов, когда они возвращались из Счастливой Аравии. Опасаясь мести со стороны Халида и его войска за эти злодеяния, джадсимиты вооружились при их приближении.

Халид втайне радовался, видя, что они вышли к ним навстречу в боевом порядке.

Окликнув их повелительным тоном, он спросил:

– Мусульмане вы или неверные?

Они отвечали нерешительно:

– Мусульмане.

– Почему же вы вышли к нам навстречу вооруженные?

– Потому, что у нас есть враги среди некоторых племен, которые могут напасть на нас врасплох.

Халид строго приказал им сойти с лошадей и сложить оружие; некоторые повиновались и были тотчас же схвачены и связаны; остальные бежали. Приняв их бегство за признание вины, он пустился преследовать их, убивая бегущих, разорил их страну и в избытке усердия умертвил даже некоторых пленных.

Магомет, узнав об этой ничем не вызванной жестокости, поднял руки к небу и призвал Бога в свидетели своей невиновности. Халид же после своего возвращения на упреки Магомета сваливал всю вину на Абдалрахмана, но Магомет с негодованием отверг эту клевету на одного из самых ранних и лучших своих последователей. Великодушный Али был немедленно послан с поручением возвратить джадсимитам все отнятое Халидом и выплатить денежное вознаграждение родственникам убитых. Поручение это было по душе Али, и он честно его выполнил. Он тщательно узнавал о потерях и страданиях каждой потерпевшей личности и оказал всем полное удовлетворение. Когда все потери были возмещены и все было улажено, он разделил оставшиеся деньги между народом, так что своей добротой внес радость во все сердца. Пророк хвалил и благодарил Али, а мстительный Халид заслужил порицание даже тех, кому он старался угодить.

– Смотри, – сказал он Абдалрахману, – я отомстил за смерть твоего отца.

– Скажи лучше, – возразил с негодованием тот, – что ты отомстил за смерть своего дяди! Ты опозорил веру поступком, достойным идолопоклонника.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Неприятельские действия в горах. Враждебный лагерь в долине Аутас. Битва в ущелье Хунайн. Взятие неприятельского лагеря. Свидание Магомета со своей кормилицей. Раздел добычи. Магомет на могиле своей матери.

Пока воинственные «апостолы» Магомета распространяли его учение острием меча в долинах, в горах подготавливалась страшная гроза. Чтобы обуздать силу, способную поработить всю Аравию, образовался союз между такифитами, хавазинами, джатсимитами, саадитами и некоторыми другими отважными горными племенами бедуинов. Саадиты, или бен-Саад, о которых уже упоминалось, были те самые пастушеские арабы, среди которых воспитывался Магомет в детстве, когда, по словам предания, ангелом вынуто и очищено было его сердце. Такифиты, стоявшие во главе союза, представляли собой сильное племя, владевшее большим городом, Таифом, с его плодородной территорией. Они были фанатичные идолопоклонники, и в их столице находился знаменитый храм идола-женщины — ал-Лат. Читателю уже известно их недостойное отношение к Магомету, когда тот пытался проповедовать свое учение в Таифе. Они бросали в него на площади камни и в конце концов с издевательством выгнали его за ворота. Опасение мести с его стороны заставило, вероятно, такифитов так энергично приняться за составление союза.

Малек ибн Ауф, глава такифитов, был главным начальником этого союза. Долину Аутас, лежащую между Хонейном и Таифом, он назначил местом сбора и лагеря; кроме того, зная, насколько натура арабов изменчива и как они склонны по малейшему капризу возвращаться домой, он приказал им привезти с собой свои семьи и пожитки. Согласно

этому повелению они собрались с разных сторон в количестве четырех тысяч воинов, и с ними же в лагере были толпы женщин и детей и многочисленные стада и табуны.

Средство, придуманное Малек ибн Ауфом, чтоб удерживать воинов, не одобрял Дораид, глава джадсимитов. Это был очень старый, столетний воин, худой, как скелет, почти слепой и до того слабый, что его перевозили на носилках, помещенных на спине верблюда. Однако хотя сам он и не мог участвовать в битве, но советы его как опытного воина были драгоценны. Этот ветеран пустыни советовал женщин и детей тотчас же отправить домой, а лагерь освободить от бесполезного переполнения. Совет его не был принят, и долина Аутас продолжала представлять из себя скорее пастушеский привал какого-нибудь племени, чем наскоро набранное войско.

Между тем Магомет, услышав о надвигающейся грозе и желая предупредить ее, выступил во главе двенадцатитысячного войска, сформированного частью из мекканских беглецов и мединских помощников, частью из степных арабов, которые не все еще приняли его веру.

Предпринимая поход, Магомет надел на себя блестящие латы и шлем и сел на своего любимого мула Далдала. Он редко пользовался ратным конем, так как никогда не принимал живого участия в битвах. Недавние успехи и численное превосходство придавали ему уверенность в легкости победы, так что он вступил в горы, не принимая никаких предосторожностей, и, бросившись вперед на неприятельский лагерь при Аутасе, очутился в глубине мрачной долины на границе Хонейна. Отряды пробирались беспорядочно по неровному ущелью, каждый выбирая себе дорогу. Вдруг посыпался на них град стрел и камней, уложивших двух или трех воинов мертвыми у ног Магомета и ранивших некоторых других. Оказалось, что Малек с лучшими воинами занял высоты, господствовавшие над этим тесным ущельем, так что каждый утес, каждая пещера были заняты стрелками и пращниками, а некоторые из них спускались вниз, чтобы сразиться в узких проходах.

Охваченные паникой, мусульмане повернули назад и обратились в бегство. Тщетно Магомет призывал их как начальник и взывал к ним как пророк, – каждый думал о своем собственном спасении и о том, как бы выбраться из этой страшной долины.

Все казалось потерянным, и некоторые, недавно и насильно обращенные в ислам, невольно обнаруживали восторг, предполагая, что счастье отвернулось от пророка.

«Клянусь небом! – вскричал Абу Софиан, смотря на бегущих мусульман. – Ничто не остановит их, пока они не добегут до моря».

«А, – воскликнул другой, – настал конец волшебной силе Магомета!»

Третий, лелеявший в глубине души жгучее желание отомстить за смерть своего отца, убитого мусульманами в битве при Ухуде, во время общего смятения убил бы пророка, если бы несколько преданных последователей не окружили и не защитили его. Сам же Магомет, в порыве отчаяния, пришпорил и направил своего мула прямо на неприятеля; но ал-Аббас схватил узду и удержал его от верной смерти, испустив в то же время крик, огласивший все долины. Ал-Аббас отличался необыкновенно сильными легкими и в этот критический момент спас армию. Мусульмане ободрились, услышав хорошо знакомый голос, и, видя, что их не преследуют, вернулись на поле битвы. Неприятель спустился с высот, и в ущелье произошло кровопролитное сражение. «Огонь запылал!» – воскликнул Магомет с восторгом при виде блеска оружия и сверкания копий. Затем, нагнувшись с седла и взяв полную горсть пыли, он бросил ее в воздух в сторону неприятеля. «Да смутятся лица ваши, да ослепит вас эта пыль!» – воскликнул он. И они ослепли по его слову и бежали в беспорядке, говорят мусульманские писатели, хотя их поражение можно приписать скорее перевесу сил мусульман и воодушевлению, вызванному восклицанием пророка. Малек и такифиты искали убежища в отдаленном городе Таифе, а остальные удалились в лагерь в долине Аутас.

Магомет, оставаясь в долине Хунайн, послал Абу Амира с большими силами атаковать лагерь. Хавазины храбро защищались. Абу Амир был убит, но племянник его, Абу Муса, сделавшись главнокомандующим, одержал полную победу, нанеся большой урон неприятелю. В лагере им достались богатая добыча и много пленных вследствие неразумного распоряжения Малека ибн Ауфа, который, вопреки умному совету ветерана Дораида, загромоздил место стоянки семьями союзников с их пожитками, стадами и табунами.

Здесь, кстати, стоит упомянуть о дальнейшей судьбе Дораида, этого старого воина пустыни. Пока мусульманские отряды, рассеявшись по лагерю, хлопотали о захвате добычи, один молодой сулеймит, Рабиа ибн Рафи, заметил верблюда с носилками на спине и погнался за ним, думая найти на носилках какую-нибудь красавицу. Догнав верблюда и отдернув полог, он увидел старика Дораида, которого можно было принять за скелет. Рассерженный и разочарованный, Рабиа замахнулся на старика мечом, но оружие переломилось. «Твоя мать, – презрительно сказал старик, – дала тебе негодное оружие; ты можешь за моим седлом найти хорошее».

Юноша воспользовался его саблей; но когда он вынимал ее из ножен, Дораид, заметив, что он – сулеймит, воскликнул: «Передай своей матери, что ты убил Дораида ибн Симма, который во время войны оказал покровительство многим женщинам ее племени». Слова эти не произвели на юношу никакого впечатления, и он раскроил череп ветерана его же саблей. Когда Рабиа, вернувшись в Мекку, рассказал своей матери об этом убийстве, та с упреком сказала ему: «Ты действительно убил благодетеля нашего племени. Три женщины из твоей семьи были освобождены из плена Дораидом ибн Симмой».

Абу Амир, вернувшись с победой к Магомету, торжественно выставил добычу, захваченную в лагере, и женщин и детей, забранных им в плен. Одна из пленниц пала к ногам пророка и умоляла его о помиловании, называя себя его молочной сестрой, ал-Шимой, дочерью кормилицы его,

Халемы, которая воспитала его в Саадитской долине. Магомет напрасно старался узнать по ее поблекшим чертам блестящую товарку своих детских игр, но она обнажила спину и показала ему рубец на том месте, где он из шалости укусил ее, когда был еще ребенком. Тут уже он, не сомневаясь больше, отнесся к ней ласково и предложил ей или остаться у него под его защитой, или возвратиться домой к родным.

Мусульмане были в недоумении, как им поступить с пленницами. Можно ли жениться на замужних женщинах, не впадая в прелюбодеяние? Откровение Корана разрешило затруднение. «Вы не должны жениться на свободных замужних женщинах, — гласит оно, — пока правая рука ваша не обратила их в рабство». Согласно с этим правилом, все женщины, взятые в плен, могут стать женами тех, кто завладел ими, хотя бы они и были замужние. Победители при Хонейне не замедлили воспользоваться этим правом.

Оставив пленниц и добычу в безопасном месте и под верной охраной, Магомет начал преследовать такифитов, укрывшихся в Таифе. Чувство мести присоединилось к его благочестивому рвению, когда он приблизился к этому идолопоклонническому месту, свидетелю обид и оскорблений, нанесенных ему, и когда он увидел те ворота, из которых был когда-то позорно изгнан. Но стены были слишком крепки, крепость слишком хорошо защищена, чтобы можно было прибегнуть к штурму, так что первое время мусульмане ограничились катапультами, таранами и другими стенобитными орудиями, употребляемыми при осадах, но которых арабы раньше не знали, а теперь приготавливали под руководством Салмана ал-Парси, обращенного перса.

Осажденные отразили, однако, атаку, осыпая осаждающих дротиками и стрелами и обдавая расплавленным железом их щиты из воловьей кожи, под прикрытием которых они приближались к стенам.

Магомет между тем опустошил поля, сады и виноградники и объявил, что все рабы, которым удастся убежать из города, получают свободу. В продолжение двадцати дней он

вел безуспешную осаду, каждый день становясь на молитву на полдороге между палатками жен своих, Омм-Салмы и Зайнаб, которым выпал жребий сопровождать его в этом походе. Надежда на успех начала покидать его, и он еще более пал духом, когда увидел сон, который был неблагоприятно истолкован Абу Бакром, искусным снотолкователем. Он намеревался снять осаду, но войско возропало, и он отдал приказ штурмовать одни из ворот. Противники защищали их с обычным упорством, и убитых было много с обеих сторон; Абу Софиан, храбро сражавшийся при этой осаде, лишился глаза, и мусульмане были окончательно отражены.

После этого Магомет снял осаду, обещав своему войску возобновить со временем штурм и затем отправился к месту, где находилась добыча, захваченная во время недавней схватки. Она состояла, по словам арабских писателей, из двадцати четырех тысяч верблюдов, сорока тысяч овец, четырех тысяч унций серебра и шести тысяч пленных.

К Магомету вскоре явилась депутация от хавазинов с изъявлением покорности их племени и с просьбой возвратить им семьи и имущество. С посланными пришла и Халема, кормилица Магомета, женщина уже очень старая. Воспоминания детства тронули его сердце.

– Что вам дороже, – спросил он у хавазинов, – семьи ваши или имущество?

– Семьи, – отвечали они.

– Что касается меня и ал-Аббаса, – сказал он, – то мы согласны возвратить вам нашу долю пленных, но ведь для этого нужно согласие и других. Приходите ко мне после полуденной молитвы и скажите: «Мы умоляем посланника Божия посоветовать последователям своим возвратить нам жен и детей наших; мы молим также и последователей его ходатайствовать пред ним за нас».

Посланные поступили по его совету. Магомет и Аббас тотчас же отказались от своей доли пленных; примеру их последовали и все остальные, за исключением воинов племен Тамии и Фазара; но Магомет добился и их согласия, обещав им при следующем походе шестую часть пленных.

Таким образом, благодаря Халеме освобождены были все пленные ее племени. Предание передает рассказ, показывающий, как почтительно относился Магомет к этой скромной покровительнице его детства. «Как-то раз сидел я с пророком, – говорит один из его учеников, – как вдруг неожиданно предстала пред ним женщина; он встал и разостлал ей свою одежду для сидения. После ее ухода кто-то сказал мне, что эта женщина кормила грудью пророка».

Магомет отправил теперь гонца к Малеку, который еще оставался в Таифе, с предложением возвратить ему всю добычу, взятую в Хунайне, и подарить, кроме того, сто верблюдов, если он сдастся и примет веру. Это великодушное предложение победило и обратило в веру Малека, который привел под знамя пророка еще несколько союзных племен. Он тотчас же был поставлен во главе их и оказался впоследствии строгим бичом в деле веры для бывших союзников своих, такифитов.

Мусульмане стали опасаться, чтобы Магомет под влиянием этих великодушных побуждений не расточил бы всех богатств, приобретенных после недавних битв; поэтому, столпившись вокруг него, они восстали против принятого дележа добычи и пленных. Но он, укоризненно взглянув на них, сказал: «Разве я был когда-нибудь жаден или поступал когда-нибудь нечестно или незаконно?» Потом, вырвав волос со спины верблюда и возвысив голос, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, я никогда из общей добычи ни на волос не брал больше своей пятой части; да и эта пятая часть издерживалась всегда вам же на пользу!»

Затем он разделил добычу по-прежнему: четыре пятых отдал войску, а свою пятую часть разделил между людьми, верность которых ему хотелось удерживать и далее. Союзникам своим, курайшитам, он мало доверял. Может быть, он прослышал, что некоторые из них радовались заранее, предвидя его неудачу; поэтому он теперь старался скрепить союз этот подарками. Абу Софиану он дал сто верблюдов и сорок окков серебра в награду за глаз, потерянный им при штурме таифских ворот. Акрему ибн Абу Джали и других

он также оделил из своей собственной доли соразмерно их заслугам.

Среди недавно обращенных и, таким образом, облагодетельствованных был поэт Аббас ибн Мардас. Он остался недоволен своей долей и излил свое недовольство в сатирических стихах. Слух об этом дошел до Магомета. «Возьмите отсюда этого человека и вырежьте ему язык», – сказал он. Омар, всегда склонный к строгим мерам, готов был исполнить это приказание буквально и немедленно; но другие, лучше знавшие намерение пророка, привели дрожащего Аббаса на площадь, где находился доставшийся в добычу скот, и предложили ему выбрать любых верблюдов по своему вкусу.

«Как! – вскричал он радостно, избавившись от страшной мысли, что его собираются изуечить. – Разве это тот путь, которым пророк хочет заставить мой язык молчать? Клянусь Аллахом, я не возьму ничего!» Магомет довел, однако, до конца свое политичное великодушие и послал ему шестьдесят верблюдов. С этих пор поэт никогда не переставал воспевать щедрость пророка.

Возбуждая таким путем расположение ревностных мекканских прозелитов, Магомет вызвал ропот среди своих мединских помощников. «Смотрите, – говорили они, – как он расточителен по отношению к вероломным курайшитам, тогда как мы, которые оставались верны ему при всех невзгодах, получаем только свою долю! Что такое мы сделали, что нас удаляют на задний план?»

Магомет, узнав об их ропоте, велел созвать их вождей в свою палатку. «Слушайте, мединские граждане, – сказал он, – разве не было между вами распрей и не я ли водворил мир среди вас? Не вы ли заблуждались, и не я ли вывел вас на истинный путь? Не были ли вы бедны, и не я ли обогатил вас?»

Они признали справедливость его слов. «Смотрите теперь, – продолжал он, – я пришел к вам заклеянный именем лжеца, и, несмотря на это, вы уверовали в меня; меня преследовали, и вы защитили меня; я был изгнан, и вы укрыли меня; я был беспомощен, и вы помогли мне. Неужели вы думаете, что я не чувствую этого? Неужели вы можете

считать меня неблагодарным? Вы жалуетесь, что я делаю подарки этому народу и не даю ничего вам. Это правда; но я даю им мирские блага, чтобы победить их мирские сердца. Вам же, которые были верны мне, я отдаю самого себя! Они вернутся домой с овцами и верблюдами, вы же вернетесь с пророком Божиим. Клянусь вам именем Того, в Чьих руках душа Магомета, что, если бы весь мир шел по одному пути, а вы по другому, я бы остался с вами! Кого же из вас наградил я больше?»

Помощники при этом воззвании тронуты были до слез. «О пророк Божий! – воскликнули они. – Мы довольны своим жребием!»

Разделив добычу, Магомет вернулся в Мекку не с торжеством ликующего победителя, а в одежде богомольца, чтобы выполнить обряды пилигримства. Исполнив все добросовестно, он назначил Моада ибн Джебала имамом, или первосвященником, для наставления народа в духе мусульманского учения, а начальствование над городом передал в руки Отаба, восемнадцатилетнего юноши; затем он простился с родиной и отправился со своими отрядами обратно в Медину.

Когда он пришел в деревню Абву, где была похоронена его мать, сердце его возжаждало воздать сыновний долг ее памяти, но закон, им же объявленный, запрещал чтить могилы умерших в неверии. Сильно взволнованный, он умолял небо смягчить этот закон. Если в подобного рода случаях и был какой-нибудь обман, то легко согласиться, что это был скорее самообман и что он действительно верил в мнимое указание неба, как и в данном случае, относительно смягчения закона и дозволения посетить могилу. Он залился слезами на этой могиле, при виде которой в нем проснулись самые нежные чувства сыновней привязанности, но слезы были единственной данью, которую ему дозволено было принести. «Я просил позволения у Бога, – с грустью говорил он, – посетить могилу матери, и это было мне разрешено; но не получил я разрешения помолиться на ней!»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Смерть Зайнаб, дочери пророка. Рождение сына его Ибрагима. Депутации от дальних племен. Поэтическое состязание в присутствии пророка. Его восприимчивость к поэтическим красотам. Обращение города Тауфа; уничтожение в нем идолов. Переговоры с Амиром ибн Тафилом, гордым начальником бедуинов; независимый дух последнего. Свидание Магомета с Ади, другим начальником

Вскоре после своего возвращения в Медину Магомет был опечален смертью своей дочери Зайнаб, той самой, которая была выдана ему взамен ее мужа Абдул-Аасса, неверного, взятого в плен при Бедерской битве. Семейные привязанности пророка были сильны, и он глубоко чувствовал эту потерю, но был утешен рождением сына от своей любимой наложницы Марии. Он назвал ребенка Ибрагимом и радовался, надеясь, что этот сын его старости, единственный мужской его потомок, продолжит его род.

Его слава как пророка или как победителя распространилась теперь по всей Аравии, и к нему, в Медину, стали беспрестанно являться депутации от дальних племен; некоторые признавали его веру; другие подчинялись ему как светскому властелину и соглашались платить дань. Дарования Магомета обнаруживались по мере требования момента; цели его расширялись вместе с удачей, и он с искусством государственного человека устраивал теперь финансовый строй своего быстро возрастающего государства. Под благовидным названием милостыни собиралась дань с правоверных в размере десятой части продуктов с земель, орошаемых ручьями и дождем, и двадцатой части, когда плодородие земли зависело от искусственного орошения. От каждого имеющего десять верблюдов требовались

четыре овцы; с сорока голов скота взималась одна корова, с тридцати голов – один двухгодовалый теленок; с сорока овец бралась одна. Люди же, чей взнос превышал этот размер, признавались более набожными и снискивали соответственное расположение Бога.

Размер дани, требуемой с тех, кто подчинялся только светской власти пророка и продолжал оставаться в неверии, равнялся одному динарию деньгами или имуществом с каждого взрослого, свободного и несвободного человека. Некоторую трудность представлял этот сбор благотворительной контрибуции. Гордое племя Тамим открыто воспротивилось ему и прогнало сборщика; тогда против него был послан конный отряд арабов, приведший с собою большое количество пленных мужчин, женщин и детей. Тамимиты послали депутацию с требованием возвращения пленных.

Четверо из депутатов были известные ораторы и поэты, которые, вместо того чтобы вести себя скромно в присутствии пророка, стали декламировать свои произведения в прозе и стихах, вызывая мусульман на поэтическое состязание.

«Я послан Богом не как поэт, – возразил Магомет, – и не домогаюсь славы оратора».

Но некоторые его последователи приняли вызов, вследствие чего произошла «чернильная война», в которой тамимиты признали себя побежденными. Магомет был до такой степени очарован остроумием их вызова, их поэзией и чистосердечным признанием своего поражения, что не только возвратил им пленных, но и отпустил с подарками.

Другой пример его восприимчивости к поэтическим красотам передается в рассказе об его отношении к Каабу ибн Зохайру, знаменитому мекканскому поэту, который взял его жизнь сюжетом для своих сатирических стихотворений и был осужден вместе с другими на изгнание, но бежал при взятии священного города. Потом он явился в Мекку для примирения и, подойдя в мечети к Магомету, начал петь ему хвалебный гимн, ставший известным среди арабов как образцовое произведение. Под конец он глав-

ным образом прославлял его милосердие, – «потому что прощение оскорблений есть та добродетель в пророке Божиим, на которую легче всего можно рассчитывать».

Плененный стихами и смягченный лестью, Магомет доказал справедливость слов поэта, так как не только простил его, но и сняв с себя плащ, накинул на него. Поэт сохранил этот священный плащ до самой своей смерти, всегда отказываясь от предлагаемого за него золота. Халиф Моавия приобрел его у наследников за десять тысяч драхм, и халифы всегда надевали его при процессиях и торжественных церемониях вплоть до тридцать шестого халифа, когда он был сорван со спины халифа ал-Мостазема и предан сожжению татарским завоевателем Холагу.

В то время как города и замки арабских племен принимали один за другим правоверие и выражали свое верно-подданство Магомету, Таиф, крепость такифитов, упорно продолжала поклоняться своему каменному идолу ал-Лат. Жители надеялись на свои горы и на крепость стен цитадели. Но, защищенные от нападений, они оказывались, мало-помалу, все более окруженными мусульманами и отделенными от внешнего мира, так что, в конце концов, им нельзя было выходить за ворота, не подвергаясь нападению. Находясь под постоянным страхом и тревожимые неприятелем, они отправили, наконец, к Магомету послов для переговоров о мире.

Пророк питал сильную злобу к этому городу, непрклонному и глубоко преданному идолопоклонству, городу, который однажды выгнал его из своих ворот, а в другой раз отбросил от своих стен. Он поставил условием мира обращение в его веру и безусловную покорность. Сами послы охотно согласились принять ислам, но утверждали, что требование от жителей Таифа немедленного отречения от старой веры может оттолкнуть их. Поэтому во имя народа они просили позволения продолжить еще на три года поклонение своему старому идолу ал-Лат. Ходатайство было окончательно отвергнуто. Тогда они стали просить только месячной отсрочки, чтобы подготовить общественное на-

строение, но и в этом получили отказ, потому что, как говорил пророк, идолопоклонство не может быть совместим с поклонением истинному Богу. Тогда они стали умолять, чтобы их избавили от обязанности молиться ежедневно.

«Не может быть истинной религии без молитвы», – возразил им на это Магомет; и послы, наконец, принуждены были согласиться на безусловную покорность.

Тогда Абу Софиан, Ибн Харб и ал-Могейра были посланы в Таиф для разрушения каменного идола ал-Лат. Абу Софиан собирался ударить его заступом, но промахнулся и сам растянулся на земле ничком. Народ заволновался, видя в этом хорошее предзнаменование, но ал-Могейра разрушил их надежды, равно как и идола, одним ударом кузнечного молота. После этого он снял с него дорогую одежду, браслеты, ожерелья, серьги и другие украшения из золота и драгоценных камней, которыми разукрасили его поклонники, и на земле оказались только обломки, над которыми вопили и причитали таифские женщины*.

К числу лиц, продолжавших еще отвергать власть Магомета, принадлежал и бедуинский начальник Амир ибн Туфиель, глава могущественного амирского племени. Он славился личной красотой и княжеской роскошью; но это был человек надменный и тщеславный. На многолюдной ярмарке в городе Оказе, лежащем между Таифом и Наклахом, куда собирались обыкновенно купцы, богомолцы и поэты со всех частей Аравии, на этой ярмарке глашатай обыкновенно провозглашал: «Кому нужен выючный скот, пусть отправляется к Амиру; если кто голоден, пусть идет к Амиру, и он накормит его; если кого преследуют, пусть идет к Амиру, и у него он найдет защиту».

* Такифиты и теперь еще представляют из себя сильное племя, владеющее той же плодородной областью на восточном склоне Хиджазской горной цепи. Некоторые живут в древнем городе Таифе, другие же в палатках и имеют стада коз и овец. Они могут собрать две тысячи кремневых ружей, и в войнах с нахабитами отстояли свою крепость Таиф (Burckhardt's Notes).

Амир прельщал всех своею щедростью, и вместе с популярностью увеличивалось и его честолюбие. Вырастающая сила Магомета порождала в нем зависть, так что, когда ему советовали вступить с ним в договор, он высокомерно отвечал: «Я поклялся не останавливаться, пока не завоюю всей Аравии; и не мне преклоняться перед этим курайшитом».

Однако после завершающих побед мусульман и ему пришлось прислушаться к совету друзей. Он отправился в Медину и, явившись к Магомету, откровенно спросил его:

– Будешь ли ты мне другом?

– Клянусь Аллахом, никогда, – был ответ, – пока ты не обратишься в ислам!

– А если я обращусь, удовлетворишь ли ты властью над городскими арабами и оставишь ли мне бедуинов пустыни?

Магомет отвечал отрицательно.

– Что же я выиграю, приняв твою веру?

– Сообщество всех правоверных!

– Я не нуждаюсь в их сообществе, – отвечал высокомерный Амир и, пригрозив пророку войной, возвратился к своему племени.

Совсем иного характера был Ади, князь бедуинов племени Таи. Его отец Хатим пользовался известностью не только как славный воин, но и как безгранично щедрый человек, так что в Аравии вошло в обычай говорить: «Щедр, как Хатим». Сын его Ади был христианин и, хотя в щедрости и не уступал отцу, но был недостаточно храбр. Устрашенный опустошительными нападениями мусульман, он приказал молодому арабу, пасшему в степи его верблюдов, иметь всегда под рукой несколько самых сильных и быстрых верблюдов и тотчас же предупредить его в случае приближения неприятеля.

Случилось так, что Али проезжал с конным отрядом эту местность, имея при себе два знамени – белое и черное: молодой бедуин бросился к Ади с криком: «Мусульмане близко. Я издали видел их знамена!» Ади тотчас же усадил жену и детей на верблюдов и бежал в Сирию. Его сестра, прозванная

Саффаной, или Жемчужной, попала в руки мусульман, которые отвели ее вместе с другими пленными в Медину.

Когда Магомет проходил около места ее заключения, она, увидя его, закричала:

– Сжался надо мной, посланник Божий! Мой отец умер, а тот, на чьей обязанности лежало быть моим защитником, бросил меня. Сжался надо мной, посланник Бога, и Бог будет милостив к тебе!

– Кто твой защитник? – спросил Магомет.

– Ади, сын Хатима.

– Он бежал от Бога и Его пророка, – ответил Магомет и прошел мимо.

На следующий день, когда Магомет опять проходил мимо, Али, тронутый красотой и горем женщины, сказал ей потихоньку, чтобы она встала и снова обратилась к пророку со своей просьбой. Она послушалась и повторила свою мольбу: «О пророк Божий! Мой отец умер, а брат мой, который должен служить мне защитником, оставил меня. Сжался же надо мной, и Бог будет милостив к тебе».

Магомет милостиво обернулся. «Да будет так!» – сказал он и не только дал ей свободу, но подарил одежду и верблюда и отправил в Сирию с первым отходившим туда караваном.

Приехав к брату, она стала упрекать его за то, что он покинул ее. Ади осознал свою вину и получил прощение. Затем она принялась убеждать его, чтобы он примирился с Магометом. «Он – истинный пророк, – говорила она, – и скоро будет владыкой мира; торопись же вовремя добиться его благосклонности».

Хитрый Ади принял ее совет и, отправившись поспешно в Медину, приветствовал Магомета в мечети. Его собственный рассказ об этой встрече дает яркую картину простоты обращения и образа жизни Магомета, даже когда он достиг полной верховной власти и быстрых успехов в военных завоеваниях. «Он спросил, – рассказывает Ади, – мое имя, и когда я сказал ему, то пригласил меня к себе в дом. Дорогой к нему подошла хилая, изнуренная женщина. Он остановился и поговорил с ней о ее делах. Это, подумал я про себя, далеко не по-

царски. Когда мы вошли к нему в дом, он подал мне кожаную подушку, набитую пальмовыми листьями, и предложил мне сесть на нее; сам же поместился на голом полу. Это, подумал я, даже совсем не по-княжески!

Тут он три раза просил меня принять ислам. Я сказал, что у меня есть своя вера. «Я знаю твою веру, – отвечал он, – лучше, чем ты сам. Ты, как князь, берешь у своего народа четвертую часть получаемой добычи. Разве это согласно христианскому учению?» Из этих слов я понял, что это – пророк, знающий больше других людей.

«Ты не склоняешься к исламу, – продолжал он, – потому что видишь нашу бедность. Но близится время, когда все истинно правоверные будут обладать такими богатствами, что не будут знать, куда девать их. Может быть, тебя удерживает малочисленность мусульман сравнительно с громадным количеством их врагов? Клянусь Аллахом, недалеко время, когда мусульманке можно будет одной безопасно совершать свое путешествие на богомолье из Кадезии в Мекку. Ты, вероятно, думаешь: сила в руках у неверных; знай же, что скоро настанет время, когда мы водрузим наши знамена на белых башнях Вавилона!»*

Хитрый Ади уверовал в пророчество и тут же обратился в веру Магомета.

* Weil. Mohammed. P. 247.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Приготовление к экспедиции в Сирию. Интриги Абдаллаха ибн Обба. Приношения правоверных. Шестые армии. Проклятая страна Гаджар. Лагерь при Тебуке. Покорение соседних областей. Неожиданное нападение Халида на Окайдор и его замок. Возвращение армии в Медину.

Магомет, частично путем присоединения к исламу, частично силой оружия, завладел почти всей Аравией. Он соединил в одну нацию и таким образом подготовил к внешним завоеваниям все разъединенные племена, которые до сих пор были опасны только друг для друга и вследствие своей разрозненности совершенно бессильны по отношению к остальному миру. Звание пророка давало ему абсолютную власть над грозной силой, образовавшейся таким образом в пустыне, и теперь он готовился направить ее на распространение веры и расширение мусульманского владычества в чужеземных странах.

Его многочисленные победы и недавнее дело при Муте обратили, наконец, на него внимание императора Ираклия, который стал собирать войско на границах Аравии, чтобы подавить этого нового врага. Магомет решил предупредить его неприязненные действия и водрузить знамя правоверия в самом сердце Сирии.

До сих пор он предпринимал свои экспедиции тайно, сообщая свои планы и намерения только самым надежным военачальникам и без всяких объяснений увлекая своих последователей в опасные предприятия. Предстоящий поход, не имевший ничего общего с быстрыми разбойничьими набегами арабов, требовал серьезных приготовлений. Нужно было собрать особенно многочисленную силу и сделать всякого рода запасы для дальних переходов и продолжительного

отсутствия. Поэтому он объявил открыто о цели и характере своего предприятия.

Незаметно было обычной готовности стать под его знамя. Многие вспоминали злополучное дело при Муте и опасались нового столкновения с дисциплинированными римскими войсками. Кроме того, и время года не благоприятствовало такой далекой и продолжительной экспедиции. Стояла летняя жара; земля была накалена, а все ручьи и источники пересохли; наступила также пора сбора фиников, когда человеку надо дома убирать плоды, а не пускаться на хищнические предприятия.

Все эти обстоятельства очень ловко выставил на вид народу хазрадит Абдаллах ибн Обба, продолжавший втайне питать вражду к Магомету и пользоваться всяким случаем для противодействия его планам. «Хорошая выбрана пора, – кричал он, – для такого дальнего похода, невзирая на голод, засуху и невыносимый зной пустыни! Магомет, по-видимому, воображает, что война с греками – увеселительная прогулка; поверьте мне, что вы увидите, как сильно она отличается от арабских междоусобиц! Клянусь Аллахом, мне кажется, что я уже вижу всех вас в цепях!»

Таковыми насмешками и внушениями он сильно повлиял на своих приверженцев-хазрадитов и вообще сделал это предприятие непопулярным. Магомет, как и всегда, прибег к откровению. «Желающие остаться и отказывающиеся посвятить себя служению Богу, – говорит глава Корана, относящаяся к этому времени, – ссылаются в свое оправдание на летний зной. Скажи им, что огонь ада жарче этого огня! Они могут наслаждаться безопасностью в настоящем, но в будущем их ожидают бесконечные слезы».

Некоторые из преданных его приверженцев проявили особенное рвение в этот трудный момент. Омар, ал-Аббас и Абдалрахман пожертвовали значительные суммы денег. Многие благочестивые женщины приносили свои украшения и драгоценности. Осман доставил тысячу, а некоторые говорят – даже десять тысяч динариев, и Магомет отпустил ему все его грехи, прошедшие, настоящие и будущие. Абу

Бакр дал четыре тысячи драхм; Магомет стеснялся принять этот дар, зная, что он составляет последнее его достояние. «Что же останется у тебя и у твоей семьи?» – сказал он. «Бог и Его пророк!» – было ответом.

Такие примеры благочестия произвели громадное впечатление, но все-таки стоило большого труда собрать армию из десяти тысяч конницы и двадцати тысяч пехоты. Верховную власть над Мединой во время своего отсутствия Магомет передал Али, оставив на его попечение также и свою семью. Али неохотно соглашался на это, так как привык всюду сопровождать пророка и делить с ним все опасности. Когда все было окончательно улажено, Магомет двинулся из Медины в этот знаменательный поход. Часть его войска состояла из хазрадитов и их союзников, во главе которых стоял Абдаллах ибн Обба. Этот человек, которого Магомет удачно назвал главою «лицемеров», ночью расположился лагерем со своими единомышленниками отдельно, на некотором расстоянии от главной армии, в тылу ее; когда же на следующее утро армия двинулась вперед, он отстал и со своим отрядом возвратился в Медину. Вернувшись к Али, который, как и его приверженцы, скучал и досадовал на возложенное на них охранение города, Абдаллах старался возбудить в нем еще большее недовольство своим положением и с этою целью доказывал, что Магомет потому только поручил ему управлять Мединой, что сам хотел избавиться от этой обузы. Уязвленный этим известием, Али поспешил к Магомету и спросил у него: правду ли говорят Абдаллах и его последователи?

«Люди эти, – сказал Магомет, – лгуны. Они принадлежат к партии “лицемеров” и колеблющихся, готовых производить смуту в Медине. Я оставил тебя для того, чтобы ты следил за ними и оберегал обе наши семьи. Мне бы хотелось, чтобы ты был для меня тем, чем был Аарон для Моисея, но только разница в том, что ты уже не можешь быть пророком, потому что я – последний из них». Удовлетворенный этим объяснением, Али возвратился в Медину.

Из всего этого многие вывели заключение, что Магомет предполагал сделать Али своим халифом или преемником; по

крайней мере, такое заключение имеет арабское слово, означающее отношения Аарона к Моисею.

Войска, продолжавшие поход под начальством Магомета, вскоре начали по опыту узнавать все трудности, испытываемые в пустыне в это знойное время года. Многие вернулись домой на другой же день; некоторые же на третий и четвертый. Когда пророка уведомляли об этих побегах, он говорил: «Пусть себе уходят: если они на что-нибудь пригодны, Бог вернет их к нам; если же нет, то мы только избавляемся от излишней обузы».

В то время как некоторые теряли бодрость во время похода, другие, оставшиеся в Медине, раскаивались в своей трусости. Некто Абу Кайтама, войдя в свой сад во время страшного дневного зноя, заметил еду из мяса и свежую воду, приготовленную для него двумя его женами в прохладной тени палатки. Остановившись у входа, он воскликнул: «Теперь, когда пророк Божий не защищен от ветров и зноя пустыни, могу ли я, Кайтама, сидеть здесь в прохладной тени и в обществе моих красавиц-жен? Клянусь Аллахом, я не войду в палатку!» И он тотчас же вооружился мечом и копьем, сел на верблюда и поспешил присоединиться к пророку.

Между тем войско после тяжелого семидневного похода достигло гористой страны Хиджаз, населенной в былое время тамудитами, одним из вымерших теперь племен Аравии. Это была проклятая страна, предание о которой мы уже излагали выше. Изнуренный и усталый авангард, не имевший понятия о предании, с восторгом заметил ручей, протекавший по зеленой долине, и прохладные пещеры в склонах соседних холмов, в которых жили в былое время истребленные небом тамудиты. Расположившись вдоль ручья, одни собирались купаться, другие принялись за стряпню и за приготовление хлеба, и все мечтали о ночлеге в прохладных пещерах.

Магомет, по обыкновению, шел позади армии, чтобы помогать слабым и при случае подбирать изнуренных и отстававших. Дойдя до долины, в которой расположилось войско, он припомнил связанные с нею предания, рассказы о которых он слышал, проходя здесь в дни своей юности. Боясь навлечь

на себя проклятие, тяготевшее над всей этой местностью, он приказал войску бросить мясо, сваренное в воде источника, замешанный на ней хлеб отдать верблюдам и поскорей уйти с этого места, проклятого небом. Потом, завернувшись с лицом в плащ и пришпорив мула, он быстро миновал эту греховную область, сопровождаемый армией, как будто убегавшей от неприятеля.

Наступившая ночь была особенно мучительна: армия расположилась лагерем в безводном месте; к страшной жаре присоединился удушливый ветер, дувший со стороны пустыни; весь лагерь томился от невыносимой жажды, как будто тамудитское проклятие все еще висело над ним. Но на следующий день проливной дождь освежил и подкрепил людей и животных. Войско продолжало шествие с новым увлечением, и армия без дальнейших лишений достигла Тебука, маленького городка на границе Римской империи, расположенного между Мединой и Дамаском на расстоянии десятидневного пути от того и другого.

Тут Магомет расположился лагерем вблизи источника, посреди рощи и пастбищ. Арабские предания утверждают, что источник был почти сух, так что когда из него наполнили небольшой сосуд для пророка, не оставалось уже ни капли воды; Магомет, утолив жажду и совершив омовение, вылил остатки воды обратно в источник, и из него хлынул поток, утоливший жажду всех людей и животных.

С этого места, избранного для стоянки, Магомет разослал своих военачальников провозглашать ислам и обращать в него силой или облагать данью. Некоторые соседние князья прислали к нему посольства — одни для признания его божественной миссии, другие — для изъявления покорности его светской власти. В числе их находился Джоханаан ибн Руба, князь Эль-Улы, христианского города, находившегося у Красного моря. Это был тот самый город, в котором, по словам предания, когда он был населен евреями, старики были обращены в свиней, а молодежь в обезьян за то, что они ловили рыбу в субботу. Предание об этом наказании торжественно внесено в Коран.

Князь Эль-Улы заключил с Магометом мирный договор и согласился платить ежегодно дань в три тысячи динариев или золотых крон. Форма этого договора послужила образцом и последующих договоров, заключенных с другими властителями.

В числе арабских князей, исповедовавших христианскую веру и отказавшихся платить дань Магомету, был Окайдо ибн Малек из племени Кенда. Он жил в замке у подошвы горы, в центре своих владений. Халид был послан во главе конного отряда, чтобы привести его к покорности. Найдя, что замок слишком крепок и не может быть взят приступом, Халид прибегнул к военной хитрости. Однажды Окайдо с женою, лунной ночью наслаждаясь свежестью воздуха и находясь на плоской крыше своего дома, заметил животное, щипавшее траву, и счел его за дикого осла из соседних гор. Окайдо, страстный охотник, тотчас же потребовал коня и копье и отправился на охоту со своим братом Гасаном и некоторыми приближенными. Дикий осел оказался приманкой. Лишь только они отъехали немного, как Халид со своими людьми выскочил из засады и напал на них. Они были слишком легко вооружены, чтобы сопротивляться. Гасан был убит на месте, Окайдо взят в плен, а остальные спаслись бегством в замок, который вскоре тоже был взят. Князю этому была впоследствии возвращена свобода, после того как он внес за себя большой выкуп и обязался платить дань.

Халид послал Магомету как военный трофей одежду, снятую с убитого Гасана. Она была сделана из шелка, с роскошным золотым шитьем. Мусульмане обступили ее и рассматривали с удивлением. «Вы любуетесь этой одеждой, — сказал пророк, — но клянусь Тем, в Чьих руках душа Магомета, что одежда, которую Саад, сын Маади, носит теперь в раю, гораздо драгоценней». Этот Саад был судья, произнесший семьсот семьдесят смертных приговоров над пленными евреями по окончании одной из предшествующих кампаний.

Когда войско оправилось, пробыв несколько дней в Тебукке, и соседние страны были покорены, Магомет решил

проникнуть в сердце Сирии, то есть достигнуть той цели, ради которой был предпринят настоящий поход. Увлечения его, однако, не разделяли его последователи. Известие о громадном корпусе неприятельских отрядов, собранных на сирийской границе, охладило пыл его армии. Магомет заметил общую подавленность, но не хотел прервать похода на полдороге. Созвав военный совет, он предложил на разрешение вопрос о том, следует ли продолжать движение вперед или нет? На это Омар язвительно заметил: «Если у тебя есть на это веление Божие, то надо идти дальше». — «Если бы оно было у меня, — заметил Магомет, — я бы не спросил твоего совета». Омар понял укор и почтительным тоном стал доказывать, как неблагоприятно двигаться навстречу громадной подавляющей силе, собранной, по слухам, на сирийской границе; он указал, как много Магомет уже достиг этим походом: он приостановил грозившее нападение императорских войск, добился почестей и покорности различных племен и народов на всем протяжении от Красного моря до Евфрата. Поэтому он советовал ему удовольствоваться в нынешнем году тем, что уже достигнуто, и отложить окончание предприятия да следующего раза.

Совет его был принят, потому что в тех случаях, когда Магомет не был сильно возбужден и не находился под влиянием воображаемых велений свыше, он был всегда более склонен подчиняться в военных вопросах мнению своих вождей. Таким образом, после двадцатидневного пребывания в Тебуке он повел свою армию обратно в Медину.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Торжественное вступление в Медину. Наказание тех, которые отказались принять участие в походе. Отлучение. Смерть Абдаллаха ибн Обба. Раздор в гареме пророка

Возвращение Магомета в Медину после его военных побед отличалось всегда простотою и отсутствием чванства, составлявшими характерную черту всех его действий. При приближении к городу, когда все домашние его с толпой народа выходили к нему навстречу, он останавливался, чтобы приветствовать их, и сажал маленьких детей сзади себя на лошадь. Точно таким же образом вступил он и теперь в Медину, возвращаясь из похода против Тебука.

Возвращение армии со значительной добычей, забранной ею во время самой дальней экспедиции, когда-либо предпринятой до того времени воинами ислама, было событием, имевшим слишком большое значение, чтобы общество могло оставить его без восторженных приветствий. Пали духом только отказавшиеся следовать за армией или бежавшие с дороги. Все они прежде всего подвергались отлучению: Магомет запретил своим правоверным последователям иметь с ними какие бы то ни было отношения. Тронутый, однако, их раскаянием и оправданиями, он мало-помалу простил большинство из них. Семь человек, с которых отлучение не было снято, находясь в полном разобщении со своими ближними и, среди всеобщего восторга, заклеянные позором, дошли до отчаяния и в таком состоянии приковали себя к стенам мечети, поклявшись оставаться тут, пока их не простят. Со своей стороны, и Магомет дал клятву, что простит их только в том случае, если получит от Бога повеление в благоприятном для них

смысле. К счастью, повеление о прощении их было получено в откровении, изложенном в Коране; но, освобождая их от самовольно наложенных ими на себя цепей, Магомет потребовал третью часть их имущества на дела веры.

В числе людей, находившихся еще под отлучением, были Кааб ибн Малек, Мурара ибн Рабия и Хилал ибн Омейя.

Все они раньше были самыми ревностными поборниками ислама, вследствие чего отпадение их в глазах пророка было в десять раз непростительнее, чем отпадение остальных людей, еще слабых в вере и сомневающихся. К ним поэтому он оставался неумолим. Сорок дней они находились под отлучением, и отлучение это распространялось и на их сношения с женами.

Из рассказа самого Кааба ибн Малека о своем положении во время этого разобщения ясно видно, какую власть имел Магомет над умами своих последователей. Кааб заявляет, что все или избегали его, или относились к нему не так, как прежде. Два товарища его по несчастью не выходили из дому; но он скитался с места на место, и никто не разговаривал с ним. Он посетил мечеть, сел там рядом с пророком и поклонился ему, но приветствие его осталось без ответа. На сорок первый день пришло приказание, чтобы он разлучился с женой. После этого он оставил город и раскинул палатку на холме Сала, где решился выдержать назначенное ему суровое наказание. Но сердце его изнемогало; весь мир, говорил он, давил его и становился как бы тесен. На пятьдесят пятый день к нему явился вестник и принес надежду на помилование. Отлученный поспешил в Медину и нашел пророка в мечети, где тот встретил его с сияющим лицом и объявил, что Бог простил его. Душа Кааба просветлела, и он в порыве благодарности отдал часть своего состояния ради искупления своего заблуждения.

Вскоре по возвращении армии в Медину заболел глава «лицемеров», хазрадит Абдаллах ибн Обба, так сильно, что жизнь его находилась в опасности. Хотя Магомету было хорошо известно вероломство этого человека и его тайные замыслы против него, однако он неоднократно навещал его

во время болезни, присутствовал при последних минутах его жизни и проводил тело его до могилы. Там, по просьбе сына покойника, он молился об отпущении его грехов.

Оставшись наедине, Омар упрекал Магомета за то, что он молился за «лицемера», и напомнил ему, как часто Абдаллах клеветал на него; но пророк тонко ответил ему текстом из Корана: «Ты можешь молиться или не молиться за “лицемеров” – как знаешь; но молись ты хоть семьдесят раз, они все равно не получают прощения».

Молитвы на могиле Абдаллаха возносились, следовательно, с хитрым умыслом завоевать благосклонность хазрадитов и могущественных друзей умершего, и эта цель молитв была достигнута, так как большинство приверженцев покойного стали преданными последователями пророка, всемогущества которого с тех пор в Медине никто уже не оспаривал. Вскоре после этого он возвестил другое откровение, запрещавшее ему молиться у постели умирающих и посещать могилы умерших в неверии.

Но, властвуя так безгранично над учениками своими и народом, Магомету стоило большого труда управляться с женами и поддерживать спокойствие в своем гареме. Повидимому, он поступал вполне справедливо в своих супружеских отношениях, дав каждой жене отдельное помещение, в котором она была единственной хозяйкой и где он проводил сутки по очереди. Но случилось однажды, что, когда он находился у Хафзы, последняя ушла навестить отца. Вернувшись неожиданно, она застала пророка с его любимой рабыней, счастливицей Марией, матерью сына его Ибрагима. Ревность Хафзы не имела границ и выразилась громкими криками. Магомет старался успокоить ее, опасаясь, чтобы крики ее не возмутили всего гарема; но усмирить ее ему удалось только дав клятву, что он никогда больше не будет иметь сношений с Марией. На этих условиях она простила прошлое и дала обещание никому не говорить о случившемся. Обещания своего она, однако, не исполнила и рассказала Аише о неверности пророка, что вскоре стало известно всему гарему. Тогда все жены сообща

разразились на него бурей упреков, так что Магомет, выйдя наконец из терпения, развелся с Хафзой и прервал сношения с остальными женами. Целый месяц он спал один на циновке в отдельном помещении, пока Аллах во внимание к его одиночеству не послал ему первую и шестую главы Корана, освобождавшие его от клятвы относительно Марии, которая тотчас же и стала разделять его уединение.

Непокорные жены тут только поняли свое заблуждение и узнали из того же откровения, что ограничения, предписываемые простым смертным, не обязательны для пророка. Наконец, он вернул раскаявшуюся Хафзу, примирился с нежно любимой им Аишей и постепенно простил и остальных жен, но не переставал любить Марию, прекрасную мать своего единственного сына.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Годичное путешествие богомольцев в Мекку под предводительством Абу Бакра. Паломничество Али для обнародования откровения

Священный месяц ежегодного богомолья уже приближался, но Магомет был слишком занят общественными и домашними делами, чтобы иметь возможность самому уезжать из Медины. Поэтому он уполномочил Абу Бакра занять его место в качестве эмира, или начальника богомольцев, собиравшихся выступить из Медины в священный город.

Абу Бакр выехал в Мекку во главе трехсот пилигримов и с двадцатью верблюдами для жертвоприношения.

Вскоре после этого Магомет призвал своего зятя и преданного ученика Али и, дав ему самого быстрого из своих верблюдов, ал-Адга («Надрезанные уши»), велел мчаться что есть духу в Мекку и обнародовать там перед толпой собравшихся со всех сторон богомольцев важную суру, или главу, из Корана, только что полученную им с неба.

Али выполнил свою миссию с обычным рвением и добросовестностью. Он приехал в священный город во время религиозного празднества. В день жертвоприношения, когда религиозные обряды завершались закланием жертв в долине Мина и когда Абу Бакр проповедовал народу учение ислама и поучал его обрядам, перед громадной толпой, собравшейся в долине ал-Акаба, явился внезапно Али и объявил себя вестником, посланным пророком с важным откровением. Потом он прочел привезенную суру, или главу, из Корана. В этой главе «религия меча» провозглашалась во всей ее силе. Она освобождала Магомета от всех перемирий и союзов с идолопоклонниками и другими неверными, если они по какому бы то ни было случаю нарушали условие или подавали помощь неприятелю. Неверующим

давалось четыре месяца свободы вероисповедания со времени настоящего объявления. В течение этих месяцев им предоставлялось право безопасно ходить по всей земле, но по истечении этого времени всякая снисходительность прекращалась и их надлежало преследовать всюду, во всякое время и на всяком месте открытой силой или прибегая к военной хитрости; тогда им останется одно из двух: или принять ислам, или платить дань. Священные месяцы и священные места не будут дольше служить им защитой. «Когда же месяцы, в которые вам запрещено нападать на них, пройдут, – говорит откровение, – вы будете убивать идолопоклонников, где бы они вам ни попадались, или забирать их в плен; осаждайте их открыто или устраивайте засады». Кровные узы и дружба должны считаться ни во что; что касается неверующих, то правоверные не должны поддерживать никаких отношений ни с ближайшими родственниками своими, ни с лучшими друзьями, если они упорно пребывают в неверии. По истечении текущего года ни одному неверному не разрешается попирать ногами священные границы Мекки и входить в храм Аллаха. Запрещение это сохранилось и по настоящее время.

Весьма вероятно, что строгость этой главы Корана была вызвана главным образом поведением некоторых евреев и идолопоклонников-арабов, заключивших с Магометом договоры, но неоднократно обманывавших его и даже изменчески посягавших на его жизнь. Но здесь сказывается вместе с тем и необыкновенная самоуверенность, явившаяся после смерти коварного и могущественного врага его, Абдаллаха ибн Обба, и вследствие быстрого перехода арабских племен в ислам или в подданство Магомету. Действительно, это был шаг к исключительному господству магометанской веры.

По возвращении в Мекку Абу Бакра и Али первый выразил удивление и неудовольствие, что не ему было поручено обнаружение такого важного откровения, находившегося в тесной связи с его недавним поручением. Но его успокоили, уверив, что каждое новое пророчество должно быть возведено самим пророком или кем-нибудь из членов его семьи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Магомет посылает своих военачальников в дальние экспедиции. Назначает своих наместников для управления Счастливой Аравией. Отправляет Али подавить восстание в этой области. Смерть Ибрагима, единственного сына пророка. Его поведение у постели умирающего и на его могиле. Его усиливающиеся недуги. Его прощальное путешествие на богомолье в Мекку; его поведение и проповедь в Мекке.

Провозглашение для всеобщего сведения вышеупомянутой главы Корана с угрозой начать опустошительную войну против всех, кто откажется перейти в ислам или покориться власти Магомета, создало множество обращенных или плательщиков дани, так что к концу месяца или в начале десятого года хиджры к воротам Медины стекалось много послов от отдаленных племен и князей. В числе лиц, признавших светскую власть пророка, был и Фарва, наместник Иракия в Сирии и правитель Аммона, древней столицы аммонитян.

Этот акт подчинения не был, однако, признан императором, а сам Фарва подвергся тюремному заключению.

Магомет все больше и больше сознавал себя всемогущим властелином и действовал так, что и самые смелые планы его как завоевателя всегда освещались рвением апостола. Полководцы его посылались в более дальние экспедиции, чем прежде, но всегда с целью уничтожить идолов и подчинить идолопоклоннические племена, так что его светская власть только шла об руку с распространением его веры. Он назначил в Счастливую Аравию двух наместников для управления ею от своего имени; но так как часть этой богатой и значительной страны выказала неповиновение, то для вразумления жителей послан был туда Али во главе трехсот конников.

Юный ученик высказал вполне понятную неуверенность в том, что он едва ли сумеет должным образом исполнить поручение, при котором ему придется сталкиваться с людьми пожилыми и более разумными, чем он; но Магомет положил одну свою руку ему на губы, а другую на грудь и, подняв глаза к небу, воскликнул: «О Аллах! Развяжи его язык и руководи его сердцем!» Он дал ему наставление, как поступать в качестве судьи: «Когда к тебе явятся две противные партии, никогда не решай в пользу одной, не выслушав другой». Затем, вручив ему знамя веры и надев ему на голову чалму, он простился с ним.

Когда военный миссионер достиг идолопоклоннической области Йемен, люди его, со свойственной арабам наклонностью к хищничеству, стали разбойничать, грабить и все разрушать. Али обуздал это своеволие и, удерживая убежавших жителей, начал объяснять им учение ислама. Языку его, даже недавно освященному Магометом, не хватало убедительности, и ему отвечали стрелами и копьями; тогда он обратился к прежнему аргументу – к мечу, которым он владел так искусно, что после того как человек двадцать неверных было убито, остальные открыто признали себя вполне убежденными. За этим подвигом следовали и другие, подобные ему, и Али после каждой удачи посылал гонца к Магомету с известием о новом торжестве веры.

Но в то время как Магомет восторгался, принимая со всех сторон известия об успехе, его глубоко поразило страшное семейное горе. Ибрагим, его сын от любимой наложницы Марии, пятнадцатимесячный мальчик, его единственный потомок мужского пола, через которого он надеялся передать имя свое потомству, – ребенок этот схватил смертельную болезнь и умер на глазах отца. Магомет не в силах был сдерживать отцовского горя и в порыве отчаяния склонился над погибшим цветом своих надежд и заплакал. Но даже и в этот момент испытания Магомет проявил ту же покорность воле Бога, которая составляет основу его веры. «На сердце у меня кручина, – шептал он, – и глаза мои полны слез при разлуке с тобой, о сын мой! Но печаль моя была

бы еще сильнее, если бы я не знал, что скоро последую за тобой. Все мы от Бога; от Него исходим; к Нему же должны и вернуться».

Абдалрахман, видя его слезы, спросил: «Разве ты не запретил нам оплакивать умерших?» – «Нет, – отвечал пророк, – я запретил вопли и крики, я запретил уродовать лица и рвать одежды, считая это за дьявольское внушение; но слезы, проливаемые от горя, являются бальзамом, исцеляющим сердца, и посланы нам как милость».

Он проводил ребенка до могилы и тут, даже в порыве отчаяния при разлуке, он дал новое доказательство того, насколько в душе его непоколебимы были основы его религии. «Сын мой! Сын мой! – воскликнул он, когда тело ребенка было предано земле. – Скажи: Бог мой – Господь! Пророк Божий – мой отец, а вера моя – ислам!» Так говорил он, чтобы научить своего ребенка отвечать на те вопросы ангелов, которые, согласно мусульманской вере, они задают умершим, покоящимся в могиле*.

Затмение солнца, случившееся около этого времени, было истолковано некоторыми ревностными последователями Магомета как небесное проявление горя о смерти Ибрагима, но огорченный отец отверг эту рабскую лесь.

* У мусульман существует обряд, по которому мулаккен, или священник, обращается к покойнику, опущенному в могилу, со следующими словами: «О раб Божий! О сын рабы Божией! Знай, что теперь к тебе сойдут с неба два ангела, посылаемые к тебе и к подобным тебе. Когда они спросят тебя: “Кто твой Господь?” – отвечай им: “Воистину, Бог мой – Господь”. Когда же они спросят тебя относительно пророка, или человека, посланного к тебе, скажи им: “Воистину, Магомет – апостол Бога”, а на вопрос их относительно религии скажи им: “Ислам – моя религия”. Когда они спросят, какую ты книгу имеешь для руководства, скажи им: “Для руководства я имею Коран, а мусульмане – братья мои”. Когда же они спросят относительно твоей киблы, то скажи: “Кааба – моя кибла: я жил и умер с верой, что нет Бога, кроме Бога, и что Магомет – апостол Божий”, и тогда ангелы скажут: “Спи, о раб Божий, под защиту Бога!”» (*Lane's Modern Egyptians. V. II. P. 338*).

«Солнце и луна, – сказал он, – одни из бесчисленных чудес Господних, посредством которых Он проявляет иногда волю Свою слугам Своим; но их затмение не имеет ничего общего ни с рождением, ни со смертью кого-либо из смертных».

Смерть Ибрагима была ударом, приблизившим Магомета к могиле. Его организм уже был расшатан необыкновенным душевным возбуждением, нервными припадками и физическими недугами, которым он был подвержен; кроме того, яд, поднесенный ему в Кхаибаре, своей отравой подточил его жизненные силы, причинил ему мучительные боли и привел к преждевременной старости. Его религиозная ревность возбудилась еще сильнее вследствие увеличивающихся телесных недугов, и он решил употребить остатки своих сил на последнее путешествие в Мекку, желая, чтоб пример его послужил образцом всех будущих обрядов подобного рода.

Известие об его благочестивом намерении разнеслось, и множество набожных людей со всех частей Аравии пришли с целью сопровождать пророка-богомольца. Мединские улицы переполнились разноплеменными толпами, явившимися из городов и сел, горных укреплений и отдаленных пустынь и раскинувшими свои палатки даже по окрестным долинам. Поразительную картину торжества веры представляли эти недавно еще разобщенные варварские и воинственные племена, собравшиеся теперь как братья и воодушевленные общим чувством религиозного рвения.

В этом путешествии Магомета сопровождали девять жен, которых несли на носилках. Он выехал во главе большой свиты, состоявшей, по словам одних, из пятидесяти шести тысяч, а по словам других – из девяноста и даже из ста четырнадцати тысяч богомольцев. Тут же находилось и громадное количество верблюдов, разукрашенных гирляндами цветов и развевающимися флагами; их вели для жертвоприношений.

Местом первой ночной остановки избрана была деревня Дуль-Голаифа, в нескольких милях от Медины, где, как и прежде, Магомет и его последователи сложили свое оружие

и надели одежды богомольцев. На следующий день, рано утром, после молитвы в мечети, он сел на своего верблюда ал-Касва и, достигнув долины Балда, произнес молитву, или воззвание, называемую на арабском языке «Талбиджу», которую произносили вслед за ним и все его последователи. Вот, что выражено в этом торжественном возвании: «Здесь я служу Тебе, Боже! Здесь я служу Тебе! Тебе нет равного. Одному Тебе подобает поклонение. От Тебя исходит все благое. Одному Тебе принадлежит царство, и никто не может разделить его с Тобой». Молитва эта, согласно мусульманскому преданию, была произнесена патриархом Авраамом, когда он проповедовал истинную веру всему человечеству с вершины холма Кубеис, находящегося недалеко от Мекки. И так необыкновенно мощен был его голос, что все живые существа всего мира слышали его; даже утробный младенец повторил: «Я здесь служу Тебе, о Боже!»

Таким образом, толпа богомольцев продолжала свой путь по горам и долинам, растянувшись на несколько миль, оглашая иногда воздух пустыни общими молитвами и восклицаниями. Здесь уже не встречались неприятельские отряды, которые могли бы задержать эту толпу или потревожить ее, потому что ислам мирно господствовал тогда над всей Аравией.

Магомет подошел к священному городу со стороны тех же возвышенностей, с которых он подходил и для осады его, и вошел через ворота Беви-Шейба, сохранившие по настоящее время название «святых ворот».

Через несколько дней к нему присоединился и Али, поспешивший вернуться из Йемена; он привел с собой много верблюдов для жертвоприношений.

Так как предполагалось, что богомолье это будет образцом для последующих, то Магомет строго соблюдал при нем все обряды, как те, которые он сохранил, уступая патриархальным обычаям, так и те, которые он ввел сам согласно откровению. Он был слишком слаб и немощен, чтобы идти пешком, а потому сел на своего верблюда и так объехал семь раз вокруг Каабы и выполнил паломничество между холмами Сафа и Мерва туда и обратно.

Когда настало время для жертвоприношений, он собственноручно убил шестьдесят три верблюда, соответственно числу лет его жизни; Али в это же время убил тридцать семь, соображаясь тоже со своими летами.

Вслед за этим Магомет обрил сначала правую сторону, потом левую сторону своей головы. Обрезанные пряди волос были поровну разделены между его учениками и хранились ими как священная реликвия. Халид впоследствии носил всегда одну прядь этих волос на своей чалме и утверждал, что она придает ему сверхъестественную силу в битве.

Сознавая, что жить ему остается уже недолго, Магомет в это последнее пребывание в священном городе употребил все силы, чтобы возможно глубже запечатлеть свое учение в умах и сердцах своих последователей. С этой целью он часто проповедовал в Каабе с кафедры или на открытом воздухе, сидя на верблюде. «Вслушайтесь в мои слова, – говорил он, – потому что неизвестно, придется ли нам когда-нибудь снова сойтись здесь. О слушатели мои, ведь я такой же человек, как и вы; в определенное время явится ангел смерти, и я должен буду последовать его призыву!»

Он старался не только передать народу свое учение и познакомить его с обрядами, но и сообщить ему правила жизни как общественной, так и домашней; и эти правила, изложенные и поясненные, имели сильное и прочное влияние на нравственность, образ жизни и привычки всего мусульманского мира.

Имея, несомненно, в виду приближение смерти и беспокоясь об участи, ожидавшей его родственников и друзей после его кончины и, главным образом, заботясь о любимце своем, Али, который, как он заметил, вызвал недовольство своей недавней экспедицией в Йемен, – Магомет воспользовался минутой сильного возбуждения энтузиазма в своих слушателях и обратился к ним с торжественной речью.

«Вы веруете, – сказал он, – что существует только один Бог, что Магомет – Его пророк и апостол, что есть рай и ад, что смерть и воскресение несомненны и что предопределено время, когда восставшие из гробов призваны будут на

суд?» Все присутствовавшие отвечали: «Мы веруем во все это». Тогда он стал торжественно заклинять их любить и уважать его семью, в особенности же Али. «Кто любит меня, – сказал он, – пусть будет другом и Али! Да поддержит Бог тех, кто отнесется к нему дружелюбно, и да отвернется от его врагов!»

По окончании одной из его речей, которую он произносил на открытом воздухе, сидя на верблюде, раздался, говорят, с неба Божественный голос, произнесший знаменитый стих Корана: «Худо тем, кто отверг теперь вашу веру. Не бойтесь их; бойтесь Меня. Ныне Я довел вашу религию до совершенства и проявил к вам Мое милосердие. Такова Моя воля, чтоб ислам стал вашей верой».

Услышав эти слова, говорят арабские историки, верблюд ал-Касва, на котором сидел Магомет, пал на колени в порыве благоговения. Эти слова, прибавляют они, служат печатью и заключением закона, потому что после них не было дальнейших откровений.

Выполнив все обряды и церемонии богомолья и изложив во всей полноте свою веру, Магомет сказал последнее «прости» своему родному городу и, став во главе своей армии пилигримов, отправился обратно в Медину.

Увидя ее, он воскликнул: «Велик Бог! Велик Бог! Есть только один Бог, и нет Ему подобного. Его есть царство, и одному Ему подобает хвала. Он всемогущ. Он исполнил Свое обещание. Он поддержал Своего раба и один рассеял всех его врагов. Вернемтесь же домой и поклонимся и восхвалим Его!»

Так совершилось это так называемое прощальное богомолье, потому что оно было последним для Магомета.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

О двух лжепророках: ал-Асваде и Мусеильме.

Здоровье Магомета по возвращении его в Медину все ухудшалось; тем не менее он по-прежнему горячо стремился к распространению своего религиозного владычества и делал обширные приготовления ко вторжению в Сирию и Палестину. Пока он обдумывал чужеземные завоевания, два пророка явились его соперниками, оспаривающими его власть в Аравии. Одного звали ал-Асвад, другого – Мусеильма; они получили от правоверных вполне заслуженное название «двух лжецов».

Ал-Асвад, человек умный, одаренный убедительным красноречием, был раньше идолопоклонником, потом обратился в ислам, наконец, отступил и от этой веры, выдавая себя за пророка и проповедуя свою религию. Его неустойчивость в религиозных вопросах заслужила ему название «айлгала», то есть «флюгер». Из подражания Магомету он утверждал, что получает с неба откровения при содействии двух ангелов. Искусный фокусник, знакомый с магией, он приводил в удивление и смущение толпу зрителей иллюзиями, которые выдавал за чудеса, так что некоторые мусульманские писатели верят, что ему на самом деле помогали два злых джинна, или демона. Планы его имели одно время большой успех, из чего легко заключить, до какой степени были шатки в своих религиозных верованиях арабы и как легко они увлеклись всякой новой верой.

Перс Будхан, которого Магомет назначил вице-королем Счастливой Аравии, умер в этом году. Ал-Асвад, как глава сильной секты, убил его сына и наследника, женился на его вдове, умертвив предварительно ее отца, и захватил в свои руки бразды правления. Наджранский народ пригласил его

в свой город; ворота Саны, столицы Йемена, также открылись перед ним, так что в короткое время вся Счастливая Аравия подчинилась его власти.

Слухи об этом самозванстве дошли до Магомета, когда он уже страдал первыми приступами опасной болезни и был озабочен приготовлениями для вторжения в Сирию. Злобно и раздражительно относясь к каждой помехе его планам и считая, что все затруднения и вся опасность зависят от жизни одной этой личности, он отдал некоторым из своих последователей, бывшим у ал-Асвада, приказание открыто или тайно убить его, так как оба эти пути были извинительны по отношению к врагам веры, согласно недавнему откровению, обнародованному Али. Два человека взялись совершить убийство не столько, впрочем, из религиозных побуждений, сколько из жажды мести. Один, по имени Раис, был смертельно оскорблен узурпатором; другой, дайлемит Феруз, приходился двоюродным братом новой жене ал-Асвада и племянником ее убитому отцу. Они явились к женщине, брак которой с узурпатором был, вероятно, вынужден, и убедили ее, по арабским законам о кровной мести, отомстить за смерть отца и прежнего мужа. С большим трудом уговорили они ее облегчить им доступ в комнату спящего ал-Асвада, решившись убить его. Феруз ударил его кинжалом по шее, но неудачно. Ал-Асвад вскочил и криками своими переполошил стражу. Жена его, однако, вышла и успокоила тревогу: «Пророк – сказала она, – находится под воздействием Божественного откровения». Тем временем крики прекратились, так как убийцы успели отсечь голову своей жертве. На рассвете знамя Магомета опять развевалось на стенах города, и герольд при трубном звуке возвестил о смерти ал-Асвада, иначе называемого лжецом и самозванцем. Он в течение четырех месяцев приобрел власть и пал жертвой ее. Народ, легко меняющий религии, вернулся к исламу так же скоро, как и изменил ему.

Мусейльма – другой самозванец, араб из племени Гонейфа, властвовал над городом и областью Ямама, лежащей между Красным морем и Персидским заливом. В девятый

год хиджры он явился в Мекку во главе посольства от своего племени и перед лицом Магомета принял ислам; но, возвратясь в свою сторону, объявил, что и он получил от Бога дар пророчества и предсказание помогать Магомету в обращении рода человеческого в истинную веру. С этой целью он также написал Коран, который выдавал за возведенный Богом. Согласно его учению, душа помещалась в брюшной полости.

Как человек ловкий и влиятельный, он скоро приобрел много последователей из среды своих лежковерных сограждан. Став самоуверенным благодаря своим успехам, он написал Магомету письмо, начинавшееся так:

«От Мусеильмы, пророка Аллаха, Магомету, пророку Аллаха. Приди теперь и раздели со мною мир; пусть одна половина его будет твоей, а другая – моей».

Магомет получил это письмо, когда был удручен болезнью и заботой о военных приготовлениях; потому он и ограничился следующим ответом:

«От Магомета, пророка Божия, Мусеильме – лжецу. Земля принадлежит Господу, и Он предоставляет владение ею тем из рабов Его, которые заслужили Его милость. Счастливы живущие в страхе Божиим».

Среди других дел самозванство Мусеильмы не было обуздано и возмездие отложено до другого времени.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Армия, готовая к походу против Сирии. Предводительство армией поручено Осаме. Прощание пророка с войсками. Его последний недуг. Его проповедь в мечети. Его смерть и сопровождавшие ее обстоятельства.

На одиннадцатом году хиджры после усиленных приготовлений сильная армия была готова к выступлению против Сирии. Можно было бы счесть за признак ослабления умственных способностей Магомета то обстоятельство, что командование такой армией в этой экспедиции он доверил двадцатилетнему юноше Осаме, вместо того чтобы поручить его одному из своих старых и испытанных полководцев. Но тут, по-видимому, сказалась его благосклонность, подсказанная нужными и благодарными воспоминаниями. Осама был сын Зайда, преданного вольноотпущенника Магомета, который так явно доказал Магомету свою любовь, уступив ему прекрасную жену свою Зайнаб. Зайд до конца оставался ревностным и самоотверженным учеником его и пал, доблестно сражаясь за веру, в битве под Мутой.

Магомет знал, что выбор его сделан рискованно, и, опасаясь, что войска не будут подчиняться такому молодому предводителю, на общем смотре увещевал их повиноваться, напомнив им, что отец Осамы, Зайд, был главнокомандующим в такого же рода экспедиции против того же народа и пал от его руки; а было бы справедливой данью памяти отца дать возможность сыну отомстить за смерть его. Поэтому, передав знамя свое в руки молодого военачальника, он призывал его храбро бороться за веру со всеми, не признающими единого Бога. Войско выступило в тот же самый день и расположилось лагерем под Джорфом, в нескольких милях от Медины; но случились обстоятельства, прервавшие его дальнейшее движение.

В эту же ночь у Магомета был сильный приступ той болезни, которой он страдал и раньше; некоторые приписывали причину ее яду, поднесенному ему в Кхаибаре. Приступ начался страшной головной болью с головокружением и бредом, который, по-видимому, бывал при всех его болезненных проявлениях. Пробудившись в полночь от тревожного сна, Магомет повелел рабу сопровождать его, говоря, что мертвецы, похороненные на мединском общественном кладбище, призывают его прийти и помолиться за них. Среди ночной темноты он вместе с рабом направился к обширному кладбищу, находившемуся за стенами города, безмолвного и погруженного в сон.

Став среди могил, он громким голосом с торжественным воззванием обратился к покоившимся, говоря: «Радуйтесь, вы, обитатели гробов! Утро вашего пробуждения будет гораздо тише и спокойнее предстоящего живущим. Участь ваша счастливее. Бог избавил вас от грозящих им бурь, которые будут сменять одна другую, подобно страже в бурную ночь, и каждая последующая будет мрачнее предыдущей».

Помолившись за покойников, он обратился к своему рабу: «Мне дан выбор, — сказал он, — или оставаться в этом мире до конца века и упиваться всеми наслаждениями, или скоро возвратиться к Богу; и я избрал последнее».

Начиная с этого времени болезнь его быстро усиливалась, хотя он и старался, по обыкновению, выходить из дома и менять свое местопребывание ежедневно то у той, то у другой жены, как он привык это делать всегда. Он был в жилище Маимуны, когда приступ болезни до такой степени усилился, что он ясно почувствовал приближение рокового конца. Сердце влекло его к любимой жене Аише: с ней хотел он пробыть последние минуты жизни. С обвязанной головой и дрожа всем телом, он при помощи Али и Фадлеша, сына ал-Аббаса, добрался до ее жилища. Аиша тоже страдала сильнейшей головной болью и просила у него лекарства.

«Зачем лекарство? — сказал он. — Было бы лучше для тебя умереть раньше меня. Я бы закрыл тебе глаза, обвинил бы тебя пеленами, положил в гроб и стал бы молиться».

«Да, – отвечала она, – а потом ты вернулся бы в мой дом и стал бы жить с одною из остальных твоих жен, которая воспользовалась бы таким образом моей смертью».

Магомет с улыбкой выслушал этот упрек ревливой нежности и отдался на попечение Аиши. Вскоре к нему пришла Фатима, жена Али, единственная дочь его, оставшаяся в живых. Аиша часто уверяла, что она никогда не видала никого, кто бы был так похож на пророка мягкостью характера, как эта дочь его. И он всегда относился к ней с почтительною нежностью. Когда она входила к нему, он обыкновенно вставал, шел к ней навстречу, брал ее за руку, целовал, а потом сажал на свое место. Рассказ Аиши об их встрече в настоящем случае сохранился в преданиях, собранных Абульфедой.

«Милости просим, дитя мое», – сказал пророк и посадил ее около себя. Потом он сказал ей что-то на ухо, отчего она заплакала. Заметив ее огорчение, он еще раз что-то сказал ей шепотом, и лицо ее просияло от радости. «Что значит это? – спросила я Фатиму. – Пророк почтил тебя таким знаком доверия, какого никогда не оказывал ни одной из своих жен». – «Я не могу выдать тайны пророка Божия», – отвечала Фатима; но после смерти его она открыла, что в первый раз он сообщил ей на ухо о приближении своей кончины, и, заметив, что она плачет, утешил ее уверением, что и она скоро последует за ним и будет на небе царицей правоверных мусульманок».

На следующий день болезни Магомет почувствовал мучительный лихорадочный жар и велел из кувшинов обливать себе голову и тело, причем во время пароксизмов кричал: «О как кхаибарский яд терзает мои внутренности!»

Несколько оправившись, он при помощи друзей пошел в мечеть, которая была рядом с его жилищем. Здесь, сидя в кресле на кафедре, он усердно молился и затем, обратившись к многочисленному собранию, сказал: «Если у кого-нибудь из вас лежит что-нибудь на совести, пусть он выскажется, чтобы я мог вымолить у Бога прощение ему». Услыхав это, один человек, считавшийся набожным

мусульманином, выступил вперед и сознался, что он – лицемер, лжец и ученик, не сильный в вере. «Прочь отсюда! – крикнул Омар. – Зачем ты открываешь то, что Бог терпит еще скрытым?» Но Магомет обратился к Омару с укором: «О сын Хаттаба, – сказал он, – лучше стыдиться в этом мире, чем мучиться в будущем!» Затем, подняв глаза к небу, он стал молиться за самообвинителя. «О Боже! – воскликнул он. – Дай ему искренность и веру и отними у него немощь в исполнении тех повелений Твоих, которые подсказывает ему совесть».

Потом он, снова обращаясь к собранию, сказал: «Если я ударил кого-нибудь из вас, то вот моя спина – пусть и он ударит меня. Если я рассердил кого-нибудь из вас, пусть он теперь же осыплет меня упреками. Если я несправедливо отнял у кого-нибудь из вас что-либо, пусть он придет теперь ко мне и получит удовлетворение».

В ответ на это какой-то человек из толпы напомнил Магомету о долге в три серебряных динария и тут же получил их обратно с процентами. «Много легче теперь, – сказал пророк, – претерпеть наказание, чем в вечности».

Затем он стал усердно молиться за правоверных, павших в битве под Ухудом и пострадавших за веру в других битвах, ходатайствуя за них в силу связи, существующей между живыми и мертвыми.

Закончив молитву, он обратился к мухаджирам, или изгнанникам, сопровождавшим его из Мекки, увещевая их чтить ансаров, или мединских союзников. «Число верующих увеличиться не может. Они были моей семьей; у них я нашел приют. Делайте добро тем, кто им делает добро, и не поддерживайте дружбы с теми, кто неприязненно относится к ним». Наконец, он дал три прощальных повеления: первое – изгнать всех идолопоклонников из Аравии; второе – дать всем прозелитам одинаковые права; третье – молиться неустанно.

По окончании проповеди и увещевания его, бережно поддерживая, отвели обратно в жилище Аиши, куда он вернулся до того истощенным, что вскоре лишился чувств.

Болезнь усиливалась со дня на день и, по-видимому, протекала с периодами бреда; он говорил, например, что к нему являлся от Бога ангел Гавриил, чтобы узнать о состоянии его здоровья, и сказал ему, что от него самого зависит назначить час своей смерти, так как Аллах запретил ангелу смерти приближаться к пророку без его дозволения.

Во время одного из пароксизмов он потребовал письменные принадлежности, чтобы иметь возможность завещать несколько житейских советов своим последователям. Присутствующие смутились, опасаясь, чтобы он не сказал чего-нибудь подрывающего авторитет Корана. Услыхав их препирательства между собою относительно того, следует ли удовлетворить его требование или нет, он велел им выйти из комнаты, а когда они вернулись, об этом не было уже больше речи.

В пятницу, в день религиозного собрания, он, невзирая на свою болезнь, приготовился совершить богослужение в мечети; для того же, чтобы освежиться и поддержать свои силы, он снова велел облить себя водой, но, употребив усилие, чтобы встать и пойти, он ослабел и потерял сознание. Придя в себя, он просил совершить богослужение Абу Бакра, заметив при этом: «Аллах дал своему служителю право назначать на свое место кого он хочет». Впоследствии у некоторых сложилось мнение, что пророк намеревался сделать своим преемником по службе этого вполне испытанного друга и последователя, но Абу Бакр боялся придать этим словам такое точное значение.

До Магомета вскоре дошло известие, что появление Абу Бакра на кафедре произвело сильное волнение, так как пронесся слух, что пророк умер. Тогда, собрав остатки сил, поддерживаемый Али и ал-Аббасом, он направился в мечеть, где радостно встречен был всем собранием. Абу Бакр прервал богослужение, но Магомет просил его продолжать и, усевшись на кафедре позади его, повторял за ним молитвы. Потом он сказал, обращаясь к собранию: «Я слышал, что вас встревожил слух о смерти вашего пророка; но разве до меня хоть один пророк жил вечно, из чего вы могли бы

заклЮчить, что я никогда не оставлю вас? Все совершается по воле Бога и имеет свой конец, которого ни ускорить, ни избежать невозможно. Я возвращаюсь к Тому, Кто послал меня, и обращаюсь к вам с последним увещанием: оставайтесь в единении, любите, уважайте и поддерживайте один другого; помогайте друг другу в вере, в твердости веры и в благочестивых делах; чрез них только человек достигает благоденствия; все же остальное ведет к гибели». В заключение своего увещания он прибавил: «Я ухажу раньше вас, но и вы скоро последуете за мной. Смерть – всеобщий удел; никто не должен стараться отвратить ее от меня. Я жил для вашего блага, и ради него я и умру». Это были последние слова, произнесенные им публично. Али и ал-Аббас снова отвели его в жилище Аиши.

На следующий день был момент, когда он казался таким бодрым, что Али, Абу Бакр, Омар и другие, неотлучно находившиеся при нем, разошлись по своим делам. С ним осталась одна Аиша. Облегчение страданий оказалось, однако, призрачным. Боли возобновились с удвоенной силой. Чувствуя приближение смерти, он велел всех своих рабов отпустить на волю, а деньги, какие найдутся у него в доме, раздать бедным; потом, подняв к небу свой взор, он воскликнул: «Боже, не оставь меня в этой предсмертной борьбе!»

Тут Аиша поспешно послала за своим отцом и Хафзой. Оставшись одна с Магометом, она поддерживала его голову на своих коленях, с нежною заботливостью следя за ним, и старалась облегчить его предсмертную агонию. По временам он опускал руку в сосуд с водою и смачивал себе лицо. Наконец, открыв глаза и устремив их неподвижно, он произнес прерывающимся голосом: «О Аллах! Да будет так – среди славных сподвижников в раю!»

«Тут я узнала, – говорила Аиша, рассказывая о его последних минутах, – что смерть приближается и что он избрал загробную жизнь».

Через несколько минут руки его похолодели и жизнь погасла в нем. Аиша переложилa его голову на подушку и,

ударяя себя в голову и грудь, дала волю громким рыданиям. Крики ее привлекли других жен Магомета, которые предались безутешным воплям, и вскоре весть об этом событии разнеслась по всему городу. Народ был охвачен ужасом, как будто совершилось какое-нибудь чудо. Все работы приостановились. Армия, сложившая свои палатки, получила приказание остаться на месте, и Осама, вдевший было уже ногу в стремя, собираясь в поход, повернул своего коня к воротам Медины и водрузил свое знамя у дверей пророка. Собралась толпа, чтобы взглянуть на тело, так что толкотня и споры проникли даже в комнату покойного. Некоторые не доверяли даже глазам своим. «Как может он умереть? – кричали они. – Разве он не посредник между нами и Богом? Как же мог он умереть? Это невозможно! Он только уснул и вознесен на небо, подобно Исе (Иисусу) и другим пророкам».

Толпа вокруг его дома все увеличивалась и шумно требовала, чтобы тело не предавалось погребению, когда прибыл Омар, только что узнавший о случившемся. Он вынул меч и, пробравшись сквозь толпу, грозил отрубить руки и ноги тому, кто осмелится утверждать, что пророк умер. «Он только удалился на время, – сказал он, – как Муса (Моисей), сын Амрама, тоже удалялся на сорок дней на гору, и наш пророк скоро вернется, подобно ему».

Абу Бакр, находившийся в отдаленной части города, прибыл вовремя, чтобы успокоить пришедший в отчаяние народ и обуздать порывы Омара. Пробравшись в комнату, он поднял покров, прикрывавший тело покойника, и, поцеловав бледное лицо Магомета, воскликнул: «О ты, заменявший мне отца и мать, ты благоухаешь даже и мертвый: живые благовония исходят из тебя! Теперь ты достиг полного блаженства, потому что никогда Аллах уже не подвергнет тебя второй смерти».

Потом, закрыв тело, он вышел и старался перервать речь Омара, но, не достигнув этого, обратился к толпе: «Воистину, если вы поклоняетесь только Магомету, то он умер, но если вы служите Богу, то Он умереть не может.

Магомет был только пророк Божий, и его постигла участь всех других апостолов и святых, живших до него. Сам Аллах говорит в Коране, что Магомет – только его посланник, но смертный. Ну что же? Разве вы отвернетесь от него и откажетесь от его учения потому только, что он умер? Вспомните, что ваше вероотступничество не принесет вреда Богу, но только послужит к вашему осуждению; тогда как благословение Божие снизойдет на тех, кто останется верен Ему».

Народ слушал Абу Бакра со слезами и рыданиями, и слова его смягчили народное отчаяние. Даже и Омар был убежден, но не утешен; он бросился на землю и оплакивал смерть Магомета, о котором вспоминал как о начальнике и друге.

Согласно мусульманским историкам Абульфедде и Джаннаби, Магомет умер в день своего рождения, когда ему минуло шестьдесят три года. Событие это совершилось в одиннадцатый год хиджры, или в 632 году христианской эры.

Многие самые близкие родственники и ученики, приготовлявшие тело его к погребению, утверждали, что чудесный аромат, который, по свидетельству его жен и дочерей, исходил от него при жизни, продолжал исходить и после смерти, так что, по словам Али, «казалось в одно и то же время, что он и умер, и что он еще жив».

Тело, омытое и умащенное благовониями, было завернуто в три покрова, два из которых были белые, а третий – полосатый, из йеменской ткани. Все это было надушено амброю, мускусом, алоэ и благовонными травами, и затем тело его было выставлено публично и над ним прочитано семьдесят две молитвы.

Останки пророка три дня оставались непогребенными, как это требовалось восточным обычаем и вместе с тем, чтобы удовлетворить людей, продолжавших еще верить в возможность летаргического сна. Когда же относительно смерти не оставалось больше никакого сомнения, начали приготовляться к погребению. Тут снова возник спор о выборе места. Мухаджиры, или ученики его из Мекки, стояли за этот город как за место его родины; ансары указывали на

Медину как на постоянное местожительство в последние десять лет его жизни и как на бывшее его убежище. Третья партия советовала перенести его останки в Иерусалим, где погребены другие пророки. Абу Бакр, слово которого всегда имело наибольший вес, объявил, что Магомет сам выражал мнение, что пророк должен быть погребен на том месте, где его застигнет смерть. Это и было исполнено буквально, так как могилу Магомету вырыли в доме Аиши, под той самой постелью, на которой он умер.

Примечание. Дом Аиши находился рядом с мечетью, которая была в то время очень скромным зданием – с глиняными стенами, с крышей, опиравшейся на деревянные столбы и покрытой пальмовыми листьями. Впоследствии она была заключена в обширный храм, имевший вид колоннады, занимающий продолговатый четырехугольник в 165 шагов длины и 130 ширины, без крыши и с четырьмя входными воротами. Колоннада, состоящая из нескольких рядов колонн различной величины, покрытых штукатуркою и раскрашенных яркими красками, поддерживает ряд небольших белых куполов, расположенных по всему четырехугольнику. На четырех углах этого храма возвышаются величественные пирамидальные минареты.

Около юго-восточного угла четырехугольника имеется пространство, огороженное железной зеленой решеткой филигранной работы, перевитой позолоченной проволокою, так что внутренность нельзя видеть иначе как через маленькие окна в шесть квадратных дюймов. Это огороженное пространство, куда сходятся богомольцы, называется гаджирой и заключает в себе гробницы Магомета и двух друзей его – преемников Абу Бакра и Омара. Над этим священным местом возвышается величественный купол с позолоченным шаром и полумесяцем на вершине, при первом взгляде на который богомольцы, подходящие к Медине, поклоняются гробнице пророка, глубоко склоняясь всем туловищем и произнося положенные молитвы. Существовала чудесная сказка, долго считавшаяся достоверной, буд-

то гроб Магомета висит в воздухе без всякой поддержки; христианские же писатели объясняли это тем, что гроб железный и искусно помещен на середине между двумя магнитами, но вся эта сказка оказывается глупой выдумкой.

Мечеть эта подвергалась многим переделкам. Однажды во время страшной бури часть ее обвалилась и разрушилась, но впоследствии была восстановлена египетским султаном. Некоторые халифы расширяли и украшали ее, особенно Валед I, при котором Испания потерпела нападение и была завоевана. Множество сокровищ, пожертвованных по обету, было похищено, когда ваххабиты овладели Мединой и произвели в ней разгром. Теперь мечеть эта поддерживается, хотя и с меньшей роскошью, под наблюдением тридцати ага-ханов, глава которых называется шейх ал-Харам, или глава священного дома. Он – главное лицо в Медине. Посещение Медины хотя и считается делом очень благочестивым и почтенным, но необязательно для магометан; посещение же Мекки признается религиозным долгом; поэтому Медину в настоящее время богомольцы навещают все реже и реже.

Вышеприведенные подробности сообщены Буркхардтом, который проник и в Медину и в Мекку, хотя для этого ему пришлось переодеваться и подвергаться большим опасностям, так как посещать эти города могут только одни мусульмане.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Личность и характер Магомета и обзор его пророческой деятельности.

Магомет, судя по сведениям, сообщаемым преданиями, исходящими от его современников, был среднего роста, плотно сложен, мускулист, с большими руками и ногами. В юности он обладал необыкновенной силой и крепостью, а к концу жизни проявлял склонность к тучности. Голову имел большую, прекрасной формы и отлично сидевшую на шее, выступавшей, как колонна, из его полной груди. Лоб у него был широкий и высокий, изборожденный вплоть до бровей жилами, надувавшимися всякий раз, когда он был возбужден или рассержен. Лицо его было продолговатое, выразительное, с резкими чертами; нос орлиный, глаза черные, окаймленные дугообразными, близко сходящимися бровями, рот широкий и выразительный, указывавший на его умение владеть словом; белые зубы, несколько редкие и неправильные; волосы черные, волнистые, ниспадавшие кудрями на плечи; борода длинная и густая.

В обращении он был вообще спокоен и ровен, иногда даже допускал шутки, но обыкновенно он был серьезен и полон достоинства, хотя улыбка его, как уверяют, была обворожительно приятна. Лицо его было более румяно, чем обыкновенно у арабов, и в минуты возбуждения и восторга блистало и сияло, что ученики объясняли сверхъестественным светом пророчества.

Его умственные качества, без сомнения, незаурядные.

Он отличался быстротой соображения, хорошей памятью, живым воображением и гениальным творчеством. Не получив почти никакого образования, он развил и обогатил свой ум тщательными наблюдениями и массой разнообразных

познаний относительно различных систем, господствовавших в его время или известных с древности по преданию. Разговор его отличался важностью тона и обилием сентенций, афоризмов и апологий, обычных у арабов; воодушевляясь, Магомет становился красноречивым, причем он обладал звучным, приятным голосом.

В пищу он был умерен и даже воздержан, тщательно соблюдая все посты. Он не выносил наружного великолепия, этого предмета тщеславия ограниченных умов; но простота его одежды не была искусственная, а выражала только его действительное пренебрежение к таким пустякам. Одежда его была иногда шерстяная, иногда полосатая бумажная, какую принято ткать в Йемене, и часто на ней встречались заплаты. На голове он носил чалму, по примеру будто бы ангелов, причем чалма обвивалась вокруг головы так, что один конец спускался и висел между плеч, ибо так, по его словам, носили ее и ангелы. Он запрещал чисто шелковые одежды, но позволял смешанные с бумагой. Точно так же им не допускались красные одеяния и золотые кольца. Сам он имел серебряный перстень, служивший ему печатю. На внутренней стороне перстня, прилежавшей к ладони, вырезаны были слова: «Магомет, посланник Бога». Магомет отличался щепетильностью относительно чистоты и соблюдал частые омовения. В некоторых отношениях он был человек очень чувственный и часто повторял: «В мире есть две вещи, восхищающие меня: женщины и благовония. Они радуют мой взор и придают мне силы быть более ревностным в благоговении». Благодаря чистоплотности и употреблению духов и благовонных масел для смазывания волос получалось, вероятно, то приятное благоухание, которое ученики приписывали врожденному и сверхъестественному свойству его тела. Его слабость к женскому полу имела громадное влияние на все его дела. Уверяют, что в присутствии красивой женщины он постоянно гладил лоб и расправлял волосы, как бы из желания казаться интереснее.

Число его жен неизвестно. Абульфеда, наиболее осторожный из всех арабских историков, ограничивал число их

пятнадцатью, хотя некоторые утверждали, что у него было двадцать пять жен. В момент смерти у него оставалось девять жен, и каждая обитала в отдельном здании близ мединской мечети. В оправдание того, что он имел больше жен, чем позволял своим последователям, приводят его желание дать своему народу особенное племя пророков. Если таково было действительно его желание, то оно не осуществилось. Из детей одна только Фатима, жена Али, пережила отца, да и та умерла вскоре после его смерти, а из всего ее потомства лишь старший ее сын, Хасан, достиг престола халифов.

В своих отношениях пророк был справедлив и обращался одинаково и с друзьями, и с врагами, и с бедными, и с богатыми, и с сильными, и с слабыми, простой народ любил его за то, что он приветливо принимал каждого и внимательно выслушивал жалобы, с которыми обращались к нему.

Магомет по своей природе был раздражителен, но научился сдерживаться, так что даже в домашней жизни, где царил полный, ничем не сдерживаемый произвол, он был всегда добр и терпелив. «Я служила ему с восьмилетнего возраста, – говорила его служанка Анаса, – и он никогда не бранил меня, хотя нередко мне случалось портить разные вещи».

Теперь невольно возникает вопрос: был ли он тем беспринципным самозванцем, каким его рисуют? Были ли все его видения и откровения сознательным обманом, а вся его система – сплетением лжи? Рассматривая этот вопрос, мы должны помнить, что Магомет неповинен во многих нелепостях, связанных с его именем. Многие из видений и откровений, передаваемых за полученные будто бы им, в действительности поддельны. Все чудеса, приписываемые ему, являются плодом фантазии ревнителей мусульманской веры. Он положительно и неоднократно отрицал все чудеса, кроме Корана, который, в силу его замечательных достоинств и того, каким способом он ниспосылался ему с неба, признавался им за величайшее чудо. И здесь мы должны сделать несколько замечаний относительно этой книги. В то время как ревностные мусульмане и некоторые ученые из числа правоверных приводят доказательства ее божественного

происхождения, ссылаясь на неподражаемое превосходство слога и содержания ее, равно как и на безграмотность самого Магомета, менее набожные критики признают ее за хаотическую смесь красот и недостатков, лишенную не только системы, но избыливающую всякого рода неясностями, туманностями, ложными версиями исторических событий и даже прямыми противоречиями. Действительно, Коран в том виде, как он существует теперь, не есть тот Коран, который Магомет передал своим ученикам, а книга, значительно искаженная и со множеством вставок. Откровения, заключающиеся в Коране, получены были в различное время, в разных местах и при разнообразных свидетелях; иногда они записывались секретарями или учениками пророка на пергаменте, на пальмовых листьях или даже на бараньих костях и складывались в ящик, о котором заботилась одна из жен Магомета; иногда же они даже просто запоминались слушателями его. Никто, по-видимому, при жизни его не позаботился соединить их в стройную систему, и даже после его смерти они долго сохранялись в виде разрозненных отрывков в изменчивой памяти его последователей. Только после его смерти Абу Бакр через некоторое время решился собрать и соединить их. Дело это поручено было Зайд ибн Табету, одному из бывших секретарей Магомета. Зайду утверждал, что знает многие части Корана наизусть, записывая их со слов пророка; другие он собирал из разных рук в виде отрывков, записанных на память тем путем, о котором мы выше говорили, и, наконец, немало пришлось ему заимствовать и у различных учеников, утверждавших, что они слышали передаваемое из уст самого пророка. Разнообразные частицы, таким образом собранные, записывались без разбора, без хронологического порядка и без всякой системы и составили том, который во время халифства Абу Бакра переписывался различными руками, причем многие копии с него, выдаваемые за подлинники, пускались в ход и распространялись по магометанским городам. В эти копии вскоре вошло так много ошибок, искажений и противоречий, что Осман, третий халиф, собрал различные ру-

кописи и, составив названный им подлинным Коран, велел уничтожить все остальные.

Эти факты могут дать довольно ясное понятие о причине тех повторений, нелепостей и противоречий, которые действительно находятся в этой странной книге. Магомет, как справедливо было замечено, мог сообщать одни и те же наставления и поучительные рассказы в разное время различным людям и даже разными словами; или многие лица могли слушать его одновременно и придавать разное значение его словам, передавать все слышанное иначе, записывая их по-своему, соответственно степени своего понимания и своей памяти. Многие его рассказы об откровениях предшествовавших ему пророков, живших в отдаленные времена, могли быть приняты за его личные откровения. Даже есть указания на то, что Абу Бакр в первые годы своего халифства счел нужным из политических видов подправить некоторые места в Коране ради того, чтоб иметь возможность опираться на него в затруднительных случаях и тем утвердить господство ислама. О том, какие добавления и искажения могли быть сделаны другими, менее стеснявшимися личностями после смерти пророка, можно судить по тем смелым вольностям, которые допустил Абдаллах ибн Саад, один из секретарей Магомета, еще при жизни его.

Из всех этих данных очевидно, что даже письменные воспоминания о Магомете полны извращений, а записанные по преданию нередко являются выдумками. Этим, бесспорно, увеличивается трудность ясно и справедливо разрешить вопрос об истинном характере пророка и образе его действий. История его, по-видимому, распадается на два резких периода. В течение первого периода, вплоть до середины его жизни, мы не можем даже придумать достаточно сильного мотива для того бессмысленного и изумительного обмана, в котором его стараются обвинить. В самом деле, какие личные выгоды могли руководить им? Жажда богатства? Но, благодаря его женитьбе на Хадидже, он уже был достаточно богат, и в течение многих лет, предшествовавших его мнимым видениям, он не проявлял никакого

желания увеличить свои средства. Желание известности? Но он уже пользовался известностью в родном городе как человек выдающегося ума и честности, принадлежа к знаменитому племени курайшитов и даже к самой почетной ветви этого племени. Стремление к власти? Место охранителя Каабы и сопряженная с ним власть правителя священного города в течение многих поколений принадлежали членам его рода, а его положение и условия давали ему полное право с уверенностью рассчитывать на этот выдающийся пост. Стремясь упразднить ту веру, в которой он воспитывался, Магомет тем самым подрывал в самом корне все эти преимущества. Прежняя вера служила источником богатства и знатности его семьи. Нападать на нее значило вызвать против себя ненависть родственников, негодование своих сограждан и ужас и ненависть соотечественников, поклонявшихся Каабе.

Были ли какие-нибудь блестящие внешние выгоды, которые могли бы в начале пророческой деятельности вознаградить за все жертвы и пленить Магомета? Нет, наоборот: деятельность его началась с сомнения и втайне. В течение многих лет она не сопровождалась никаким материальным успехом. По мере того как учение становилось известно и пророк возвещал о своих откровениях, он все больше становился предметом насмешек, злобы, клеветы и, наконец, упорных преследований, разоривших его и его друзей, заставивших некоторых членов его семьи и многих его последователей искать убежище в чужих странах. В силу чего упорствовал бы он столько лет в обмане, подрывавшем все его земные блага, и притом в такой период жизни, когда уже было слишком поздно надеяться на возможность восстановить их снова?

За отсутствием достаточных эгоистических или материальных побудительных причин мы вынуждены дать иное объяснение его поведению за этот наиболее загадочный период его жизни, что мы отчасти и пытались сделать в начале нашей книги, где мы показали, что его восторженный и мечтательный дух под влиянием уединения, поста,

молитвы, созерцательной жизни доведен был телесным недугом до состояния временного исступления, при котором он принимал игру своего воображения за небесные откровения, возвещая себя пророком Всевышнего. Мы можем предположить только одно: что в это время он впадал в самообман и сам верил в действительность своих снов или видений, верил тем более, что все его сомнения развивались ревностной и безусловно верившей ему Хадиджей и ученым и ловким Баракой.

Убедившись в своей Божественной миссии – идти и проповедовать свою веру, он соответственно этому объяснял и все свои последующие сны и представления; все это он считал за указание Божественной воли, различными путями проявлявшейся ему как пророку. Мы находим его постоянно подверженным припадкам столбняка или экстаза при малейшем возбуждении или волнении, когда он легко мог воображать себя в общении с Богом, и действительно после таких припадков почти всегда следовали его откровения.

Общий характер его поведения вплоть до бегства из Мекки ясно обнаруживает энтузиаста, действующего под влиянием некоторой умственной иллюзии; он глубоко убежден был в том, что он – Божественный посланник, на которого возложена задача религиозного преобразования; и яркий путь, который его восторженный дух пробивал сквозь путаницу противоположных верований и диких преданий, не лишен поражающего величия; это был путь к чистому и духовному поклонению единому истинному Богу взамен слепого идолопоклонства его детства.

Все части Корана, объявленные им за это время, даже в том несвязном виде, в каком они дошли до нас, пройдя через различные руки, когда их первоначальная красота была, несомненно, омрачена, отличаются, однако, чистым и возвышенным характером, и от них веет если не религиозным, то поэтическим вдохновением. Они указывают на то, что он многое черпал из живых источников христианства, и, если ему не удалось усвоить их во всей безукоризненной чистоте, то это потому только, что он заимствовал эту живую

воду из надтреснутых цистерн и нечистых потоков, замутненных теми, которые должны были охранять их. Вера, проповедуемая им, была все-таки чище исповедуемой многими мнимыми христианами Аравии, и его жизнь в это время соответствовала правилам его учения.

Таков наш взгляд на Магомета и на его жизнь в течение первой половины его деятельности, когда он терпел преследования и всякие невзгоды в Мекке. Но резкая перемена, как мы показали в предыдущих главах, произошла в нем после бегства в Медину, когда вместо убежища и защиты, которых он только и искал и на которые и мог только рассчитывать, он встретил неожиданно почитание, подобающее пророку, слепое повиновение как властелину и очутился во главе могущественной, всевозрастающей и воинственной толпы последователей. С этого момента мирские страсти и мирские цели слишком часто являются побудительными причинами его деятельности вместо того мечтательного энтузиазма, который, хотя и ложный, придавал, однако, теплоту набожности его более ранней деятельности. Старое учение о долготерпении, о прощении и страдании внезапно отбрасывается в сторону. Он становится мстителем к тем, которые гнали его, и проявляет жажду честолюбия и власти. Его учение, наставления и поведение носят на себе следы противоречий, и весь строй его деятельности отличается непоследовательностью и неустойчивостью. Начиная с этого времени его откровения так преднамеренны и так часто приноровлены к известным обстоятельствам, что мы невольно начинаем сомневаться в его искренности, а равно и в том, что он сам мог оставаться при прежнем заблуждении относительно их. Но нужно, однако, помнить, что записанные откровения, как мы показали, могли не всегда быть точны. То, что он высказывал от себя, могло часто передаваться как воля Бога. Нередко также он мог принимать свои личные желания за Божественные внушения и, считая себя посланным распространять истинную веру, мог, как мы уже выше говорили, принимать все на-

правленное к этой цели за продолжающиеся Божественные внушения.

Мы отнюдь не считаем Магомета грубым и нечестивым обманщиком, каким многие рисуют его; но точно так же мы не можем признать справедливость мнения, в силу которого приписывают ему широкие замыслы и глубоко обдуманнные планы всеобщего завоевания. Он, бесспорно, был человек гениальный, обладавший сильной творческой фантазией, но нам кажется, что он в значительной степени действовал под влиянием минутных порывов и очень сильно подчинялся обстоятельствам. Его планы возникали по мере его успехов, а не наоборот: не успехи его являлись результатом его планов. Ему было сорок лет, когда он впервые возвестил свое учение. Затем он медлил год за годом, не проповедуя его никому, кроме членов своей семьи. Когда он бежал из Мекки, прошло уже тринадцать лет со времени возвещения его миссии, и из богатого купца он превратился в разоренного изгнанника. Явившись в Медину, он и не мечтал об ожидавшей его мирской власти, а единственно желал только построить скромную мечеть, где мог бы проповедовать, и надеялся, что ему безнаказанно позволят это делать. Когда власть внезапно очутилась в его руках, он некоторое время пользовался ею для жалких набегов и местных раздоров. Его военные планы разрастались вместе с увеличением его средств, но их отнюдь нельзя считать искусными, а часто даже и успешными. Они не отличаются ни смелостью замысла, ни определенностью исполнения, но часто изменяются сообразно с мнениями воинственных вождей, приближенных к нему, а иногда даже и с внушениями людей ограниченных, нередко ложно направлявших его. Если бы он действительно с самого начала лелеял мысль соединить все разрозненные и враждующие племена Аравии в одну нацию с помощью «братства веры» с целью выполнения плана внешнего завоевания, он был бы одним из первых военных гениев; но мысль о широких завоеваниях, по-видимому, возникла у него впоследствии, как результат его успеха. С того момента как он возвестил «рели-

гию меча» и вызвал в хищных арабах страсть к внешним грабежам, с этого момента он ринулся на путь завоеваний, который с непреодолимой стремительностью увлекал его все дальше и дальше. Фанатическое рвение, внушенное им своим последователям, значительно больше содействовало успеху, чем его военные знания; вера в его учение о предопределении вызывала победы, вопреки всевозможным военным расчетам. При его первых нерешительных шагах в роли пророка он встретил поддержку в искусных советах своего ученого оракула Бараки, а в деле завоеваний он имел при себе Омара, Халида и других пылких воинов, которые толкали его и помогали ему направлять грозную силу, пробужденную им к деятельности. И однако же при всей их помощи ему приходилось иногда ссылаться на свою сверхъестественную силу пророка, и при этом, может быть, прибегать и к обману, оправдывая себя тем, что этим средством достигается благочестивая цель.

Его военные победы не породили в нем ни гордости, ни тщеславия, как это неизбежно случилось бы, если бы он руководился эгоистическими целями. В период своего величайшего могущества он сохранил ту же простоту манер и внешности, как и в дни, когда ему приходилось испытывать всевозможные превратности судьбы. Он чуждался царских почестей, ему не нравилось даже, когда, входя к нему, кто-нибудь выражал необычайные знаки уважения. Если он и жаждал всемирного господства, то господства веры; что же касается временной власти, возраставшей в его руках, то он пользовался ею без всякого тщеславия и не употребил ни малейшего усилия, чтоб сделать ее наследственной в своей семье.

Богатства, сыпавшиеся на него в виде военной дани и добычи, употреблялись на дела, содействовавшие победе веры, и на помощь бедным его последователям, причем часто его личная касса бывала истощена до последней монеты. Омар ибн ал-Харет утверждает, что у Магомета после смерти не осталось ни одного золотого динария, ни одной серебряной драхмы, ни одного раба или рабыни, а только

его седой мул Далдал, его оружие и земля, которые он завещал своим женам, детям и бедным. «Аллах, – говорит один арабский писатель, – предоставил ему ключи от всех богатств земных, но он отказался принять их».

Это полное самоотречение в связи с его видимой набожностью, пролегающее через все разнообразные фазы даже того периода его жизни, когда судьба благоприятствовала ему, затрудняло правильную оценку характера Магомета. Сколько бы земной примеси ни обнаруживалось в нем после того, как мирская власть досталась ему в руки, ранние влечения его духа всегда сказывались и возносили его над всем земным. Молитва, эта жизненная религиозная обязанность, предписываемая исламом, и это вернейшее средство хранить чистоту души, была строго соблюдаема Магометом. Упование на Бога служило утешением и поддержкой ему во дни невзгод и испытаний. На благодать Божию, как уверяют, он возлагал все свои надежды достигнуть небесного блаженства. Аиша передает, что однажды она спросила его: «О пророк, разве никто не входит в рай, как только по милосердию Божию?» – «Никто, никто, никто», – отвечал он, повторяя эти слова задумчиво и с особенным ударением. «А ты, пророк, неужели и ты войдешь в рай, только если Бог смиляется над тобой?» Тогда Магомет, положив себе руку на голову, с особенной торжественностью произнес три раза: «И я не войду в рай, если Бог не осенит меня Своим милосердием!»

Когда Магомет неотступно оставался при смертном одре своего ребенка, своего сына Ибрагима, при самом сильном огорчении, покорность воле Божией сказывалась во всем, и надежда на то, что он сам скоро свидится с сыном в раю, служила ему утешением. Провожая его останки, он, перед страшным зрелищем могилы, призывал его дух твердо держаться основ правоверия, веры в единого Бога и в его миссию как пророка. Даже последние минуты жизни Магомета, когда никакие мирские заботы не могли уже руководить им и побуждать его к дальнейшему обману, дышали

тем же религиозным благочестием и той же верой его в свое апостольское посланничество.

Последние слова, дрожавшие в его устах, выражали надежду скоро войти в блаженную обитель пророков, предшествовавших ему.

Трудно примирить такое постоянное пламенное благочестие с упорной системой богохульства и самозванства, как и согласовать чистые, возвышенные и полные милосердия наставления, встречающиеся в Коране, с душою, искушаемой неблагородными страстями и преданной низким, земным интересам. И нам кажется, что удовлетворительно разрешить загадочность его характера и поступков можно только предположив, что умственные галлюцинации, поразившие его восторженный дух в период религиозных экстазов в пещере горы Хира, продолжали более или менее сильно ослеплять его до самого конца земного поприща и что он и умер с ложной уверенностью в своей пророческой миссии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБ ИСЛАМЕ

В одной из первых глав этого труда мы изложили особенности веры, провозглашенной Магометом, настолько подробно, насколько находили это необходимым, чтобы сделать удобопонятным последующий рассказ. Теперь же, повторяя иногда уже известное, мы дадим более полный обзор ее с присоединением некоторых замечаний.

Религия ислама, как мы уже заметили выше, касается двух вопросов: веры и благочестивых дел. Скажем сначала о вере. Вера разделяется на шесть отделов, или пунктов: 1) вера в Бога, 2) в Его ангелов, 3) в Его писание, или Коран, 4) в Его пророков, 5) в воскресение и последний суд, 6) в предопределение. О них мы скажем кратко в том порядке, в каком они здесь перечислены.

Вера в Бога. Магомет проповедовал веру в то, что был, есть и всегда будет только один Бог, Творец всех вещей, единый, неизменяемый, всеведущий, всемогущий, всеблагий и вечный. На единстве Бога он настаивал особенно строго в отличие от веры христиан в Троицу. Это выражалось при исповедании веры поднятием вверх одного только пальца и восклицанием: «Ла иллаха ил Аллах!» (Нет Бога, кроме Бога!); и к этому прибавлялось: «Мухамед резул Аллах!» (Магомет – пророк Божий).

Вера в ангелов. Прекрасное учение об ангелах, или служебных духах, вера в которых является самой древней, самой распространенной на Востоке, проходит через всю систему ислама. Они изображаются существами эфирными, созданными из огня – этого чистейшего элемента, совершенными по форме и блистающими красотой, но лишенными пола; свободные от всех грубых и чувственных страстей, от

всех вожделений и немощей слабого человечества, они сохраняют постоянную и неизменную молодость. Они различны по степеням и обязанностям и по отношению Божества к ним. Одни служат у небесного престола; другие неустанно восхваляют Аллаха; третьи служат крылатыми вестниками, исполняющими Его повеления, а четвертые ходатайствуют за сынов человеческих.

Более всех выдаются в этом небесном воинстве четыре архангела: Гавриил – ангел откровений, записывающий судьбы Божии; Михаил – поборник, руководящий битвами за веру, Азраил – ангел смерти и Исрафил, на котором лежит страшная обязанность издавать трубные звуки в день воскресения. Был некогда еще и ангел Азазил, он же Люцифер, один из самых славных в небесной рати; но он возгордился и возмутился. Когда Бог повелел своим ангелам почтить Адама, Азазил отказался, говоря: «Подобает ли мне, созданному из огня, преклоняться перед существом, слепленным из глины?» За такое оскорбление он был проклят и изгнан из рая, а имя его изменено в Иблис, что значит отчаяние. В отместку за свое унижение он творит всякого рода зло сынам человеческим и подстрекает их к непокорству и нечестию.

Среди ангелов низшего порядка есть целый разряд, называемый «Моаккибат»; двое из этих ангелов приставлены следить за каждым смертным, один по правую его руку, а другой – по левую, и замечать все его слова и поступки. Когда кончается день, они отлетают на небо с письменным отчетом, а на следующий день заменяются двумя другими подобными же ангелами. Согласно магометанским преданиям, каждый добрый поступок десять раз заносится в книгу ангелом, стоящим по правую руку человека; когда же смертный совершает грех, тот же доброжелательный ангел говорит ангелу, стоящему слева: «Подожди семь часов записывать его; быть может, он раскается, помолится и получит прощение».

Рядом с ангельскими чинами Магомет внушает еще веру в духовные существа, называемые «джиннами», или гениями,

которые хотя и сотворены также из огня, но не избавлены от вожделений и немощей земных сынов и, подобно последним, в конце концов подлежат смерти. Эти существа населяют уединенные места пустынь, и, по словам Магомета, посетили и его после вечерней молитвы в уединенной долине Наклах.

После своего возмущения и падения ангел Азазил, ставший Сатаной, или Иблисом, все-таки сохранил за собой верховную власть над низшими духами, которых восточные народы разделяли на дивов и пери. Первые жестоки и одарены громадным ростом; вторые – нежные и милые создания, питающиеся одним ароматом. Кажется, все пери были существа женского рода, хотя это и недостаточно выяснено. Предполагают, что от этих воображаемых существ произошли европейские феи.

Кроме этих духов, есть еще и полудухи, носящие название Таквинов, или Судеб; крылатые прекрасные женщины эти изрекают предсказания и охраняют смертных от нападения и козней злых духов.

Смутны и неопределенны все те свойства, которыми одарил Магомет эти полудуховные существа, так как понятие о них он почерпнул из разных источников. Вся его система о посредствующих духах представляет туманную смесь верований и суеверий евреев, магов и язычников, или сабеян.

Третий пункт веры составляет *веру в Коран* как в книгу Божественного откровения. Согласно мусульманскому учению, на седьмом небе хранится книга, существующая от вечности, в которую вписаны все повеления Бога и все события, прошедшие, настоящие и будущие. Копии с этих скрижалей, на которых были написаны повеления Божии, перенесены были ангелом Гавриилом на самое нижнее небо и им же передавались время от времени по частям Магомету, когда требовалось применить их к какому-нибудь событию или обстоятельству. Как подлинные слова Бога, они передаются всегда в первом лице.

Мы уже не раз упоминали о том, каким образом откровения эти принимались и сохранялись секретами и

учениками пророка, и как они были собраны и приведены в порядок Абу Бакром после смерти Магомета. Эта книга — не что иное, как компиляция, составляющая гражданский и уголовный, а вместе с тем и религиозный мусульманский свод законов, и все правоверные относятся к ней с величайшим благоговением. Иметь копию с Корана, хорошо переплетенную и богато разукрашенную, составляет благочестивую гордость мусульманина. Надпись на переплете запрещает нечистому дотрагиваться до книги, а при чтении считается непочтительным держать ее ниже пояса. Мусульмане клянутся Кораном и гадают по нему, открывая наугад страницу и читая первые появившиеся на глаза строки. Если принять во внимание то, что это — труд одного человека, и притом человека неграмотного, то, несмотря на ошибки и противоречия, Коран остается замечательным памятником законодательства.

Кроме Корана, или писаного закона, есть еще много наставлений и нравов учений, случайно срывавшихся с языка Магомета, которые были собраны после его смерти со слов очевидцев и составили книгу, названную Сунной, или устным законом. Секта, называемая «суннитами», считает эту книгу такой же священной, как и Коран. Другие же магометане, не признающие ее и считающие ее подложной, называются «шиитами». Вражда и взаимные преследования между этими двумя сектами были иногда так же жестоки, как и распри между католиками и протестантами, позорившие христианство. Сунниты отличаются белой чалмой, а шииты — красною; отсюда происходит и название красноголовых, данное последним их противниками.

Замечательно, что об обрезании, которое неизменно применяется у магометан и составляет отличительный обряд их веры, которому должны подчиняться все прозелиты, нигде не упоминается: ни в Коране, ни в Сунне. Повидимому, это был обычай общераспространенный в Аравии и молча заимствованный у евреев; говорят даже, что он господствовал на Востоке до времен Моисея.

Утверждают, что портретная живопись оттого не введена у магометан, что Коран запрещает изображение живых существ. Но то место Корана, в котором видят запрещение, есть, по-видимому, только отголосок второй заповеди – не творить кумиров и изображений для поклонения, – заповеди, которую свято чтут евреи и христиане. На одном из знамен Магомета был изображен черный орел. Наиболее замечательное мусульманское украшение Альгамбры, в Гранаде, есть фонтан, поддерживаемый львами, высеченными из камня, и даже некоторые мусульманские монархи чеканили монеты со своими изображениями.

Другая важная ошибка относительно системы Магомета заключается в общепринятом мнении, что он отрицает в женщинах душу и исключает их из рая. Заблуждение это произошло оттого, что он умалчивает об их наслаждениях в будущей жизни, между тем как о блаженстве своего пола рассказывает с мельчайшими подробностями человека, преданного сластолюбию. О том, что к лику святых причтены добродетельные женщины, есть намеки в 50-й суре Корана и в других местах, хотя вследствие неясности языка поверхностный читатель может предположить, что там говорится о райских гуриях.

Четвертый пункт веры касается *веры в пророков*. Их насчитывается до двухсот тысяч, но главных только шесть, так как только они приносили на землю новые законы, отменявшие из предыдущих все, что не подходило к возвещаемой им истине или противоречило ей. Эти шесть замечательных пророков суть: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус и Магомет.

Пятый пункт веры говорит о *воскресении и последнем суде*. В решении этого рокового вопроса Магомет смешивает христианские верования с понятиями, распространенными среди арабских евреев. Последние признавали Страшный суд над умершими. Когда обязанность Азраила, ангела смерти, уже исполнена и тело опущено в могилу, являются в качестве инквизиторов два черных ангела, Мункар и Накир, с мрачным, ужасным видом; во время допроса душа

снова соединяется с телом. Покойнику приказывают встать, и его спрашивают по двум важным пунктам веры: о том, признал ли он единого Бога и божественное посланничество Магомета, равно как вопрошают его и о делах, совершённых им при жизни; ответы его вносятся в книгу до дня Страшного суда. Если ответы удовлетворительны, то душа тихо вылетает из уст, а тело наслаждается покоем; в противном же случае умершего бьют железными палками, а душу вытаскивают со страшными мучениями. Чтоб покойнику удобнее было при этом страшном допросе, мусульмане вообще ставят своих покойников в пещерах или могилах со сводами, завертывают только в один покров и не кладут в гроб.

Промежуток времени между смертью и воскресением называется «берзак», то есть промежуток. Во время этого периода тело остается в могиле, а душа предвкушает в грезах и видениях свою будущую участь.

Души пророков тотчас же вступают в полное наслаждение раем. Души мучеников, включая сюда и убитых на войне, вселяются в тела или зобы зеленых птиц, которые питаются райскими плодами и утоляют жажду из райских источников. Относительно душ простых смертных из числа правоверных существуют различные предположения, но по наиболее распространенному мнению, они витают близ могил в состоянии ангельской безмятежности. Отсюда мусульманский обычай навещать могилы усопших родственников в том предположении, что души их с благодарностью взирают на это выражение любви.

Многие мусульмане веруют, что души правоверных принимают формы белоснежных птиц и ютятся под престолом Аллаха. Вера эта соответствует древнему еврейскому суеверию, по которому души праведников помещаются на небесах под престолом славы.

Относительно душ неверных правоверные думают, что ангелы отталкивают их от неба и от земли, так что они погружаются в подземные пещеры и с трепетом ожидают там судного дня.

Дню воскресения будут предшествовать чудесные предзнаменования на небе и на земле: полное затмение луны; перемена в солнечном движении – восход его на западе, а не на востоке; войны и смуты; всеобщий упадок веры; пришествие Антихриста; появление Гога и Магога для опустошения мира; густой дым, покрывающий всю землю. Эти и многие другие чудеса и предзнаменования ужаснут и истерзают души людей, вызовут отчаяние и отвращение к жизни, так что человек, проходя мимо могилы, будет завидовать покою мертвых и говорить: «О Боже, дай мне быть на его месте!»

Последним грозным сигналом страшного дня будет трубный звук архангела Исафила. При этом звуке произойдет землетрясение; замки и города разрушатся; горы сравняются с равнинами; небо померкнет, свод небесный исчезнет; солнце, луна и звезды падут в море. Часть океана пересохнет, а часть закипит и польется огненной волной.

При звуке грозной трубы страх овладеет человечеством; люди убегут от своих братьев, родителей и жен, а матери в невыразимом ужасе покинут своих грудных младенцев. Дикие и домашние животные забудут свою хищность и взаимную вражду и из лесов и пастбищ в страхе соберутся в одно место. Второй звук трубы будет призывом к исчезновению. При этом звуке все твари небесные и земные, водяные и подземные, ангелы и джинны, люди и животные – все умрут, исключая немногих избранных, особенно дорогих Аллаху. Последним умрет Азраил, ангел смерти.

После этого истребления сорок дней, а согласно толкователям, сорок лет будет идти непрерывный дождь, пока не раздастся, наконец, третий трубный звук архангела Исафила, призывающий на суд. После этого все пространство между небом и землей наполнится душами умерших, летающими в поисках своих тел. Тогда земля разверзнется, загремят высохшие кости, и разрозненные члены станут собираться вместе; даже волосы соединятся, и таким образом образуется тело. Тогда душа войдет в него, и безобразный труп, вполне совершенный и нагой, как при рождении,

восстанет к жизни. Неверные будут ползать по земле; правоверные же будут ходить прямо, а истинно набожные — летать на белоснежных легкокрылых верблюдах, украшенных золотыми седлами.

Каждый человек тогда должен будет отдать отчет перед судом в том, как он употребил свои дарования, равно как и в своих хороших и дурных поступках. Архангел Гавриил установит громадные весы, на одну чашку которых, называемую «светом», помещены будут добрые дела, а на другую, называемую «тьмою», — дурные поступки. Одного атома или зерна горчичного будет достаточно, чтобы дать перевес одной чашке над другой, и приговор будет зависеть от этого перевеса. Тогда же будет воздаваться возмездие за каждую ложь и каждую несправедливость. Кто сделал зло своему ближнему, обязан будет вознаградить его частью своих собственных добрых дел, или, если у него их нет, то обязан будет принять на себя соответствующую тяжесть грехов обиженного.

За судом при посредстве весов последует испытание перехода через мост. Вся собравшаяся толпа последует за Магометом по мосту Сират, перекинутому через пучину ада и узкому, как острие палаша. Неверные и греховные мусульмане будут переходить его ощупью, во тьме и свалятся в пропасть, между тем как правоверные при лучезарном свете перейдут его с быстротою птиц и войдут в райское царство. Предполагают, что идея о мосте и о страшном царстве геенны заимствована частью у евреев, но главным образом у магов. Геенна представляет из себя место, полное всевозможных ужасов, где даже на деревьях вместо ветвей висят змеи, а вместо плодов растут головы дьяволов. Мы не будем много распространяться об этой страшной обители, изображаемой с тяжелыми и часто омерзительными подробностями. По описанию, она состоит из семи этажей, расположенных один над другим и различающихся по свойству и силе мук. Первый этаж предназначен для атеистов, отрицающих Творца и творение и верящих, что мир вечен; второй — для манихеев и других

еретиков, признающих два божественных начала, и для арабов-идолопоклонников во время Магомета. Третий – для индийских браминов; четвертый – для евреев; пятый – для христиан; шестой – для магов или персидских гебров; седьмой – для «лицемеров», исповедующих религию Магомета, не веруя в нее. Эта страна ужаса находится под ведением грозного ангела Табека, то есть палача.

Надо заметить, что общие свойства геенны и распределение наказаний вызвали различные комментарии и толкования со стороны мусульманских ученых. Некоторые утверждают, и мнение это наиболее распространено, что ни один из верующих в Аллаха и его пророков не будет осужден на вечные муки. Грехи их будут искуплены соответствующей продолжительностью страданий от девяти сот до девяти тысяч лет.

Некоторые из наиболее гуманных ученых не допускают вечности мучений для какого бы то ни было разряда грешников, приводя в доказательство милосердие Бога, который может простить даже и неверных. Имеющие заступника, как христиане, например, в лице Христа, будут помилованы. Но великодушие этих почтенных комментаторов не доходит, однако, до того, чтобы допустить неверных в рай – среду правоверных: они утверждают, что после продолжительных мучений и наказания они будут избавлены от них тем, что исчезнут совсем.

Между геенной и раем находится ал-Араф, или промежуток, место, лишенное мира и наслаждения и предназначенное для детей, лунатиков, идиотов, людей, не сделавших ни добра, ни зла, равно как и для тех, чьи добрые дела не перевешиваются злыми, и наоборот; люди эти, правда, могут быть приняты и в рай по ходатайству Магомета после его молитвы о том, чтобы чашка весов опустилась в их пользу. Говорят, что обитатели ал-Арафа могут разговаривать со своими соседями по обе стороны, с блаженствующими и с осужденными, и что их обитель покажется раем для находящихся в аду и адом для жителей рая.

Ал-Джанат, или Сад. Когда правоверный пройдет через все испытания и искупит все свои грехи, для него наступает время отдохновения у Пруда Пророка. Это благоухающее озеро, обойти которое можно в месяц, берет свое начало из реки ал-Каутер, вытекающей из рая. Вода этого озера сладка как мед, холодна как лед и прозрачна как хрусталь; тот, кто однажды вкусит ее, никогда уже не будет томиться жаждой, — блаженство, особенно пленительное в глазах арабских писателей, привыкших к мучительной жажде в пустыни.

После того как правоверный напьется этой живой воды, ангел Рушван откроет перед ним двери рая. Тем же многословием, теми же мельчайшими подробностями, которые встречаются в описании геенны, изобилует и рассказ о райском блаженстве, так что они поражают воображение и смущают своими мелочами. Почва там из наилучшей пшеничной муки, насыщена благовониями и усеяна жемчугом и гиацинтами, заменяющими песок и булыжник.

Некоторые из источников чисты как хрусталь и текут среди зеленых берегов, испещренных цветами; есть там и ручьи из молока, вина и меда, текущие по мускусным руслам в камфарных берегах, покрытых мхом и шафраном. Воздух там нежнее благоуханного эфира Сабей и освежается искрометными фонтанами. Там же растет и тоба, чудное дерево жизни, таких громадных размеров, что самой быстрой лошади потребовалось бы сто лет, чтобы пересечь тень, падающую от него. На ветвях этого дерева растут в изобилии самые разнообразные чудесные плоды, и ветви его сами склоняются к руке того, кто желает сорвать с них плод.

Обитатели этого чудного сада носят одежды, сверкающие драгоценными камнями, ходят в золотых венцах, украшенных жемчугом и бриллиантами, и спят на изысканных постелях. Здесь в распоряжении каждого правоверного имеются сотни слуг, которые приносят по его требованию самые разнообразные и изысканные кушанья и напитки на золотых блюдах и в золотых бокалах. Он ест, не наедаясь, и пьет, не чувствуя опьянения. Последний кусок и последняя капля для него так же вкусны, как и первые; он не чувствует насыщения и потребности в извержениях.

В воздухе носятся звуки чудного голоса Исафила и песни дочерей рая. Даже в шуме деревьев слышатся чудные мелодии, когда мириады колокольчиков, висящих на их ветвях, приведены в движение дуновением, исходящим от престола Аллаха. Но кроме всего вышесказанного, правоверный будет наслаждаться женским обществом в такой мере, какую может только представить себе восточное воображение. Помимо жен, бывших у него на земле, которые соединятся с ним, сохранив всю свою бывшую прелесть, его ожидают также Гур-ал-Обны, или гурии, названные так за свои большие черные глаза, – лучезарные существа, не имеющие человеческих недостатков и слабостей, навсегда сохраняющие свою молодость и красоту и восстанавливающие свое девство. На долю каждого правоверного полагается по семьдесят две гурии. Результатом сношений с ними может быть рождение детей, но, смотря по желанию, может и не быть, причем родившийся ребенок в один час дорастает до своих родителей.

Чтобы правоверный был вполне способен наслаждаться в этой блаженной стране, он восстанет из гроба в полной силе мужества, лет тридцати, ростом с Адама, который был вышиной в тридцать локтей; способности его будут развиты до сверхъестественного совершенства, превышая в сто раз способности человеческие, а желания и потребности будут скорее возгораться от удовольствий, чем удовлетворяться ими.

Эти и подобные прелести обещаются обыкновенно правоверным, но есть еще и другие степени наслаждения, даруемые по заслугам; описание же тех благ, которые приготовлены для достойнейших, по словам Магомета, превышает силы воображения, и он рад, что имеет возможности в подтверждение обратиться к Священному Писанию, в котором сказано, что там будет то, «чего глаза не видели, уши не слыхали и сердце человеческое никогда не постигало».

Толкователи магометанского закона расходятся во мнениях относительно смысла системы наград и наказаний.

Одни понимают ее в переносном, другие – в буквальном значении. Первые утверждают, что пророк говорил притчами, применяясь к неразвитым понятиям и чувственной натуре своих слушателей, и поддерживают мнение, что небесные наслаждения будут и духовные и телесные, так как воскреснут и душа и тело. Душа будет упиваться сверхъестественным развитием всех своих способностей и использованием ими. Ее пониманию будут доступны все тайны природы, все прошедшее, настоящее и будущее. Телесные наслаждения будут соответствовать различным чувствам и усовершенствуются до высшей степени сверхъестественности.

Те же толкователи считают и описание геенны иносказательным; душевные страдания заключаются в постоянном угрызении совести за прошлые преступления и в глубокой, все увеличивающейся тоске об утрате неба; телесные же муки составляют страшные, никогда не утихающие боли.

Ученые, понимающие все в буквальном смысле, считаются наиболее правоверными, и вероучение их крайне распространено. Многие подробности системы наград и наказаний имеют, как было уже замечено, много общего с суевериями магов и еврейских раввинов. Говорят, что гурри, или черноокие нимфы, играющие такую выдающуюся роль в мусульманском раю, – не что иное, как Гурам-Бегесты персидских магов; кроме того, христианские исследователи упрекают Магомета в том, что он в своем описании неба многое заимствовал из повествования Апокалипсиса о Новом Иерусалиме, изменив его лишь настолько, насколько обманщики-ювелиры изменяют вид краденых драгоценностей, желая воспользоваться ими.

Шестой и последний пункт веры рассматривает *учение о предопределении*, больше всего повлиявший на успех военных предприятий Магомета, на что он, очевидно, и рассчитывал. Он проповедовал, что каждое событие предопределено Богом и вписано в книгу вечности до сотворения мира и что судьба каждого человека и час его смерти неизменно определены заранее, так что никакие усилия человеческого ума и никакая предусмотрительность не могут ни-

чего изменить или предотвратить. В силу такой уверенности мусульмане шли на войну, ничем не жертвуя, а так как смерть в битве была равносильна мученичеству и вела их немедленно в рай, то они и в случае смерти, как и при победе, ничего не теряли, а только выигрывали. Это учение, согласно которому человек по личной свободной воле не может избежать ни греха, ни наказания, считается некоторыми мусульманами оскорблением Божественной справедливости и милосердия; так что возникло несколько сект, старавшихся смягчить и разъяснить запутанность этого догмата; но число таких отрицателей предопределения очень незначительно, и их не признают за правоверных.

Учение о предопределении было одним из тех удачно полученных Магометом откровений, которые своим своевременным появлением представляют почти чудо. Оно явилось тотчас же после несчастной битвы при Ухде, когда погибло так много его последователей, и в том числе дядя его Гамза. В такой тяжелый момент всеобщего упадка духа, когда окружавшие его последователи дошли до отчаяния, он и возвестил этот закон, гласящий, что каждому суждено умереть в назначенный ему час, где бы он ни находился: в постели или на поле битвы. Кроме того, он объявил, что архангел Гавриил сказал ему, что Гамза принят на седьмое небо и получил титул «Льва Бога и пророка». Взглянув затем на мертвые тела, он прибавил: «Я свидетельствую, что эти павшие воины и все убитые за дело Божие явятся во славе при всеобщем воскресении; и раны их будут блестеть, как киноварь, и благоухать, как мускус».

Что можно придумать целесообразнее этого учения, чтоб двинуть на яростное поприще завоевания толпу невежественных и кровожадных воинов, проникнутых уверенностью получить добычу, если они останутся живы, и войти в рай, если будут убиты? * Мусульманское оружие

* Пусть читатель припомнит, что вера в предопределение, или судьбу, поддерживалась Наполеоном и имела огромное влияние на его солдат.

благодаря ему приобрело почти непреодолимую силу, но учение это заключало в себе и тот яд, который погубил его владычество. С того момента как преемники пророка перестали быть хищниками и завоевателями и окончательно вложили меч в ножны, учение о предопределении начало свое пагубное воздействие. Расслабленные миром и чувственностью, дозволенной Кораном, так резко отделяющей это учение от чистой религии самоотвержения, данной Христом, – мусульмане считают, что всякое несчастье предопределено Аллахом и неизбежно, а потому им и остается только терпеливо переносить его и признавать, что тщетны все человеческие усилия и всякая предусмотрительность. «Помогай себе, и Бог тебе поможет» – это правило никогда не имело значения у последователей Магомета, и только противоположное ему было их судьбою. Полумесяц померк перед крестом и сохраняется в Европе, где некогда был такою страшною силой только благодаря терпимости, или, вернее, в силу соперничества великих христианских держав, и скоро, вероятно, представит новое наглядное доказательство того, что «всякий, взявшийся за меч, от меча и погибнет».

БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ДЕЛА

Магометанам предписано четыре рода религиозных дел: молитва, включая сюда и омовение, милостыня, пост и путешествие на богомолье. Омовение повелевается как приготовление к молитве, так как чистота телесная считается эмблемой чистоты духовной. Оно предписывается в Коране с замечательными подробностями. Лицо, руки, локти, ноги и четвертую часть головы предписывается омыwać один раз; кисти рук, рот и ноздри – три раза; уши предписывается смачивать остатком воды, употреблявшейся для омовения головы, а зубы чистить щеточкой. Прежде омывается правая сторона, потом левая; при омовании рук и ног следует начинать с пальцев. Там, где нельзя достать воды, заменить ее можно мелким песком.

Молиться нужно ежедневно пять раз: во-первых, утром перед восходом солнца; во-вторых, в полдень; в-третьих, перед заходом солнца; в-четвертых, между заходом солнца и наступлением сумерек, в-пятых, между сумерками и первым бдением – эта молитва вечерняя. Многие добровольно произносят и шестую молитву между первым ночным бдением и рассветом. Во всех этих молитвах повторяется одно хвалебное восклицание: «Бог велик! Бог всесилен! Бог всемогущ!» Некоторые для большей точности читают молитву по четкам. Она может совершаться в мечети и на всяком чистом месте. Глаза при молитве должны быть обращены к кибле или к любой точке на небе по направлению к Мекке, что в каждой мечети определяется нишей, называемой михраб, а снаружи – положением минаретов и дверей. Даже определено, какое нужно соблюдать положение тела во время молитвы, и самым торжественным поклоном считается тот, когда молящийся касается лбом земли. Женщинам при молитве предписывается не протягивать рук вперед, а держать их сложенными на груди. Им не полагается делать таких глубоких поклонов, как мужчинам, и молиться они должны нежным, тихим голосом. Им не позволено сопровождать мужчин в мечеть, чтобы не нарушать благоговейного настроения молящихся. Обращаться к Богу правоверный обязан со смирением, сняв с себя все дорогие украшения и роскошные одежды.

Многие из магометанских молитвенных правил очень сходны с теми, которых прежде придерживались сабеяне; другие же соответствуют церемониям, предписываемым еврейскими раввинами: таковы, например, положения тела, поклоны, коленопреклонения и обращение лица к кибле, которая, однако, у евреев была в направлении Иерусалимского храма.

Моление у мусульман совершается ежедневно, но по пятницам в мечетях говорится, кроме того, и проповедь. Восточные народы вообще считали этот день священным, потому что в этот день сотворен человек. Идолопоклонники сабеяне посвящали его Астарте или Венере, самой кра-

сивой планете и самой блестящей звезде. Магомет назначил пятницу днем отдохновения, отчасти, может быть, уступая прежнему обычаю, а главным образом, в отличие от еврейской субботы и христианского воскресенья.

Второй предмет религиозной деятельности есть благотворительность, или раздача милостыни. Милостыня существует двух родов: одна, называемая цакат, предписана законом, подобно десятине в христианской церкви, и должна подаваться в определенных размерах деньгами, товаром, скотом, зерном или плодами; и другая – цадакат, зависит от воли дающего. Каждый мусульманин обязан так или иначе потратить десятую часть своих доходов на помощь бедным и несчастным.

Третий предмет религиозной деятельности составляет пост, и так же, как предполагают, еврейского происхождения. Каждый год во время месяца рамадана, истинно правоверные в течение тридцати дней обязаны от восхода до захода солнца не принимать никакой пищи, никакого питья, воздерживаться от купанья, от употребления духов, от сношений с женщинами и от всякого чувственного удовольствия и наслаждения. На это смотрят как на великое самоотвержение, как на умерщвление и подавление различных похотей, очищающие душу и тело. Относительно этих трех видов религиозной деятельности князь Абдалазис обыкновенно говорил: «Молитва доводит нас до половины пути, ведущего к Богу, пост – до двух третей его, а милостыня ведет прямо к Нему».

Посещение святых мест есть четвертая великая религиозная обязанность, предписываемая мусульманам. Каждый правоверный должен раз в жизни сходить на богомолье в Мекку или сам лично, или поручив это другому лицу. В последнем случае заместитель его должен упоминать его имя в каждой произнесенной им молитве.

Посещение святых мест обязательно только для взрослых свободных людей, достаточно здоровых и состоятельных, чтобы вынести усталость и издержки путешествия. Богомолец перед уходом из дома сдает все свои дела, общественные и домашние, как бы приготавливаясь к смерти.

В назначенный день, во вторник, четверг или субботу, как дни наиболее удобные для этой цели, он собирает своих жен, детей и домочадцев и набожно вверяет и их, и все свои дела в руки Бога на время своего святого путешествия. Потом, пропустив один конец чалмы под подбородком на противоположную сторону головы и устроив таким образом убор вроде монашеского, он берет в руки крепкий посох из горького миндаля, прощается со всеми домашними и выходит из комнаты, восклицая: «Во имя Бога я предпринимаю это святое дело, уповаю на Его покровительство. Я верую в Него и вверяю в руки Его мои дела и мою жизнь».

Выйдя за калитку, он обращается лицом к кибле, повторяет известные места из Корана и прибавляет: «Я обращаюсь лицом к священной Каабе, престолу Бога, предпринимая путешествие к святым местам, предписанное Его законом и приближающее меня к Нему».

Наконец, он вдевает ногу в стремя, садится в седло, снова вверяет себя Богу, всемогущему, премудрому, всемилосердому, и пускается в путь. Время отъезда рассчитано обыкновенно так, чтобы поспеть в Мекку к началу месяца джухиджа, предназначенному для путешествий на богомолье.

Три условия должны быть соблюдены во время этого благочестивого странствия:

1. Не должно ссориться.
2. Должно терпеливо переносить всякую грубость и оскорбление.
3. Поддерживать мир и добрые отношения между своими товарищами по каравану.

Кроме того, требуется щедрая раздача милостыни во все время путешествия на богомолье.

Прибыв в какое-нибудь место, соседнее с Меккой, богомольцы дают время отрасти своим волосам и ногтям. Потом раздеваются догола и облачаются в ихрам, или одежду богомольца, состоящую из двух шарфов без швов и украшений, сделанных из какой-нибудь ткани, но только не

шелковой. Одним из этих шарфов они опоясываются, другой набрасывают на шею и плечи, оставляя правую руку свободной. Голова остается открытой, но старикам и больным позволено чем-нибудь обвить ее из уважения к той милостыни, которую они подают бедным. Для защиты от солнца допускается зонтик, который неимущие богомольцы заменяют лоскутом материи, прикрепленным к концу посоха.

Плюсна должна быть обнажена; поэтому или употребляются особого рода сандалии, или вырезают у башмака верхний кусочек кожи. Одетый таким образом богомолец называется ал-Морем.

Женский ихрам состоит из широкого плаща и покрывала, окутывающего всю фигуру, так что кисти рук, лодыжки и даже глаза бывают прикрыты. Надев раз ихрам, нельзя уже снимать его до конца богомолья, как бы мало он ни подходил ко времени года или погоде. Нося эту одежду, богомолец должен воздерживаться от всякого сквернословия, от чувственных сношений, от всяких ссор и насилий; он не должен лишать жизни даже насекомого, кусающего его; исключение допускается только для свирепых собак, скорпионов и хищных птиц.

Прибыв в Мекку, он оставляет свои вещи в какой-нибудь лавке и, отрешившись от всяких мирских забот, тотчас же отправляется к Каабе с одним из метовефов, или проводников, которые всегда имеются под руками к услугам пилигримов.

Войдя в мечеть через Баб-эл-Салам, или Ворота привета, он кладет четыре земных поклона, а проходя под аркой, произносит известные молитвы. Приблизившись к Каабе, он тоже кладет четыре земных поклона перед «черным камнем» и прикладывается к нему; если толпа препятствует этому, он касается камня правою рукой и затем целует эту руку. Отходя от «черного камня» так, чтобы мечеть была слева, он делает семь обходов: первые три – скоро, а последние четыре – медленно и торжественно. В это время он шепотом произносит известные молитвы и, обходя, каждый раз или целует, или дотрагивается рукой до «черного камня».

Товаф, или обряд хождения вокруг Каабы, существует с древних времен и гораздо раньше появления Магомета совершался мужчинами и женщинами, раздетыми донага. Магомет запретил это бесчинство и велел носить ихрам, или одежду богомольцев. Женщины-хаджи обходят вокруг Каабы обыкновенно ночью, хотя иногда совершают это и днем вместе с мужчинами*.

Совершив семь обходов, богомалец прислоняется грудью к стене между «черным камнем» и дверью Каабы и, подняв руки, молится об отпущении его грехов.

После этого он отправляется в Макаму, или место стоянки Авраама, и кладет тут четыре земных поклона, молясь о заступничестве патриарха; а отсюда идет к колодезю Земзем, где выпивает столько воды, сколько может.

При совершении всех этих обрядов неопытный хаджа имеет при себе метовефа, или проводника, не отходящего от него ни на шаг, который подсказывает ему те молитвы, которые следует читать.

Из мечети через ворота Баб-эл-Сафа богомольца выводят на незначительную возвышенность, носящую название холма Сафа и находящуюся в пятидесяти шагах от ворот. Помолившись тут с воздетыми к небу руками, он начинает святую прогулку, называемую Саа или Саи, по прямой и ровной улице ал-Месаа, имеющей шестьсот шагов в длину и заканчивающейся площадью Мерова. Обстроенная лавками, улица эта напоминает базар; прогулка же по ней совершается в память блуждания здесь Агари в поисках воды для сына своего Измаила. Богомалец, в подражание ей, то идет медленно, осматриваясь по сторонам, то быстро пробегает известное пространство и снова идет, не торопясь, иногда останавливаясь и бросая тревожный взгляд назад.

Пройдя семь раз взад и вперед по этой улице, хаджи входит в лавку цирюльника в Мерове; тут бреют ему голову и стригут ногти, причем цирюльник все время шепчет

* *Burckhardt's. Travels in Arabia. V. I. P. 260. Loud edit., 1829.*

молитвы, а богомолец повторяет их за ним. Обрезанные ногти и остриженные волосы зарываются потом в священную землю, и все главные обязанности богомольца после этого считаются выполненными*.

В девятый день месяца джухиджа совершается шумное и многолюдное путешествие на гору Арафат, где богомольцы остаются до солнечного заката; затем они молятся всю ночь на горе Муздалифа, а на следующее утро перед восходом солнца отправляются в долину Мина, где бросают каждый по семи камней в каждый из трех находящихся там столбов, в подражание Аврааму, а по словам некоторых, и Ибрахиму, отгонявшему камнями от этого места дьявола, когда тот смущал его во время молитвы.

Таковы главные церемонии, составляющие великий мусульманский обряд пилигримства; но прежде чем закончить этот обзор ислама и легендарных преданий, относящихся к его основателю, мы не можем не обратить внимания на одно из его нововведений, которое приводит в замешательство всех его последователей и ставит в особенно затруднительное положение всех набожных богомольцев.

Арабский год состоит из двенадцати лунных месяцев, а каждый месяц – попеременно из двадцати девяти и тридцати дней, так что год равняется тремстам пятидесяти четырем дням; и, следовательно, в каждый солнечный год теряется одиннадцать дней. До Магомета для пополнения недосчитываемых дней тринадцатый месяц богомолья при-

* Большая часть подробностей о Мекке и Медине и о путешествиях туда богомольцев взяты из заслуживающих полного доверия сочинений неутомимого путешественника Буркхардта, который, переодевшись богомольцем, побывал в этих святых местах и выполнил все необходимые обряды и церемонии. Труды его проливают яркий свет на нравы и обычаи Востока и на обряды магометанской веры. Факты, сообщаемые Буркхардтом, были сличены со сведениями, передаваемыми другими писателями и путешественниками, и некоторые частности заимствованы из других источников.

бавлялся через каждые три года с той же целью, с какой в христианском календаре прибавляется один день к каждому високосному году. Магомет, человек необразованный и не знакомый с астрономией, упразднил этот тринадцатый добавочный месяц как противоречащий Божественному ходу луны и изменил календарь на основании божественного откровения, полученного им во время последнего путешествия на богомолье в Мекку. Вот как записано это в девятой суре, или главе, Корана:

«В силу того, что число месяцев равняется двенадцати, как это установлено Аллахом и внесено в вечную книгу при сотворении неба и земли, не переноси священного месяца на другой месяц; воистину – это нововведение неверных».

Число утерянных таким образом дней в 33 года доходит до 363, и необходимо поэтому прибавлять год к каждым 33 годам, чтобы перевести магометанское летосчисление на христианское.

Значительное неудобство, возникающее вследствие этого откровения пророка, заключается в том, что мусульманские месяцы не могут служить указателями времен года, так как каждый год начинается у них одиннадцатью днями раньше. Это иногда служит источником громадного вреда для богомольцев, так как великий месяц богомолья джухидж, во время которого пилигримы обязаны носить ихрам – одежду, наполовину прикрывающую их тело, – приходится на все времена года, то есть и на зимнюю стужу, и на летний зной.

Итак, хотя Магомет, судя по легендарным преданиям, и мог повелеть луне покинуть небесную твердь и обойти вокруг священного дома, но он не в силах был изменить времени ее вращения, и наука счисления оказалась, таким образом, выше его пророческого дара и надсмехалась над его чудесами.

Конец

ДОПОЛНЕНИЕ

Книга В. Ирвинга (1783–1859) «Жизнь Магомета» посвящена основателю ислама Мухаммаду (в европейской литературе – Магомет; ок. 570–632), создателю первого мусульманского теократического государства в Аравии. Хронологически это совпало с объединением на Аравийском полуострове арабских племен – созданием Халифата.

Мусульмане называют Мухаммада «величайшим и последним пророком», «заступником верующих перед Аллахом», «чудотворцем». «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Его!» – возглашается в молитве. Мухаммад отверг среди арабов языческие верования, создал учение о великом, едином, всемогущем Боге.

Родился основатель ислама в Саудовской Аравии, в Мекке – древнем городе, который был известен еще во II веке. Предание говорит, что род Мухаммада восходит к библейскому пророку Исмаилу – сыну пророка Авраама – и его наложницы Агари. Вместе с матерью Исмаил был изгнан Авраамом в пустыню после того, как его жена Сарра родила Исаака. Отец Мухаммада Абдаллах – внук Хашима происходил из знатного, но бедного рода, был купцом, умер до рождения сына. Мать – Амина скончалась, когда мальчику было шесть лет. Короткое время Мухаммад, вероятно, воспитывался у бедуинки Халемы, в пустыне. По смерти матери ребенок попал к деду Абд аль-Мутталибу, потом жил у дяди Абу Талиба – человека великодушного, внимательного, но бедного. Нужда заставила сироту пасти коз и овец у богатых мекканцев. Молодым, двадцатичетырехлетним человеком Мухаммад поступил на службу к богатой вдове Хадидже, сначала погонщиком, затем приказчиком. Началась жизнь, полная новых впечатлений. Сопровождая торговые караваны, Мухаммад посетил многие города Аравии

и Ближнего Востока, встречался с интересными людьми, слушал их рассказы.

Хадиджа обратила внимание на молодого, расторопного слугу, который был на пятнадцать лет моложе ее, полюбила его, и, несмотря на возражения отца, вышла замуж. Брак был неравным: богачка выбрала бедняка. Мухаммад любил свою жену, она окружила его заботой, освободила от необходимости тяжелым трудом добывать кусок хлеба. Он и раньше интересовался религиозно-философскими вопросами, теперь для этого появилось больше возможностей. Мухаммад видел, что арабы разъединены, мир населен для них добрыми и злыми духами, они поклоняются своим племенным богам. Во главе богов стоял «всевышний» («Аллах Теаля»), но он не пользовался всеобщим признанием. В Мекке и других городах ремесленники мастерили из глины, металла, костей и камня различных идолов и успешно продавали их бедуинам. Французский историк Э. Ренан полагал, что у некоторых доисламских арабов уже тогда было единобожие, племена исповедовали христианство или иудаизм. Противниками идолопоклонства были приемный сын Мухаммада – Зайд и двоюродный брат Хадиджи – Барака, они принадлежали к секте ханифов – аскетов, проповедовавших веру в единого Аллаха. Беседы с Баракой и Зайдом, знакомство со взглядами ханифов имели большое значение для Мухаммада. Он перестал верить в идолов, часто уединялся с семьей на горе Хира близ Мекки, постился, молился.

Однажды – во сне или наяву – ему явился архангел и сказал, что Аллах избрал его пророком. Мухаммад не сразу поверил в это; терзаясь сомнениями, попросил Бога, чтобы архангел явился снова. Новое видение убедило, что Бог действительно избрал его своим проповедником.

Первыми последователями новой религии стали близкие Мухаммада: жена Хадиджа, дочери, десятилетний мальчик – сын Абу Талиба – Али, уже упомянутый приемный сын Зайд, а также богатый купец Абу Бакр. Этот человек, ставший одним из близких друзей Мухаммада, привел к нему своих родственников, познакомил с купцом Османом.

Через некоторое время Осман женился на дочери Мухаммада Рукайе, позднее стал третьим халифом – верховным правителем, объединившим духовную и светскую власть. К учению нового пророка примкнуло несколько бедняков.

С 614 года Мухаммад начал выступать с проповедью своей веры публично. Над «заступником верующих перед Аллахом» смеялись, иногда доходило до драки. Поблаивались Абу Талиба и остальных хашимитов, которые могли принять оскорбление на счет своего рода и начать резню. Однажды над Мухаммадом начал открыто издеваться знатный мекканец по прозвищу Абу Джаль («осел»), свидетелем этого оказался дядя пророка, богатый и влиятельный араб Гамза. Он усмотрел в этом оскорбление семейной чести. Для того чтобы поддержать племянника и тем самым престиж рода, Гамза публично признал Мухаммада посланником Бога. Покорность Аллаху называется у арабов исламом, а уверовавшие в него – муслимами. В 615 году небольшая группа сторонников Мухаммада – муслимов бежала от преследования мекканцев в Абиссинию. Эта страна на северо-востоке Африки была населена племенами, исповедовавшими христианство и некоторые традиционные верования. В ней терпимо относились к людям других религий. Мухаммад остался в Мекке. Вскоре к нему примкнул богатый, знатный и решительный мекканец Омар (ок. 591–644). Он стал одним из самых ревностных проповедников ислама. Один из историков писал: «Боговдохновенность Мухаммада соединялась с энергией Абу Бакра, силой и практицизмом Омара». Для ислама начался период расцвета. Мусульмане, совершавшие раньше молитвы в частном, закрытом для посторонних доме, по настоянию Омара стали собираться для богослужения в храме Кааба – большом четырехугольном здании из серого камня с плоской крышей, в прошлом святилище языческих племен Хиджаза. В восточной стене Каабы вделан «черный камень», служащий объектом почитания во всем исламском мире.

Позднее, с 634 года, Омар стал вторым халифом – верховным правителем, объединившим в своих руках

духовную и светскую власть. При нем арабы одержали крупные победы над византийцами и иранскими шахами – Сасанидами, завоевали громадные территории в Азии и Африке. С Омара I мусульмане начали летосчисление по хиджре (переезд Мухаммада из Мекки в Медину). Исходным было принято 1-е число 1-го месяца (мухаррама) – 16 июля 622 года.

Главным источником жизнеописания Мухаммада стал Коран (от арабского «куран» – выразительное чтение) – Священная книга мусульман, основной источник сведений об исламе. Книга состоит из проповедей, молитв, назидательных рассказов, притч и юридических установлений. Большая его часть написана в виде диалога между Богом, говорящим в 1-м либо 3-м лице, и противником. Коран называет себя «арабским судебником» (13, 37). Каждое откровение в нем Мухаммад назвал сурой, после смерти пророка сурами стали означать отдельные главы книги. Всего имеется 114 сур различной длины, расположенных по принципу убывающей величины. Суры состоят из аятов (стихов, «знамений»). Первая сура «Аль-Фатих» («открывающая») носит характер главной молитвы, в ней, как и в 114-й суре, 6 аятов. Между главами, а часто и стихами в Коране нет хронологической, повествовательной и смысловой последовательности, нет систематического изложения основ религии. Мухаммад дал в нем лишь основные положения веры. Мусульманские богословы делят суры на «мекканские» – проповеди, произнесенные до 622 года, их 90, и «мединские» – числом 24.

Суры, созданные в начале деятельности пророка, короткие по форме, пылкие, энергичные по эмоциональности, исполнены сильного и богатого воображения. В них – поэтические картины Божия величия, экспрессивные рассказы о небе и аде.

Суры мединского периода более рационалистические, сухие, бытие Бога не провозглашается пророком, а доказывается сравнениями, наблюдениями из мира природы.

Некоторые суры содержат элементы, присущие откровениям мединского и мекканского периодов. Современная наука, опираясь на анализ поэтического стиля и содержания

сур, убедительно определяет время их создания. При чтении в мечети суры производят сильное впечатление на молящихся. Исследователь ислама И.М. Фильштинский писал, что «напыщенная риторика» одних сур, некоторая «монотонность» других в устной речи проповедников были дополнительными средствами эмоционального воздействия на слушателей. Суры мекканского периода преисполнены религиозного воодушевления, насыщены грозными пророчествами о Страшном суде, о вечных муках, ожидающих язычников в аду. Картины ада и рая нарисованы обстоятельно, с темпераментом.

Ранние мекканские суры произносились саджем – рифмованной и ритмизованной прозой, когда два или несколько соседствующих стихов, отделенных друг от друга паузами, заканчиваются рифмующимися или созвучными словами либо целыми фразами. Позднее рифмованная и ритмизованная речь стала нормой прозаических жанров в арабской литературе. В мощном ритме мекканских сур чувствуется страсть провозвестника религиозного откровения. Полет фантазии безграничен. Из строки в строку проповедник нагнетает напряженность ритмическими повторами, напоминающими шаманские заклинания. Речь его нервна и картинна – он как бы все время спешит вперед, не договаривая фразы и не завершая мысль, весь во власти проповеднического пафоса.

В более поздних сурах голос страстного пророка сменяется прозаической речью трезвого законодателя. В мединских сурах выражены законы религии, нравственности, формулируются обязанности мусульман, описывается политическая и военная организация общины. Большая часть сур этого периода – это крупные прозаические отрывки, иногда заканчивающиеся «созвучными словами саджа», повторяющимся рефреном.

Коран стал краеугольным камнем всей арабской культуры. В художественной литературе он знаменовал переход от стихотворного стиля к прозе, от поэзии – к простой речи.

«Коран не дает оснований видеть в Мухаммаде одержимого фанатика либо полуграмотного бедуина, каким его порой рисуют исследователи раннего ислама, – пишут современные историки. – Сама проповедь, изложенная в Коране, – это не кликушество “ясновидца”, а продуманное обращение к здравому смыслу» (Б.А. Лапшов, И.В. Халевинский. Мухаммад, Вопр. истории. 1984. № 5. С. 83).

В Коране упоминаются библейские персонажи: Адам, Ева, Авраам, Иосиф, Аарон, Иисус и многие другие. О Моисее – он назван Мусою – рассказывается, как он ребенком был спасен от смерти, воспитывался при дворе египетского фараона (фирауна) и начал с ним борьбу. Фираун объявил себя богом, начал строить башню, чтобы достигнуть неба. Пророк Муса вывел свой народ из египетского плена через море. Преследовавшее его войско фирауна погибло в волнах. В пустыне Бог послал народу Мусы дождь из «манны и перепелов» (Коран, 2: 48 – 130; 7: 101 – 160; 10: 76 – 88; 20: 8 – 97; 26: 9 – 47).

Пророк Нух соответствует библейскому Ною. В Коране его называют «увещателем ясным» (11; 27: 71 – 72); «благодарным рабом» (17:3); «верным посланником Аллаха» (26:107). Нух был отправлен Аллахом к нечестивым людям, не желавшим слушать его проповеди (сура 71 «Нух»). Аллах решил наказать их, приказал Нуху построить ковчег; «закипела печь» (11:42; 23:27), начался потоп, он поглотил всех неверных, включая жену Нуха и его сыновей (66:10). Ковчег пристал к горе ал-Джуди (11; 27: – 51; 26:105 – 122), и Нух был спасен.

Иса ибн Мариам в Коране – Иисус, сын Марии – тоже посланник Аллаха, непосредственный предшественник Мухаммада, однако он не тождественен Богу: «Аллах – только единый Бог» (4, 163).

В жизни Мухаммада, изложенной в Коране, имеются параллели с библейскими сюжетами; подобно пророкам Давиду и Моисею, Мухаммад бежал из родного города.

Многие сюжеты изложены в Коране по-иному: Мусу спасает жена фирауна, убить египтянина его наущает злой

дух, сатана, шайтан (28:14). Живущий при фирауне благочестивый человек заступает за Мусу (40:29 – 31). Подробно рассказывается о путешествии Мусы в поисках места «слияния двух морей» (18:59 – 81).

Некоторые ученые склонны преувеличивать значение христианской и иудейской религий в создании ислама. Мухаммад возвестил, что он возрождает «истинную веру, которую Бог дал людям через пророка Ибрахима». В Коране отвергается христианское учение о Троице (4:116, 169); Иисус Христос не является сыном Божиим (9:30). Аллах говорит, что Иса «только раб наш, которого мы облагодетельствовали и поставили его в пример сынам Израиля» (43; 57). Люди, ошибочно почитающие Христа Мессией, «уподобляют себя неверным, бывшим прежде» (9:30). Не так, как в Библии, представлен процесс создания мира. Аллах создал Вселенную, состоящую из двух миров: нижнего – земного и верхнего – небесного, из воды сотворил «всякую вещь живую» (21:31); в два дня создал землю, семь дней трудился над небом, создал «семь небес рядами» (67:3; 71:14), украсил «светильниками» (41:8, 10, 11) «и сделал месяц на них светом, а солнце сделал светильником» (71:15). Седьмое небо венчается в Коране троном Аллаха, оно охраняется от злых духов сотворенными из света ангелами и звездами, «поражающими светочами» (37: 6 – 10).

В Коране подробно разработанная, отличная от Библии демонология.

Главными ангелами являются: Джибрил (передавший Мухаммаду Коран), а также ангелы Микал, Израил, Исрафил.

Ангел Малик возглавляет стражу ада.

Иблис (вероятно, от греческого «диаболис» – «дьявол»), падший ангел (отождествляется с Шайтаном), до падения носил имя Азизил, ал-Харит или ал-Хакам. В Коране, указывается, что он сам был джином (18; 48). «Из огня знойного» (15:27) джины были созданы прежде людей. Джины бывают мужского и женского пола, уродливы, с копытами на ногах.

Аллах назначил Иблиса повелителем джиннов на земле. Иблис возгордился этим, в течение тысячи лет сеял среди них смуту. Аллах наслал огонь, чтобы истребить Иблиса, но тот спасся, однако потом продолжал еще некоторое время служить Аллаху. Иблис отказался поклониться созданному Аллахом человеку и был изгнан из рая.

Первые люди – Адам и Хавва (библейская Ева) жили в раю, подобно ангелам, питались ароматом. Иблис научил их вкусить от запретного дерева (7:19). Они попробовали плод пшеницы, которая росла на дереве и имела зерна размером с дыню. Совершить грех соращения людей Шайтану (Иблису) помогли змея и павлин. Аллах изгнал людей из рая на землю. Хавва ежегодно рожала сына и дочь и произвела на свет семьдесят пар близнецов.

Через своих пророков Аллах посылал людям заветы. Пророки были высшие (расуль) и простые (наби). Всего пророков было 124 тысячи, из них высших – 313: Адам, Нух, Ибрахим, Муса, Иса, Шуайб, Худ, Селик и другие. В Мекке, между Каабой и священным колодцем Земзем, находится 99 могил с погребениями пророков.

О жизни и деятельности Мухаммада поведали и его сподвижники, оставившие рассказы – хадисы. Эти короткие повествования состоят из двух частей: в первой называются имена святых, передавших хадис, во второй – сам рассказ о делах и высказываниях пророка. В X веке из хадисов были отобраны наиболее значительные – «подлинные», составившие Сунну – мусульманское Священное предание. Сунна стала основным источником, дополняющим и поясняющим Коран. Главными составителями сунн были аль-Бухари (810 – 870) и Муслим (817 – 875). Коран и Сунна являются основой мусульманского права.

Ислам покоится на семи догматах: вере в единого Бога – Аллаха, в ангелов, во все книги Божии, во всех пророков – посланников Аллаха, в конец света, в предопределение, воскресение мертвых. Предопределение – это предустановленность всей жизни человека, его спасения и осуждение волей Бога.

Культ ислама опирается на пять столпов веры: нужно пять раз в день молиться, произносить формулу: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Его», поститься в месяц рамадан (ураза), заниматься обязательной благотворительностью (закят), совершать паломничество в Мекку (хаджж). Необходимо соблюдать религиозные обряды, праздники: курбан-байрам, ураза-байрам, мавлюд. Курбан-байрам – праздник жертвоприношения, отмечается ежегодно 10-го числа месяца джухиджа. В этот день мусульманин должен заколоть овцу, или барана, или какое-либо другое жертвенное животное и принести в мечеть. В некоторых мечетях разрешают заменить кровавую жертву внесением в кассу стоимости шкуры животного. Ураза-байрам – праздник по случаю окончания месячного поста – уразы в месяце рамадан (в этот месяц Аллах «ниспослал» на землю Коран). Ураза-байрам отмечают 1 шаввала и в последующие дни. В это время в мечети перед богослужением верующие раздают бедным милостыню (закят аль-фитр, фитр-садака), в домах устраивают угощение. Мавлюд – праздник по случаю рождения Мухаммада, отмечается 12 числа месяца раби аль-Аввала.

Откровения Мухаммада запоминались его слушателями, таких знатоков называли «носителями Корана». В битве при Иемаме (633 г.) многие из них были убиты. Халиф Омар пожелал, чтобы ближайший сподвижник Мухаммада – Абу Бакр записал воспоминания тех, кто остался в живых. Абу Бакр обратился с подобной же просьбой к бывшему секретарю Мухаммада – Зайду. Тот собрал не только устные, но и все записанные на пергаменте, пальмовых листьях и камнях предания, объединил их, передал на хранение вдове пророка Хавзе. Халиф Осман (644–654) приказал создать общий, обязательный для всех мусульман текст Корана на курайшитском наречии. Племя курайшитов жило близ Мекки, у его избранников хранились ключи от святыни Каабы. Мухаммад, будучи сам курайшитом, еще при жизни объявил наречие этого племени самым чистым арабским языком. Зайд вторично отредактировал Коран, разделил на суры. Османовский кодекс лег в основу канонического Корана.

В исламе имеется два основных направления: суннизм и шиизм. Сунниты (их большинство) признают Коран и Сунну. При назначении имамов-халифов опираются на «согласие всей общины».

Сунниты признают имамами-халифами лишь алидов – потомков халифа Али и его жены Фатимы – дочери Мухаммада.

Могила Мухаммада в Медине стала второй после Каабы святыней мусульман. В Египте и Сирии показывали камни «со следами ног» пророка. Близ Медины был камень, из которого якобы по приказанию Мухаммада капало оливковое масло.

Члены семьи Мухаммада были признаны святыми. Жену Аишу и дочь Фатиму почитали как покровительниц женщин и женского труда. Мужа Фатимы – Али начали называть «Царем мужей». Он имеет семь могил. Предание говорит, когда его хоронили, то вместо одного верблюда с телом покойного появилось семь верблюдов, и все они пошли в разные стороны. В Северной Африке имеются горные расщелины, будто бы прорубленные мечом Али, в Афганистане показывали две цепи скал, в которых превратились убитые Али драконы. По всему «мусульманскому миру» рассеяны гробницы последователей Мухаммада.

К образу Мухаммада обращались писатели, мы напомним одного. Вольтер в трагедии «Магомет» представил основателя ислама обманщиком и самозванцем. Ознакомившись с книгой Ж. Ганье «Жизнь Магомета» (Амстердам, 1732), прочитав другие сочинения об исламе, великий французский философ переменял свои суждения – стал защитником Мухаммада.

Образ пророка вообще занял видное место в поэзии Пушкина. В Коране Аллах говорит Мухаммаду: «Разве мы не раскрыли тебе твою грудь?» (94:1). Мусульманские комментаторы пояснили эти слова так: однажды ангел раскрыл пророку грудь, вынул сердце, очистил его. Близкий

образ имеется в Библии, в книге пророка Исаии (6:7, 8).
В стихотворении Пушкина 1826 года «Пророк» написано:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

В «Подражании Корану» (1824 г.) Пушкин перефразировал содержание некоторых сур. Например: павшим на поле брани пророк обещал немедленное, еще до наступления Страшного суда загробное блаженство. Пушкин писал:

Блаженны падшие в сраженье,
Теперь они вошли в Эдем
И потонули в наслажденье,
Не отравляемом ничем.

Русские писатели редко обращались к образу Мухаммада. Персонаж Ф.М. Достоевского в романе «Преступление и наказание» Раскольников вспоминает «необыкновенных людей», от рождения призванных стать «властелинами судьбы», – Ликурга, Магомета, Наполеона.

Во второй половине XX века среди народов, исповедующих ислам, наблюдается вспышка религиозных чувств, множится количество сторонников «исламского пути развития», утверждается, что «ислам есть и остается подлинной демократией, где все люди – братья и равны друг другу».

А.И. Кузьмин,
доктор филологических наук